

Выпуск № 3, 2026

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2026. Вып. 3

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2026. Issue 3

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.

Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyannyy, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Андреева В.Г.** Книга Э. Диллона «Граф Лев Толстой: новый портрет»: особенности интерпретации пути и взглядов русского писателя 5
- Таганов А.Н.** Прустовский предтекст в повести А.М. Ремизова «Учитель музыки» 15
- Карпов Д.Л.** Прыжок через пупок: концептуализм и русский рок 21
- Щекоцихина Е.В.** Женский дискурс в комедии Х. Каули «Беглянка»: проблемы гендерной эмансипации и средства социальной критики 32

Языкознание

- Губанов С.А.** Эпитетация ума в поэзии М. Цветаевой 41
- Соколова А.В.** Приемы адаптации русских атрибутивных словосочетаний в английской речи: опыт анализа и рекомендации 48
- Чераги Б., Эстири М.** Словообразовательные и лексические средства выражения компаративной семантики в русском языке и их корреляты в персидском языке 58
- Ананьина М.А.** Когнитивный потенциал аллюзивного антропонима 66
- Суворова Н.В.** Именования православного праздника *Покров Пресвятой Богородицы* в русском языке (лингвокультурологический аспект) 74

История

- Евсеев В.А.** Основные направления законодательства английского парламента в правление Якова I (по статутам королевства) 82
- Мартюшев А.В.** Чешско-немецкое противостояние в Австро-Венгерской империи на страницах журнала *Die Fackel* Карла Крауса 95
- Корников А.А.** Проекты изменения гербов Владимирской губернии во второй половине XIX века 104
- Карачевцев А.С.** Борьба с тифом в Курской губернской тюрьме в 1908—1909 гг. ... 113
- Степанова И.Б., Соколова О.В.** Эволюция отечественного уголовного законодательства в 20-х годах XX века (к 100-летию принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.) 122
- Башмакова Е.В., Гусева М.А., Комиссаров В.В.** Поиск путей сохранения городского исторического наследия в 1950—1960-е гг.: зарубежная практика и советский опыт 136

Философия

- Тайсина Э.А.** Гносеология и когнитивистика о проблеме сознания: шесть швов 147
- Кожевников Н.Н., Данилова В.С.** Самосознание философии в дискурсе высшего образования России 159
- Ерофеева К.Л.** Арифметика и алгебра морали (о золотом правиле нравственности и категорическом императиве Канта) 166
- Петряков Л.Д., Зосимчук В.Н.** Сознание без самости, страдание без свободы (постановка проблемы) 174
- Меликян М.А., Смирнов Д.Г.** Homo tolerans через призму ноосферной антропологии 183
- Лебедев В.С., Смирнов Д.Г.** Философия экстремального сознания: исследовательские рамки 190

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Andreeva V.G.** E. Dillon's book "Count Leo Tolstoy: a new portrait": features of the interpretation of the path and views of the Russian writer 5
- Taganov A.N.** Proustian pretext in A.M. Remizov's story "The Music Teacher" 15
- Karpov D.L.** Jump over the navel: conceptualism and Russian rock 21
- Schchekochikhina E.V.** Feminine discourse in Hannah Cowley's comedy "The Runaway": issues of gender emancipation and means of social criticism 32

Linguistics

- Gubanov S.A.** Epithetation of concept "mind" in M. Tsvetaeva's poetry 41
- Sokolova A.V.** Strategies for adapting Russian attributive word combinations in English speech: analysis and recommendations 48
- Cheraghi B., Estiri M.** Word-formation and lexical means of expressing comparative semantics in Russian language and their correlates in Persian language 58
- Ananyina M.A.** Cognitive potential of an allusive anthroponym 66
- Suvorova N.V.** Names of the Orthodox holiday *Protection of the Most Holy Theotokos* in Russian (linguistic and cultural aspect) 74

History

- Evseev V.A.** Main trends of legislation of the English Parliament during the Reign of James I (according to the statutes of the Kingdom) 82
- Martyushev A.V.** The Czech-German confrontation in the Austro-Hungarian Empire on the pages of Karl Kraus' *die Fackel* magazine 95
- Kornikov A.A.** Proposed changes to the coats of arms of the Vladimir Province in the second half of the 19th century 104
- Karachevtsev A.S.** The fight against typhus in the Kursk Provincial Prison in 1908–1909 113
- Stepanova I.B., Sokolova O.V.** Evolution of domestic criminal legislation in the 1920s (on the 100th anniversary of the adoption of the criminal code of the RSFSR in 1926) 122
- Bashmakova E.V., Guseva M.A., Komissarov V.V.** The search for ways to preserve urban historical heritage in the 1950s and 1960s: foreign practice and soviet experience 136

Philosophy

- Tajsina E.A.** Gnoseology and cognitivism on the problem of consciousness: six seams 147
- Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.** Self-awareness of philosophy in the discourse of higher education in Russia 159
- Yerofeeva K.L.** Arithmetic and algebra of morality (on the golden rule of morality and Kant's categorical imperative) 166
- Petryakov L.D., Zosimchuk V.N.** Consciousness without self, suffering without freedom (statement of the problem) 174
- Melikyan M.A., Smirnov D.G.** Homo tolerans through the prism of noospheric anthropology 183
- Lebedev V.S., Smirnov D.G.** Philosophy of extreme consciousness: research framework 190

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 5—14.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 5—14.

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

EDN <https://elibrary.ru/alpkvu>

DOI: 10.46726/И.2026.3.1

КНИГА Э. ДИЛЛОНА «ГРАФ ЛЕВ ТОЛСТОЙ: НОВЫЙ ПОРТРЕТ»: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПУТИ И ВЗГЛЯДОВ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
г. Москва, Россия, lanfra87@mail.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к истории взаимоотношений и переписки Л.Н. Толстого и журналиста, лингвиста и переводчика Эмиля Джозефа Диллона (1854—1933), а также рассматривает книгу последнего «Граф Лев Толстой: новый портрет» (1934), которая была задумана автором еще во время его встреч с Толстым в 1890-е гг., создана спустя более 20 лет после смерти классика, а вышла в свет уже после ухода из жизни самого Диллона. В статье отмечается, что написанная на английском языке и для иностранных читателей, данная книга представляет особенный интерес, поскольку содержит яркую интерпретацию пути Толстого и его мировоззрения, данную иностранцем, прекрасно знавшим русский язык и много размышлявшим по поводу особенностей жизни России конца XIX — начала XX в. Автор статьи обозначает ключевые проблемы художественного и публицистического творчества Толстого, заинтересовавшие Диллона и наиболее ярко зафиксированные им в повествовании, а также анализирует скрепление взглядов представителей двух культур и традиций (Толстого и Диллона), которые оказались обращены к одним религиозным и философским вопросам. Актуальность исследованию придает тот факт, что книга Диллона до сих пор не переведена на русский язык и не упоминается в работах отечественных ученых.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Э. Диллон, рецепция, литературные переводы, публицистика, «Крейцера соната», духовно-нравственные искания, мировоззрение

Благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00120 «Л.Н. Толстой — читатель и читатели Л.Н. Толстого: на перекрестке культур и эпох», <https://rscf.ru/project/26-18-00120/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Книга Э. Диллона «Граф Лев Толстой: новый портрет»: особенности интерпретации пути и взглядов русского писателя // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 5—14.

Известность Л.Н. Толстого значительно возросла в 1890-е гг., после того, как он обрел славу не только писателя, но публициста и общественного деятеля, открыто боровшегося с социальными несправедливостями и человеческими пороками. В это время Толстой становится автором мирового масштаба: его мыслями и воззрениями интересуются в разных странах, его произведения активно переводятся на разные языки, прежде всего на английский, французский, немецкий.

В данной статье мы обратимся к книге журналиста, лингвиста и переводчика Эмиля Джозефа Диллона (1854—1933) «Граф Лев Толстой: новый портрет» (1934), которая была задумана автором еще во время его встреч с Толстым в 1890-е гг., создана спустя более 20 лет после смерти классика, а вышла в свет уже после ухода из жизни самого Диллона [Dillon]. Написанная на английском языке и для иностранных читателей, книга представляет особенный интерес, поскольку в ней содержится яркая интерпретация пути Толстого и его мировоззрения, данная иностранцем, прекрасно знавшим русский язык и много размышлявшим по поводу особенностей жизни России конца XIX — начала XX века. Мы не претендуем в статье на полный и развернутый обзор книги, но постараемся обозначить ключевые проблемы художественного и публицистического творчества Толстого, наиболее заинтересовавшие Диллона, а также проанализировать скрепление взглядов представителей двух культур и традиций, которые оказались обращены к одним вопросам. Актуальность исследованию придает и тот факт, что книга Диллона до сих пор не переведена на русский язык и не упоминается в работах отечественных ученых.

Факт невнимания к книге Диллона на самом деле выглядит упущением, поскольку Диллон во многом известен и в России, и за рубежом благодаря взаимодействию и общению с Толстым. Так, О.И. Галкина отметила, что «в западной, особенно английской, историографии имя Эмилия Диллона до сих пор представляет интерес лишь благодаря его близкому знакомству с Л.Н. Толстым» [Галкина: 39]. В 2025 г. вышла биография Диллона, написанная Кевином Рафтером, ученые проявили интерес к лингвисту и журналисту, что не случайно. Ранее исследовательница справедливо подчеркнула: «Между тем, по мотивам его биографии можно было бы написать роман. Уроженец Дублина, учившийся в Париже, Лейпциге и Тюбингене, интересовался сравнительной филологией настолько, что выучил 26 языков» [Там же: 38]. Однако диалог Диллона с Толстым и восприятие наследия классика остаются фактически не освещенными.

Диллон был очень образованным, грамотным, интересным человеком, он начал свой профессиональный путь как ученый-лингвист, а далее долгое время совмещал общественно-политическую работу как российский корреспондент “The Daily Telegraph” с переводческой деятельностью и продолжением исследований тех исторических и философских проблем, которые волновали его лично, стали неотъемлемой частью его духовно-нравственных исканий. Диллон стал приятелем и соратником С.Ю. Витте, сопровождал его в 1905 г. на конференцию в Портсмут, которая знаменовала завершение русско-японской войны. О.В. Соколовская, обратившаяся к международной деятельности Диллона и его архивам, отметила высокую оценку, которую дал С.Ю. Витте Диллону, а также подчеркнула уровень мастерства и продвинутой корреспондента, смогшего впервые с середины океана дать по воздушному телеграфу интервью с Витте в связи с предстоящими переговорами: «Это было первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана» [Соколовская: 474].

При изучении писем Диллона к Толстому и в целом их переписки может сложиться впечатление, что Толстой заинтересовал его прежде всего как знаменитый писатель, к переводу произведений которого Диллон обратился. На самом деле это тоже верно: Диллон открывал позднего Толстого англоязычным читателям — он перевел «Крейцерову сонату», запрещенную тогда в России, но активно читаемую по переписанным копиям и имевшую огромный успех, а также ряд других произведений писателя. В своем первом личном письме к Толстому от 23 апреля 1890 г. Диллон писал о переводе «Крейцеровой сонаты», который он с большой тщательностью сделал, о поиске им издателя, «который бы взялся все напечатать, как есть, без пропусков и обиняков» [ОР ГМТ: КП-9390/9230, ф. 1, оп. 2, инв. № 147/95, л. 1] и о том, что издатель выразил к нему встречную просьбу — «чтобы я ему помог разуверить английскую публику в ее странных представлениях о цели и сути “Крейцеровой сонаты”» [Там же: л. 1 об.].

Диллон стал одним из первых своеобразных посредников между Толстым и английскими читателями, который не просто преподносил для публики произведения писателя, но радел за правильное их понимание. В данном письме Диллон сообщает о множестве ложных и крайних толкований взглядов Толстого, их порою намеренных искажений в англоязычной среде, с которыми сам Диллон намерен был бороться. Он признается Толстому, что разделяет его взгляды на вопрос взаимоотношения полов, выраженные в «Послесловии» к «Крейцеровой сонате»: «Я и хотел было поднять свой тонкий голос в защиту принципа, который хотя до сих пор и не соблюдал, но в глубине сердца признаю истинным, животворящим, когда Г. Ганзен привез Ваше Послесловие» [Там же]. В письме Диллон, по совету В.Г. Черткова, обращается к Толстому за разрешением о публикации перевода толстовского «Послесловия» вместе с самим произведением в Англии для рассеивания существующих недоразумений.

Сразу же оговоримся о том, что публикация предполагаемых произведений оказалась не такой простой, как это думалось Диллону. Однако Толстой благожелательно отнесся к просьбе Диллона. Более того, писатель счел необходимым сделать для него своеобразное исключение. В письме от 29 апреля 1890 г. к Диллону Толстой писал: «Я вообще не обращаю никакого внимания на издание моих писаний и переводов с них и только благодарен тем, которые их распространяют в какой бы то ни было форме» [Толстой 65: 82], но далее отмечал особую серьезность Диллона и свою готовность помочь ему в этом деле. Вряд ли в данном случае Толстой был предельно откровенен в том, что он не обращал внимания на переводы своих произведений и дальнейшее распространение взглядов — скорее всего, при высказывании этой позиции имел значение толстовский отказ от гонораров за свои поздние произведения, а также большая загруженность писателя делами. Нам важно, что Толстой поощрил деятельность Диллона, настаивал на выражении искренних впечатлений, которые позволили бы исключить обман и предвзятое отношение: «Если каждый с своей личной точки зрения скажет искренно то, что он думает и чувствует об этом предмете, то многое темное уяснится, привычно лживо скрытое откроется...» [Там же].

Мы не можем исключать и того факта, что Диллон взялся за переводы произведений Толстого в том числе потому, что видел огромную популярность писателя в России и все растущую его известность в мире. В своей книге о Толстом Диллон косвенно подтверждает это, рассказывая, как он с Вл. Соловьевым был приглашен на вечер в салоне, где должным образом оценивались самые значимые движения того времени — литературные, художественные, философские, как он наблюдал за восприятием слушателями «Крейцеровой сонаты»: «Мы слушали

чтеца в глубоком молчании, но расширенные глаза, поднятые брови и изменившиеся выражения лиц некоторых слушателей говорили об их истории так же ясно, как если бы она была рассказана словами. Все были ошеломлены, некоторые, очевидно, были разочарованы, другие возмущены, а один или два человека, казалось, сдержанно позабавились» [Dillon: 118]. Талантливый переводчик, человек, живо интересовавшийся актуальными проблемами своего времени, Диллон хотел браться за перевод тех произведений, которые не остались бы в тени. И в этом плане любое произведение Толстого было благодатным материалом для перевода.

Однако именно благодаря книге Диллона становится понятно, что его лично как человека со своими духовными поисками привлек не только Толстой-писатель, но и Толстой-мыслитель. Одиннадцатую главу, которая называется «Почему я захотел увидеть Толстого», Диллон начинает с изложения своих собственных поисков истины, сомнений и колебаний. А далее отмечает, что цель этого отступления в повествовании состояла в его желании прояснить мотивы встречи с Толстым — Диллон поясняет, что к Толстому он поехал для обретения спокойствия. Примечательно, что Диллон представляет до этого мнение большинства, показывая, как Ясная Поляна стала своеобразным энергетическим центром притяжения: «Говорили, что он обладает секретом, изгоняющим все подобные страхи и дарующим высшее душевное спокойствие. Безусловно, рассказы об аскетической и святой жизни, которую он вел после обращения, и о душевном покое, который с тех пор его охватил, наполняли меня тоскливым желанием оказаться в зоне его благотворного влияния. Паломники стекались в его историческое имение Ясная Поляна в Тульской губернии со всех уголков мира и находили утешение и успокоение в его наставлениях» [Там же: 162].

В книге Диллон большое внимание уделяет первому разговору с Толстым и его домочадцами, встрече его в Ясной Поляне, дальнейшим беседам. В. Абросимова отметила, что «главным, поворотным моментом своей жизни Диллон с полным основанием считал свою встречу с Толстым в декабре 1890 года, к которой он тщательно готовился» [Абросимова: 127]. Скорее всего, книга Диллона была бы совершенно другой и по стилю, и по содержанию, если бы он начал ее писать сразу после встречи с Толстым. Однако именно разговоры с писателем и толстовское решение о том, что еще не настало время для подробной его биографии, адресованной английским читателям, остановили Диллона в его намерении начинать труд.

Диллон рассказывает, как Толстой во время встречи согласился на ознакомление с его дневниками, однако просил не переписывать содержания записей, а сам гость пообещал, что пока отложит идею о написании книги о Толстом [Dillon: 174]. Значительный временной период, прошедший с момента общения Толстого и Диллона, их переписки до начала работы последнего над изданием обусловил общий тон и широту повествования Диллона. Кроме того, книга была создана уже после распада Российской империи, после революции, после написания известной статьи В.И. Ленина «Толстой как зеркало русской революции». Сам Диллон в свете событий мировой общественно-политической жизни первой четверти XX в. и собственного жизненного опыта уже гораздо более объемно оценил не только фигуру Толстого, но и его место в истории русской литературы, русской жизни. Разумеется, намного сдержаннее (по сравнению с 1890-ми годами), как нам видится, звучит в книге описание не столько конфликта Толстого и Диллона, сколько той сложной и проблемной для переводчика и порядочного человека ситуации, в которую был поставлен Диллон при переводе статьи Толстого о голоде в России 1891 г.

В книге Диллона, в главе «Газетная война» подробно и тщательно освещается инцидент, который, как отметил сам Диллон, «бросает тень на звездный путь» Толстого [Там же: 11]. Этот случай тщательно исследован в статье В. Абрисимовой, уделяющей большое внимание итоговым письмам Толстого и Диллона, однако, к сожалению, не обращающейся к книге Диллона. Получилось так, что запрещенная в России и переведенная Диллоном статья Толстого «О голоде», вышедшая в лондонской газете “Daily Telegraph” под заглавием «Почему голодают русские крестьяне?», была далее использована газетой «Московские ведомости», которая перепечатала выдержки из статьи с вольным и грубым комментарием, выставившим Толстого как пропагандиста самого разнузданного социализма. Л.Д. Опульская отмечает, что «это был публичный донос, и злобный»: «В придворных сферах начались разговоры, что Толстого нужно выслать или посадить в дом умалишенных» [Опульская: 253]. Под влиянием С.А. Толстой, которая очень переживала за детей, честь мужа и семьи, Толстой написал опровержение и отказался от того, что переведенные слова принадлежат ему. По сути дела, Толстой сообщал именно об ошибке перевода и лживых словах «Московских ведомостей», однако письмо его было составлено так (указание на двукратный перевод [Толстой 66: 160—161]), что виновником ситуации оказался и Диллон.

Не случайно В.В. Леденёва отмечает по этому поводу, что «имя русско-английского ученого-ориенталиста, доктора сравнительно-исторического языковедения, авторитетного журналиста Э.М. Диллона могло иметь другое, более глубокое наполнение как прецедентное в русской культуре (ученый, знаток языков, корреспондент авторитетных изданий, соратник Лескова и Соловьева). Но в его ореол сильнее других вписался компонент “конфликт с Л.Н. Толстым”» [Леденёва: 81].

Письмо-ответ Диллону на его просьбу разъяснений, письмо с признанием того, что он действительно стал причиной неприятностей английского переводчика, Толстой написал по просьбе и даже под влиянием Н.С. Лескова. Толстой сетовал в нем на самого себя, сожалел, что медлил с ответом: «Я сначала откладывал, потом колебался, писать или нет, а под конец и совсем оставил намерение писать. <...> Я ни минуты не испытывал к Вам недоброжелательства, а напротив, очень сожалел о тех неприятностях, которым Вы подверглись и которых я был отчасти невольной причиной» [Толстой 66: 244—245].

Книга Диллона позволяет лучше понять всю эту ситуацию, причем прошедшее время дало возможность ее автору сделать многозначительные выводы, увидеть не слабость Толстого, но причины его поступка и своеобразного отступления назад, которые было сделано в угоду С.А. Толстой. В главе, которая так и называется «Объяснение поведения Толстого», Диллон не только раскрывает причины этой ситуации, когда С.А. Толстая убедила мужа написать опровержение по причине собственных амбиций и желания быть принятой ко двору, но и рассказывает еще несколько примечательных случаев, которые позволяют читателю оценить пассивность Толстого в выражении собственной позиции, утверждении своего мнения перед публикой, когда писатель предоставлял случаю и обстоятельствам решить все за него.

Диллон показывает, как Толстой вынужден был поступаться своими убеждениями в угоду супруге: так было, например, с гонораром за пьесу «Плоды просвещения», которую Диллон, как он сам отмечает тут же, перевел на английский. Пьеса была удачно поставлена в Императорском театре в Петербурге, Толстой не намеревался получать никаких выплат, когда директору театра от С.А. Толстой пришло письмо с вопросом о гонораре за постановку, причитающемся автору. Директор был вынужден обратиться к императору, дважды узнавали положения

закона, Толстой отказывался от выплат, но после некоторого молчания, когда стало известно, что деньги могут быть вручены только автору по расписке, с большой неохотой получил их [Dillon: 243—244].

Книга Диллона имеет своеобразную композицию, причем ее чтение открывает, как постепенно переводчик освободился от обиды на Толстого: по сути дела, книга стала катарсисом. Упомянув в предисловии сразу же о неудачной ситуации, в которой оказались и Толстой, и Диллон в связи со статьей о голоде, английский автор далее обозначает несколько ключевых сложностей характера и противоречий, даже слабостей Толстого, которые, по сути, должны были стать ключевыми в его повествовании. В первую очередь, он пишет о том, что «всю свою жизнь Толстой не мог довести ни одну цель до конца», и далее следует целый перечень указываемых дел и занятий писателя, оставленных или брошенных им. Упоминает Диллон о постепенных колебаниях Толстого и его двойственности, неспособности выдерживать одну какую-либо позицию, поскольку Толстой одновременно был и анархистом, и аристократом, одевался как русский мужик, но не терял дворянского звания, выражал национальные русские основы, но при этом писал самые западные романы [Там же: 13]. Диллон подчеркивает слабость Толстого как религиозного реформатора и приступы ревности, наслаждения одобрением, которые затмевали щедрость его сердца. Он отмечает неумение писателя хвалить людей, особенно близких, и жившую в нем любовь к славе. Небольшое введение к изданию предполагает скорее негативное отношение Диллона к Толстому, однако далее в девятнадцати главах автор раскрывает сложную историю становления таланта и выхода Толстого к проблемным вопросам современности в 1880—1890-е гг. и фактически оправдывает гения русской литературы. Можно сказать, что предполагаемое рассуждение о непоследовательности Толстого переходит в рассказ об уникальном писателе и человеке.

Специфика книги Диллона, которая, по первой задумке его, должна была быть биографической, на самом деле заключается в ретроспективном взгляде на Толстого и попытке объяснения своеобразия его мышления, специфики условий и среды, сформировавших писателя. Лишь внешне похожая на биографию (Диллон пишет о предках Толстого и дает краткие факты его жизненного пути), книга в основном содержит вопросы, касающиеся позднего периода творчества писателя. В истоках и началах жизни Толстого Диллон усердно ищет то, что могло привести потом классика к серьезному мировоззренческому кризису, а далее — к формированию своего собственного учения.

Диллон обращает немалое внимание на характер Николеньки Иртеньева, называя его литературным «я» Толстого. Проецируя на самого Толстого все сложности, с которыми сталкивался его герой, Диллон отмечает, что «черты детского характера, запечатленные в памяти его родственников или описанные им самим в своих произведениях, отличаются от черт взрослого человека лишь интенсивностью и степенью» [Там же: 36]. Примечательно, что Диллон ищет подступы к объяснению поведения Толстого и его героев, основываясь на анализе поздних произведений писателя. Так, он часто находит мотивы и рассуждения, характерные для переведенной им «Крейцеровой сонаты» у раннего Толстого. Один из основных в данном случае — мотив ревности [Там же: 39].

Диллон использует и психологический метод, показывая, как здоровые природные склонности, обостренное самолюбие юного Толстого, которого не понимали окружающие, переросли в болезненное самолюбие. Автор книги убежден, что Толстому не удалось испытать в детстве ощущения райского счастья, к которому он далее стремился всю жизнь. И в этом отношении Диллон предвещает

рассуждения П.В. Басинского о Ясной Поляне как рае для детей Толстого, организованном писателем и его супругой, которые сами не вполне смогли им наслаждаться: «Эта бытовая поэзия Ясной Поляны, оставившая столь неизгладимое очарование в детях Толстого, что все они вспоминали о яснополянском детстве как о рае, на их мать, в ее восемнадцать — девятнадцать лет, произвела впечатление совсем не однозначное. В конце концов, она просто привыкла к ней» [Басинский: 108].

Диллон констатирует толстовское чувство превосходства и вследствие этого отчужденности, которое сопровождало его далее по жизни. Очень интересно, что внецерковную исповедальность, характерную для писателя и его героев, Диллон рассматривает как национальное качество, черту славян, проживающих на территории России. И вновь, рассуждая о Толстом и его творчестве в целом, он приводит пример из любимейшей ему «Крейцеровой сонаты»: «Случайный попутчик в железнодорожном вагоне, подобно толстовскому Позднышеву, выставляет напоказ пятно на своей чести или рассказывает унижительную историю своей жизни с откровенностью, которая поражает иностранца и вызывает сочувствие местного жителя» [Dillon: 51]. Диллон глубоко убежден, что многочисленные влияния, побуждавшие Толстого к работе ума и воли, имели сексуальный и религиозный характер, причем последний сочетался со страхом смерти.

Значительное внимание в книге уделяется образу и локусу Ясной Поляны, для Толстого ставшей собственным домом, определившей его взрослость, самостоятельность. При этом Диллон скептически относится к толстовской идее просвещения народа. Он рисует очень неллицеприятный и по сути правдивый образ русского крестьянства: «Крестьяне жили в глиняных хижинах в нищете и грязи; их основной пищей были черный хлеб, капустный суп и гречневая каша... Главным их удовольствием было пьянство» [Там же: 85—86]. Он подчеркивает, что усилия Толстого оказались направлены на взаимодействие с крестьянами, но не на полное освобождение народа, что в поздний период творчества воспоминания писателя о своей помощи народу вызывали в нем чувство умиления.

Диллон опирается на переписку Толстого и Б.Н. Чичерина, полностью занимая позицию последнего и цитируя значимые отрывки из писем корреспондентов. Чичерин был вдохновлен Англией, старался объяснить Толстому, что невозможно изучить эту древнюю страну без серьезной подготовки, полагаясь лишь на внешние впечатления. При уважении к России в целом и желании осмыслить особенности русского характера, Диллон всегда оставался патриотом [Там же: 91—92].

Преимущественное внимание в книге уделяется даже не искусству Толстого, которое, как показывает автор, максимально лично, а при этом настолько широко в плане охвата жизни, настолько глубоко в понимании мотивов и чувств людей, что Толстой не мог не занять лидирующей позиции среди всех писателей. Намного больше Диллон пишет о том, что он знал не понаслышке — о понимании жизни, принципах творчества и мировоззренческих основах Толстого. В то время как письма Диллона и Толстого 1890-х гг. раскрывают максимально вежливое отношение переводчика, который не мог возражать автору, в книге мы видим переосмысленную историю рассуждений о «Крейцеровой сонате». Диллон, увлеченный Толстым и его новыми идеями, не сразу мог предвидеть возражения консервативных редакторов и издателей («Интересно, что при публикации “Крейцеровой сонаты” некоторые “неприличные” и “неудобные” выражения вымарывались...» [Боева: 26]), тем более английских. Толстой же, как он показывает, зная свою роль «реформатора» мышления, оставался максимально прямолинейным: «Тем временем американка, для которой была зарезервирована почетная задача перевода

“Крейцеровой сонаты”, написала в категоричных выражениях, отказавшись браться за работу. Она была совершенно возмущена произведением. Она объяснила, что никогда в жизни не читала ничего подобного и горячо надеялась, что больше никогда не увидит ничего подобного. Это был удар для автора и его друзей. Меня тут же уведомили об этом решении и призвали занять ее место. Но граф настоял на том, чтобы я строго придерживался откровенной фразеологии русского текста. “Даже если вы сочтете некоторые слова и фразы излишне грубыми, вульгарными, жестокими, вы не должны уклоняться от того, чтобы дать им полные английские эквиваленты. Не должно быть никакого притворства или жеманства: лопату нужно называть лопатой”» [Dillon: 123]. Диллон передает, как он старался, как боролся за максимально дословный перевод, как держал Толстого в курсе исключения всех «непристойностей».

Английский автор достаточно емко формулирует в книге философско-жизненное кредо Толстого, восходящее к идее братства и проповеди ненасилия, более того, он пронизательно отмечает, что около Толстого оказалась большая категория людей, не поддерживавших писателя, его идеи, а лишь недовольных собой и миром, поэтому готовая к любому оппозиционному движению [Там же: 130].

Очень интересно, что Диллон избегает спора с Толстым или возражений писателю, он использует другую тактику — рассказывает о восприятии «учения» Толстого очень разными людьми, посещавшими Ясную Поляну, нередко иллюстрировавшими ее хозяину крайности поведения, граничащие с психическим нездоровьем, или, наоборот, заставлявшие Толстого глубоко задуматься о разнице проповедуемого им идеала и настоящего положения дел. Диллон пересказывает яркую историю, которая была поведана ему самим писателем — о стариках, нашедших большую разницу в работах Толстого и его образе жизни, которые после созерцания жизни в Ясной Поляне ответили: «Ты живешь не такой простой жизнью, как мы себе представляли, и поэтому ты не можешь рассказать нам то, что мы хотим знать» [Там же: 178].

Диллон не случайно останавливается на подобном примере, он позволяет ему перейти к критике религии Толстого, поскольку «его собственная жизнь, несмотря на его обновленные решения, была убедительным доказательством полной невозможности следовать заповедям новой религии даже для человека, обладающего исключительными способностями и находящегося в необычайно благоприятных обстоятельствах» [Там же: 182]. Как верующий человек, сам много времени проведенный в религиозных поисках, Диллон убежден, что Толстому не хватало религии чувств, настроений, единения с Богом. Он подытоживал, что толстовская религия осталась холодной психологией, а его сердце было убито разумом [Там же: 195—196].

Одним из первых среди всех иностранных авторов Диллон поднял вопрос о причине семейного кризиса Толстых, о противоречиях жизни писателя и его уходе из Ясной Поляны. Диллон вновь использует выбранный им прием цитации отрывков из эго-документов и приводит доводы разных людей, причудливо их перетасовывая, подталкивая к выводам самого читателя (необходимо отметить, что этот подход стал популярен в отечественном толстоведении уже в XXI веке, примером его может быть книга Н.Г. Михновец, особенно ее часть «Любовь и бунт», касающаяся конфликта Толстого и его жены [Михновец: 37—266]).

Интересно, что главу «Почему Толстой сбежал из дома» Диллон завершает историей о восприятии Софьей Андреевной и Андреем Львовичем телеграммы от императора, иллюстрирующей подбострастие, снобизм и формализм родственников Толстого — всего того, что и побудило известного писателя, мечтавшего переделать мир, отвернуться от дома и семьи.

Символично, что книга Диллона о Толстом стала последней значительной работой в его обширной писательской и журналистской карьере. Диллон сдержал свое обещание, он опубликовал биографию русского писателя после его смерти, написал ее искренне. Более того, книга стала и объяснением Толстого, его позиции иностранному читателю, и своеобразной исповедью самого Диллона, отказавшегося в юности от пути священника.

Список источников

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Художественная литература, 1928—1958.
Dillon E.J. Count Leo Tolstoy: A New Portrait. London: Hutchinson & Co, 1934, 286 p.

Список литературы / References

- Абросимова В. «...Рассказать жизнь, как она была...» (Из писем Эмилия Диллона к Л.Н. Толстому) // Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 124—172.
(Abrosimova V. “...To tell life as it was...” (From the letters of Emil Dillon to L.N. Tolstoy), *Voprosy literatury*, 1989, iss. 11, pp. 124—172. — In Russ.)
- Басинский П.В. Л.Н. Толстой: бегство из рая. М.: АСТ, 2011. 366 с.
(Basinsky P.V. L.N. Tolstoy: escape from Paradise, Moscow, 2011, 366 p. — In Russ.)
- Боева Г.Н. «Крейцера соната» Л. Толстого в формировании литературно-критического дискурса о «половом вопросе» // VI Фрейдовские чтения: категории различий в психоанализе и психологии / под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2022. С. 24—33.
(Boeva G.N. “The Kreutzer Sonata” by L. Tolstoy in the formation of literary-critical discourse on the “sexual question”, *VI Freud readings: categories of difference in psychoanalysis and psychology*, ed. by prof. M.M. Reshetnikova, St. Petersburg, 2022, pp. 24—33. — In Russ.)
- Галкина О.И. Британский журналист Эмиль Диллан о русском характере // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия. Владимир: Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2023. С. 37—44.
(Galkina O.I. British journalist Emil Dillon on the Russian character, *The historical experience of world civilizations and Russia*, Vladimir, 2023, pp. 37—44. — In Russ.)
- Леденёва В.В. Неопубликованное письмо Н.С. Лескова в контексте культурно-исторических событий: взгляд лингвиста // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6, № 5А. С. 76—85.
(Ledeneva V.V. An Unpublished letter by N.S. Leskov in the context of cultural and historical events: a linguist’s view, *Culture and civilization*, 2016, vol. 6, no. 5A, pp. 76—85. — In Russ.)
- Михновец Н.Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.
(Mikhnovets N.G. Life with a genius: Leo Tolstoy’s wife and daughters, St. Petersburg, 2025, 928 p. — In Russ.)
- Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. 287 с.
(Opulskaya L.D. Lev Nikolaevich Tolstoy: Materials for a biography from 1886 to 1892, Moscow, 1979, 287 p. — In Russ.)
- Соколовская О.В. Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США // Славянский альманах. 2020. № 3—4. С. 473—491.
(Sokolovskaya O.V. Emilius Dillon, Anglo-Russian Scholar, and His Archive in the USA, *Slavic almanac*, 2020, iss. 3—4, pp. 473—491. — In Russ.)

E. DILLON'S BOOK "COUNT LEO TOLSTOY: A NEW PORTRAIT": FEATURES OF THE INTERPRETATION OF THE PATH AND VIEWS OF THE RUSSIAN WRITER

Valeria G. Andreeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Abstract. The author of this article examines the relationship and correspondence between Leo Tolstoy and the journalist, linguist, and translator Emil Joseph Dillon (1854—1933), and also examines the latter's book, *Count Leo Tolstoy: A New Portrait* (1934), which was conceived by the author during his meetings with Tolstoy in the 1890s, created more than 20 years after the classic writer's death, and published after Dillon's own death. The article notes that, written in English and for foreign readers, this book is of particular interest because it contains a vivid interpretation of Tolstoy's path and worldview, given by a foreigner who knew Russian well and reflected extensively on the peculiarities of life in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The author of this article identifies key issues in Tolstoy's artistic and journalistic work that interested Dillon and were most vividly captured in his narrative. She also analyzes the intersection of the views of representatives of two cultures and traditions (Tolstoy and Dillon), who found themselves addressing the same religious and philosophical questions. The relevance of this study is enhanced by the fact that Dillon's book has not yet been translated into Russian and is not mentioned in the works of Russian scholars.

Keywords: L.N. Tolstoy, E. Dillon, reception, literary translations, journalism, "Kreutzer Sonata", spiritual and moral quest, worldview

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 26-18-00120 "L.N. Tolstoy — the reader and readers of L.N. Tolstoy: at the crossroads of cultures and eras", <https://rscf.ru/en/project/26-18-00120/>

For citations: Andreeva V.G. E. Dillon's book "Count Leo Tolstoy: a new portrait": features of the interpretation of the path and views of the Russian writer, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 5—14.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 18.06.2026; approved after reviewing 20.07.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Андреева Валерия Геннадьевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, основной исполнитель гранта, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, lanfra87@mail.ru, SPIN: 8349-0805

Andreeva Valeria Gennadievna — Doctor of Sciences (Philology), Leading Research Fellow, principal grant implementer, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, lanfra87@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2026. Вып. 3. С. 15—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 15—20.

Научная статья

УДК 821.161.1:821.133.1:801.73

EDN <https://elibrary.ru/apxkow>

DOI: 10.46726/H.2026.3.2

ПРУСТОВСКИЙ ПРЕДТЕКСТ В ПОВЕСТИ А.М. РЕМИЗОВА «УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ»

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru

Аннотация. На примере одной цитаты из романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», присутствующей в книге А.М. Ремизова «Учитель музыки», в статье рассматривается роль прустовского предтекста в творчестве русского писателя — проблема, которая еще не рассматривалась в литературоведении. При всем различии произведений двух авторов в них довольно неожиданно обнаруживаются общие черты. Своего рода связующим звеном, объединившим художественные миры этих писателей, становится достаточно часто встречающееся во французском языке слово-междометие “zut”, которое, не обладая конкретным семантическим значением, может спонтанно выражать различные эмоциональные реакции на внешние события как позитивного, так и негативного планов. У Ремизова, как и у Пруста, это слово связано с состоянием главных персонажей, возникшим в конкретных обстоятельствах в определенный момент существования, но которое в силу своей сложности, многоплановости и неопределенности остается непроясненным. Учитывая автобиографическую основу прозы Пруста и Ремизова, вполне закономерно переносить внутренний жизненный опыт «переживания» жизни их главных персонажей на самих авторов, которых объединяет непрерывный поиск новых художественных принципов и форм, необходимых для постижения глубинных слоев внутренней жизни личности. Прустовское “zut” органичным образом входит в текст Ремизова в качестве интермедийного элемента, привнося с собой и тот смысл, который заложен в нем автором «Поисков».

Ключевые слова: А.М. Ремизов, М. Пруст, «зют», интертекст, предтекст

Для цитирования: Таганов А.Н. Прустовский предтекст в повести А.М. Ремизова «Учитель музыки» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 15—20.

Интертекстуальная составляющая такой сложной в жанровом плане автобиографической книги А.М. Ремизова, как «Учитель музыки», весьма обширна и разнообразна. Основную роль в ней, естественно, играет русская литература и в первую очередь «гоголевский текст». В этой связи отсылка к прустовскому предтексту может выглядеть несколько неожиданной и даже неоправданной, поскольку художественные миры и эстетические ориентации этих писателей довольно далеки друг от друга. Однако, несмотря на принципиальное несходство творчества Марселя Пруста и Алексея Михайловича Ремизова, попытки их сопоставления в литературоведческих исследованиях существуют. При всем различии художественных систем двух писателей в них достаточно неожиданно обнаруживаются общие черты. Это сходство приобретает, на первый взгляд, случайный характер, однако при более внимательном взгляде оказывается закономерным, свидетельствуя о близости поисков в сфере литературного языка (см.: [Амелия; Дубровина; Таганов 2025b]). При всем том, что их писательская деятельность

развивалась примерно в одно и то же время, очевидно, что для Пруста творчество русского писателя осталось совершенно неизвестным. Что касается Ремизова, здесь стоит прислушаться к С.Н. Дубровиной, которая замечает: «Судя по всему, имя Пруста входило в круг имен, к которым писатель испытывал постоянный интерес» [Дубровина: 148].

Непосредственное подтверждение знакомства автора «Учителя музыки» с творчеством автора романа «В поисках утраченного времени» можно найти как в его художественных произведениях, так и в переписке. В одном из писем к Н.В. Кодрянской от 20 апреля 1949 года, говоря о Ядвиге Владиславовне Прескель, Ремизов рассказывает: «Принесла переписанные на машинке Басни. Я ей сказал, что она пишет не по-русски. Она не обиделась, а очень удивилась. И я услышал знакомое вам, о André Gide, его отзыв о Прусте, что пишет не по-французски, а между тем, Пруст — имя! О Толстом и Достоевском, о их ошибках и опять имя» [Кодрянская: 118].

В художественных произведениях упоминание французского писателя встречается крайне редко, хотя и там внимание к Прусту проявляется, как это происходит, например, в книге «Иверень: Загогулины моей памяти»: «Изощря память на сны, я каждое утро записывал сон. Так и осталось на всю жизнь. Для писателей это очень полезно: помогает набить руку, да и памяти работа, и не дневная — по верхам, а до корней. Из моего, как сам я понимаю, толк невелик, но если бы писатели одаренные, с глазом, с ухом, с сердцем, “недотроги”, на которых все действует, попробовали развить в себе эту коренную память на “ночное”, бобровую перекоп, литература приняла бы, я уверен, совсем другую форму, она была бы ближе к Прусту и много было бы в ней и чудного, и чуждого с теми приятными и неприятными неожиданностями, какие бывают только во сне» [Ремизов 8: 277].

Другой пример находим в автобиографической повести «Учитель музыки», точнее, в одной из подглавок второй части книги, в которой упоминается имя Пруста и приводится цитата из его романа «В поисках утраченного времени», что, с одной стороны, можно воспринимать как случайный эпизод, а с другой — повод для изучения общих мест в творчестве этих писателей. Сама по себе упомянутая цитата мало что говорит, пожалуй, лишь свидетельствует о том, что автор читал произведения Пруста. Однако, видимо, имя французского писателя все-таки не по воле случая прорывается в тексте Ремизова. Во всяком случае, все это провоцирует на типологические сопоставления. Так, по мнению С.Н. Дубровиной, сходство в произведениях русского и французского авторов можно наблюдать на языковом уровне: «Соперничеством с Прустом выглядит эксперимент Ремизова в “Учителе музыки” в числе других “опытов со словом” — “построить фразу «одним духом» без остановки — полстраницы без точки»» [Дубровина: 148]. Слова, помещенные в кавычки, принадлежат Ремизову и взяты исследовательницей из его письма Н.В. Кодрянской: «В “Учителе музыки” я делаю всякие опыты со словом. (Все это возможно, только владея языком). Я хочу непременно показать вам. Например: постройте фразу “одним духом” без остановки — 1/2 страницы без точки. Одно меня пугает: моя мелочная автобиография скучная вещь» (9 февраля 1949) [Кодрянская: 112].

Весьма любопытно, что своего рода связующим звеном, объединившим художественные миры двух писателей, становится достаточно часто встречающееся во французском языке междометие “zut”, которое, не обладая конкретным семантическим значением, может спонтанно выражать различные эмоциональные реакции на внешние события как позитивного, так и негативного планов. У Пруста оно возникает в одном из эпизодов первой части романа «В поисках утраченного времени», которая носит название «В сторону Свана». Речь идет о впечатлении рассказчика от, казалось бы, совершенно незначительного события. Прогуливаясь

после дождя в «сторону Мезеглиза», главный персонаж-повествователь замечает отражение в воде пруда черепичной крыши старой халупы служащего у композитора Вентейля садовника, в которой он хранил свои инструменты. Игра солнечного луча на поверхности воды и на стене постройки завораживает рассказчика и вызывает у него необычайный энтузиазм, заставляя его четырехкратно воскликнуть: “Zut! zut! zut! zut!”: “Le toit de tuile faisait dans la mare, que le soleil rendait de nouveau réfléchissante, une marbrure rose, à laquelle je n'avais encore jamais fait attention. Et voyant sur l'eau et à la face du mur un pâle sourire répondre au sourire du ciel, je m'écriai dans mon enthousiasme en brandissant mon parapluie refermé: “Zut, zut, zut, zut.” Mais en même temps je sentis que mon devoir eût été de ne pas m'en tenir à ces mots opaques et de tâcher de voir plus clair dans mon ravissement” [Proust 1 1954: 155]. (В переводе Н.М. Любимова этот эпизод представлен так: «Черепичная крыша провела в пруду, который вновь стал прозрачным, розовую прожилку — прежде я на нее не обращал внимания. Увидев на воде и на стене бледную улыбку, отвечавшую улыбке солнца, я, размахивая сложенным зонтом, в полном восторге закричал: “Ух ты, ух ты, ух ты, ух ты!” Но я тут же почувствовал, что не имею права довольствоваться этими ничего не значащими словами, что я должен пристальнее взглянуть в мое восхищение» [Пруст 1973: 179—180]).

Важно, что передача невнятного восклицания на общепонятный язык представляется герою Пруста, как и самому автору, весьма сложным, поскольку оно обусловлено столь же непонятным внутренним переживанием реального мира, порожденного спонтанными ощущениями. Оставаясь непроясненным, этот эмоциональный всплеск, тем не менее, получает своего рода имя, которым становится непроизвольный вскрик повествователя — “zut” (См. подробнее: [Таганов 2025a]).

Именно этот прустовский эпизод присутствует в виде уже приведенной цитаты в книге «Учитель музыки». Правда, слово “zut” возникнет в тексте Ремизова несколько ранее прустовского предтекста и будет существовать в нем и далее вне процитированного отрывка. Оно возникает в анекдотической ситуации, которая сама по себе является воплощением неопределенности и необъяснимости. В один из дней главный герой произведения, Корнетов, разбуженный рано утром консьержкой-француженкой, которая приносит книгу — «давножданного Дон Кихота» [Ремизов 9: 121], переданного Корнетову, как она уверяет, накануне в 11 часов вечера его знакомым — Балдахалом. В то же утро консьержка, встретив Корнетова на площадке перед лифтом, устраивает ему скандал то ли потому, что ни принесящий книгу, ни ее получатель не дали ей чаевых, то ли потому, что это случилось так поздно, или же по той причине, что ей послышалось, будто Корнетов, получая книгу, произнес “zut”. Абсурдность ситуации заключается в том, что, как вспоминает ремизовский герой, все было совсем не так. Он лишь «спросил консьержку, взяв Дон-Кихота, — “onze heures du soir?” — (“в одиннадцать вечера?”) и как из этих слов вышло “zut” — непостижимо, и что значит это “зют”?» [Там же: 122].

Загадочное превращение фразы «в одиннадцать вечера» в «зют», которое консьержка воспринимает как ругательство и оскорбление, вызывает у Корнетова желание понять значение этого неведомого откуда взявшегося слова, но ни его смысл, ни сама ситуация не поддаются точному пониманию. За разъяснением он обращается к знакомому молодому ученому, который закончил Школу Восточных языков. Рассказывая ему о набросившейся на него консьержке, герой жалуется, что за «весь героический период русской революции в Петербурге» [Там же: 123] с ним ничего подобного не случалось, никто на него так не набрасывался. Его собеседник сочувствует ему, но не может дать точного ответа: «Да это похуже будет, — сказал ученый, — и нигде на них (консьержей. — А. Т.) управы не найти. Это дело оставьте. А слово “зют”... вот пример из Пруста: “Et voyant sur l'eau et à la face du mur un

pâle sourire répondre au sourire du ciel, je m'écriai dans mon enthousiasme en brandissant mon parapluie refermé: «Zut, zut, zut, zut...» Я затрудняюсь перевести, только ничего особенного, вроде “оставьте меня в покое» [Там же: 123].

Указанное слово, как мы видим, в тексте Ремизова не переводится точно с языка на язык, но не истолковывается оно однозначно, как показывает опыт Пруста, и в рамках родного языка. Персонаж Ремизова пытается найти его значение в авторитетном французском словаре: «Корнетов взял Ларус и отыскал слово “зют”: “зют” означало le mépris (досаду), le dépit (презрение) и l'indifférence (все равно) — это стало быть вроде русского “цыц!”». А ведь первое, что он подумал, когда из крика вырвалось это “зют”, что это “Nord-sud” (нор-сюд) — метро, и мысленно пробежал он тогда от Порт-де-Версай к Порт-де-ля-Шапель и от Порт-Майо к Порт-де-Венсен — конечным станциям Нор-сюд. Теперь он “зют” с “сюд” не спутает, и бегать никуда не нужно» [Там же: 126].

Возникшее таким образом слово рождает у Корнетова массу разного рода эмоций, нарушает устойчивость его жизни, заставляя выстраивать свое отношение к сложившейся ситуации, анализировать свое поведение, круто менять жизнь и в конце концов даже сменить место жительства. «Зют» — слово-фантом, слово-призрак, становится фактором, управляющим корнетовской судьбой. У Ремизова, как и у Пруста, оно связано с состоянием, родившимся в конкретных обстоятельствах в определенный момент существования, но которое в силу своей сложности, многоплановости и неопределенности остается непроясненным. Вместе с тем «зют» продолжает присутствовать во внутреннем мире героя, беспокоить его. Весьма важно, что у персонажей Пруста и Ремизова оно имеет совершенно разное эмоциональное наполнение. У Корнетова это слово носит негативный оттенок, тогда как прустовский Марсель вкладывает в него восторженную реакцию на внешние явления. Однако в обоих случаях оно одинаково служит словесно-звуковому оформлению отклика «внутреннего я» на внешние события. У Ремизова «зют» становится наименованием определенного момента жизни, который остается в памяти героя, и обречено отныне на постоянное присутствие в ней, подобно тому, как у Пруста такими наименованиями становятся «мадленка», «боярышник», «Комбре» и т. п. Поначалу это слово возникает как нелепая случайность, формируясь причудливым и непонятным для героя образом из фразы “onze heures du soir?”. Родившись, оно начинает жить самостоятельной жизнью, вбирая в себя всю гамму переживаний «внутреннего я» героя, обретая власть над ним, и заставляет искать его смысл, вовлекая в этот процесс других людей, точно так же как это происходит с персонажем Пруста, который хочет поделиться своими чувствами с встречным крестьянином. Корнетов поочередно обращается к разным людям, пытаясь прояснить суть мучающего его слова. В результате этот процесс принимает комический оттенок и типологически может напомнить (какой бы неожиданной ни была эта ассоциация по отношению к книге Ремизова) знаменитый вопрос раблезианского героя Панурга по поводу его женитьбы, с которым он обращается к огромному количеству людей и разного рода источников, дабы найти на него ответ.

По ходу повествования хромотопные и экзистенциальные параметры корнетовского «зют» расширяются. Корнетов переезжает на новую квартиру, меняет образ жизни, трансформируется его эмоциональный фон. При всем различии чувственной гаммы «зют» у героев Пруста и Ремизова, слово это обусловлено одной причиной — желанием выразить невыразимое внутреннее состояние человека конкретными вербальными средствами и вместе с тем осознанием невозможности достичь этого.

Учитывая автобиографическую основу прозы Пруста и Ремизова, вполне закономерно переносить внутренний жизненный опыт «переживания» жизни их

главных персонажей на самих авторов, которых объединяет непрерывный поиск новых художественных принципов и форм, необходимых для постижения глубинных слоев внутренней жизни личности. Впрочем, подтверждение того, что корнетовское слово «зют» имеет непосредственное отношение к Ремизову, можно найти и в самой книге, поскольку им озаглавлена анализируемая нами часть произведения, которая открывается следующим авторским признанием: «Русскому человеку иностранный язык дается не словарем, а горбом. Знаете ли вы, что такое “zut” (зют)? — И я очень хорошо знаю» [Там же: 113].

Именно литературное творчество становится для Пруста и Ремизова главным способом освоения глубинных слоев жизни через погружение в свое «внутреннее я», что, в свою очередь, связано с зачастую мучительными и не всегда успешными поисками художественного языка, способного справиться с подобной задачей. Особенно отчетливо это проявляется в автобиографической прозе, где прустовское “zut” приобретает универсальный характер. То, о чем говорит Пруст, затрагивает остро стоящую в литературном творчестве проблему возможности адекватного выражения с помощью языка внутреннего состояния человека. С ней так или иначе сталкивается всякий большой художник, стремящийся к точному отражению глубинного мира человека.

В этом плане линия компаративистского сопоставления Пруст—Ремизов может быть продолжена. Подтверждением тому может служить, например, наблюдение В. Вейдле, который, говоря о книге Бунина «Жизнь Арсеньева», пишет: «Юного Марселя мучит та же потребность и та же недостижимость выражения, что и сверстника его Арсеньева, и он мог бы повторить за ним: “Выйдя на балкон, я каждый раз снова, до недоумения, даже до некоторой муки, дивился на красоту ночи: что же это такое и что с этим делать!” Разве это не похоже на знаменитое “zut! zut! zut! zut!” Пруста, на его незнание, как выразить то, что он чувствует при виде мартэнвильской колокольни, на такое же его недоумение перед нетронутой, сияющей пеленою мира, за которой таится что-то, чего нельзя уловить иначе, чем в творческом акте, создающем художественное произведение» [Вейдле: 180]. Кроме Бунина в этот ряд могли бы попасть Цветаева, Пастернак и многие другие.

Прустовское “zut” органичным образом входит в текст Ремизова в качестве интермедийного элемента, привнося с собой и тот смысл, который заложен в нем автором «Поисков». Частный, казалось бы, эпизод текста Ремизова и обращение к прустовскому предтексту оказываются весьма важными для понимания его эстетической позиции и специфики стиля.

Список источников

- Ремизов А.М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 2000—2003.
 Пруст М. В поисках утраченного времени: По направлению к Свану / пер. с фр Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1973. 464 с.
 Proust M. A la recherche du temps perdu, T. 1. Paris: Gallimard, 1954, 1003 p. (Bibliothèque de la Pléiade)

Список литературы / References

- Амелия А. де. Автобиографическое пространство Алексея Михайловича Ремизова // Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris: La Presse Libre, 1983. С. I—XXXIII. (Amelia A. de. Autobiographical space of Alexei Mikhailovich Remizov, *Remizov A. Music teacher. Penal idyll*, Paris, 1983, pp. I—XXXIII. — In Russ.)
 Вейдле В. На смерть Бунина // Вейдле В. Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 177—185.
 (Veidle V. On Bunin's death, *Veidle V. The Dying of Art*, Moscow, 2001, pp. 177—185. — In Russ.)

- Дубровина С.Н. Французская традиция в творчестве А.М. Ремизова // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. М., 2010. С. 141—151.
(Dubrovina S.N. French tradition in the works of A.M. Remizov, *Yearbook of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad*, 2010, Moscow, 2010, pp. 141—151. — In Russ.)
- Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. 417 с.
(Kodryanskaya N. Remizov in his letters, Paris, 1977, 417 p. — In Russ.)
- Слобин Г.Н. Проза Ремизова 1900—1921. СПб.: Академический проект, 1997. 206 с.
(Slobin G.N. Remizov's prose 1900—1921, St. Petersburg, 1997, 206 p. — In Russ.)
- Таганов А.Н. «Непрозрачные» слова в структуре романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025а. Вып. 4. С. 39—45.
(Taganov A.N. "Opaque" words in the structure of Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time", *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2025a, iss. 4, pp. 39—45. — In Russ.)
- Таганов А.Н. Русская литература и Марсель Пруст: влияния, рецепция, типология. М.: ИНФРА-М, 2025b. 398 с.
(Taganov A.N. Russian literature and Marcel Proust: influences, reception, typology, Moscow, 2025b. 398 p. — In Russ.)

PROUSTIAN PRETEXT IN A.M. REMIZOV'S STORY "THE MUSIC TEACHER"

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Abstract. Using a quote from Marcel Proust's novel "In Search of Lost Time", found in A.M. Remizov's book "The Music Teacher", this article examines the role of Proust's pretext in the Russian writer's work — a problem that has not yet been studied in literary criticism. Despite the differences between the two authors' works, they unexpectedly reveal commonalities. The frequently encountered French interjection "zut" serves as a kind of a connecting link, uniting their artistic worlds. Although it lacks a specific semantic meaning, it can spontaneously express various emotional reactions to external events, both positive and negative. In Remizov, as in Proust, this word is associated with the state of the main characters, arising in specific circumstances at a particular moment in their lives, but which, due to its complexity, diversity, and uncertainty, remains unclear. Considering the autobiographical nature of Proust and Remizov's prose, it's entirely logical to project the inner experience of "living" the lives of their main characters onto the authors themselves, who are united by a continuous search for new artistic principles and forms necessary for comprehending the deep layers of the individual's inner life. Proust's "zut" organically enters Remizov's text as an intermedial element, bringing with it the meaning intended by the author of "A Search".

Keywords: A.M. Remizov, M. Proust, "zut", intertext, pretext

For citation: Taganov A.N. Proustian pretext in A.M. Remizov's story "The Music Teacher", *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 15—20.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 03.04.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 03.04.2026; accepted for publication 19.06.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Таганов Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru, SPIN: 8947-6147

Taganov Alexandr Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 21—31.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 21—31.

Научная статья

УДК 821.161.1.09-192:82.02

EDN <https://elibrary.ru/bdwpdx>

DOI: 10.46726/H.2026.3.3

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ПУПОК: КОНЦЕПТУАЛИЗМ И РУССКИЙ РОК

Денис Львович Карпов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия, karpovdl@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается роль русского концептуализма в формировании советской и российской рок-сцены. Переосмысливается представление о монолитности представления о русском роке как единой культурной парадигме. На примере групп «ДК» и «Среднерусская возвышенность» показано, каким образом концептуалисты переосмыслили основные идеологемы поздней советской эпохи и рок-культуры. В частности, речь идёт об использовании нехарактерных для русского рока приёмов. Основопологающим принципом концептуалистской стратегии на рок-сцене становится деконструкция высокого образа как самого автора, так и его зрителя, что входит в противоречие с элитарностью представлений о субкультуре в 1980-х годах. Важным приёмом в поэзии рок-концептуализма является мерцательность, понятие, которое Д.А. Пригов применял к своей поэзии: с его помощью критической ревизии подвергается сам образ рок-звезды, вокруг которой строится подобное ритуалу сценическое действие, в центре которого — «пророк», «жрец». А также говорится о перформативности как основе рок-концерта, которая противопоставляется традиционному представлению о русском роке как логоцентрическом искусстве. На примере групп «Аукцион», «Дети», «НОМ» и др. показано влияние, казалось бы, маргинального явления на магистральные пути развития русской рок-культуры и более поздней песенной поэзии.

Ключевые слова: русский рок, рок-поэзия, концептуализм, ДК, Среднерусская возвышенность, перформативность, мерцательность

Для цитирования: Карпов Д.Л. Прыжок через пупок: концептуализм и русский рок // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 21—31.

Русский рок, который также называют классическим, представляется сегодня достаточно монолитным явлением, и не в последнюю очередь эту ситуацию сформировали рок-исследования, базирующиеся в своей основе на достаточно ограниченном материале: Цой, Шевчук, Башлачёв, Кинчев и некоторые другие. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что закрепившееся понятие «русский рок» совершенно не релевантно тому, что являлось русским роком даже в те же классические 1980-е гг. Интересно, что гимн русского рока «Всё это рок-н-ролл», написанный когда-то К.Е. Панфиловым (Кинчевым), был далеко не единственной самопрезентацией и самоопределением русского рока. Композиция была написана только в 1988 году, а за три года до этого появилась песня группы «Аквариум» «Рок-н-ролл мёртв». Эта хронология интересна тем, что монолитность русского рока оказалась довольно поздним представлением, а взгляды

современников на само явление были весьма разнообразны, если не сказать противоречивы. С этой точки зрения интересна роль концептуализма в формировании советской рок-сцены, представление о которой при введении нового материала может быть значительно скорректировано.

Собственно концептуалистских групп в 1980-е годы было немного, но бесспорен тот факт, что они серьёзно повлияли на представления о рок-музыке в СССР и заложили те традиции, которые станут востребованными в дальнейшем. Концептуализм значительно обновил инструментарий русской рок-музыки, во многом став предшественником современной звучащей поэзии и дав необходимый набор приёмов, которые, как можно видеть, востребованы сегодня, например, в пародийных треках хип-хоп-исполнителей, в частности близких объединению «Антихайп». В рамках обсуждения собственно рок-коллективов представляется необходимым говорить о родоначальниках движения рок-концептуализма и авторах идеи вмешательства художников в жизнь рок-сцены: в первую очередь это группа «ДК» и «Среднерусская возвышенность». Группа «Мухомор», сделавшая единственную запись «Золотой диск», являлась по сути концептуальным проектом, музыкально не вписываясь в рок-музыку. Группа «Тупые», образованная в начале 1980-х годов, формально к концептуализму не имела отношения, так же как «АВИА», которая сформировалась при распаде группы «Странные игры», являющейся одним из флагманов Ленинградского рок-клуба. Исходя из этих соображений, внимание в статье будет сосредоточено именно на указанных выше двух группах.

Группы «ДК» (образована в 1980 году Сергеем Жариковым) и «Среднерусская возвышенность» (образована в 1986 году С. Гундлахом, Н. Алексеевым, Н. Овчинниковым) достаточно рано начали свою деятельность, что свидетельствует о том, что некоторое представление о рок-движении и рок-герое сформировалось, и именно на него направлена критическая ревизия концептуализма.

Именно в первых альбомах концептуалистов будет создаваться низовой образ любителя рок-музыки, который потом будет узнаваться по известной песне М. Науменко «Гопники» (1983):

Кто это идет, сметая все на своем пути,
Кто одет в цветную рубашку и красные носки?
У кого на плече висит сумка с надписью «Эй-Си/Ди-Си»,
У кого на ногах из черной резины грязные сапоги?

В первых песнях группы «ДК» создаётся столь же отталкивающий, но более гротесковый образ:

Я плюю на тебя, нахрена мне любовь?
А в маГАзине вермут ханыгами скушан
Я, как интеллигент, пью опять «бычью кровь»
И любимую песню по радио слушаю
Пусть мой тельник измят, пусть наколка стара
Пусть трусы не стирал я который уж год
И пускай в моём доме сычи уже спят,
Когда я весь кирной завожу «поворот»
Вот! Новый поворот!
И мотор ревёт!
Что он нам несёт?
Дно или капот?
Или же блюёт
Нам за шиворот!

Претензия на интеллектуализм русского рока и, в частности, творчества группы «Машина времени», «ДК» осмысляется в пародийном ключе. Причём остраняется в данном случае не сам текст, а именно зритель, представленный в тексте песни обычным советским маргиналом, работагой и алкоголиком.

В целом можно говорить о том, что «ДК» идёт по пути деконструкции высокого образа, создаваемого уже в ранних советских рок-текстах, претендующих на то, чтобы стать новой идеологией, как позже и будут характеризовать русский рок 1980-х годов. Героическая маска лирического субъекта, создание ритуального пространства рок-действия, настойчивое включение в русскую поэтическую традицию — всё это становится предметом пародийного переосмысления. Вместо героя-интеллектуала — мажор, дебошир, алкоголик, жаждущий любви подросток, эти персонажи не просто расширяют диапазон ролевых масок рок-поэзии, они подрывают авторитетность самого рок-высказывания и рок-кумира. С этой точки зрения, группа «ДК» открывает путь русскому року к поп-арту, осмысляя рок-движение не в героическом, а поп-культурном, китчевом ключе, что, безусловно, адекватно материалу. Серийность, использование неоригинальной музыки, часто позаимствованной у популярных западных исполнителей, обценная лексика свидетельствовали о низовом статусе рок-кумира и рок-ритуала. Включая в свои произведения тексты и музыку эстрады, бытовые жанры, фиксацию повседневной речи, «ДК» добивались эффекта обратного тому, который преследовал классический русский рок, то есть разрушения новой идеологической или идеологизированной сферы, появляющейся в русской культуре.

Деконструкция рок-ритуала [Никитина] последовательно предпринимается концептуалистской группой «Среднерусская возвышенность»:

Привет, дружок,
Я чуть не помер,
Я выполняю
Смертельный номер,
Ты днём и ночью
Играешь рок,
А я осуществляю прыжок через пупок!

(«Прыжок через пупок»).

Песня, написанная в середине 1980-х годов, является ровесницей всех знаковых альбомов русского рока — групп «Кино», «Алиса», «ДДТ», «Телевизор» и пр. Важность такой синхронии необходимо осмыслить, чтобы составить представление о гетерогенности всего того, что часто, не рефлексировав, называют русским роком. На самом деле не было исторического зазора между «героизмом» рок-классики и его пародийным (или пародическим) осмыслением. Это, возможно, эксплицирует дистанцию между процессами осмысления и деконструкции тотальностей и попыткой реконструкции современной эстетической и этической идеи русским роком. Концептуализм открывает «другой» русский рок и русский рок как «Другого».

«Среднерусская возвышенность» не только констатировала нелегитимность рок-героя, но и последовательно дискредитировала образ рок-кумира как части ещё одной тотальности, антиидеологии:

Шелестом тихим уходят года,
Солнце не так уже светит,
Лучше не сделаешь никогда,
Чем Пушкин, Чайковский и Репин

(«Пушкин, Чайковский и Репин»).

Играя с критическим мнением о рок-культуре как низовой, чуждой русско-советской культуре, группа предложила спектакль вместо рок-концерта: «На деле это был, конечно, никакой не ансамбль, — пишет о “Среднерусской возвышенности” один из её основателей Свен Гундлах, — а скорее концептуалистская имитация рок-группы, звуковое изображение художнической деятельности» [Жогов: 191].

Практика «Среднерусской возвышенности» (в отличие от студийной «ДК» она была в большей степени на виду) узаконила в русском роке основные концептуальные стратегии: работу не с действительностью, а с идеологией, использование идеологием как конструкторов текста. Как пишет М.Н. Эпштейн*: «Концептуализм играет на извращённых идеях, утративших своё реальное наполнение, или на пошлых реалиях, утративших или исказивших свою идею. Концепт — это абстрактное понятие, припиленное к вещи наподобие ярлыка, — не для того, чтобы соединиться с ней, а чтобы продемонстрировать распад и невозможность единства» [Эпштейн*: 114]. И далее: «Концепт — оборотная сторона “идеала”, выморочного и умерщвляющего всё живое» [Там же: 118]. Концептуализм, абсурдизируя идеологемы и выявляя пустоты, стоящие за политической риторикой, также эксплицирует амбицию русского рок-героя занять место нового пророка, опирающегося на логоцентрическую культуру. А «Золотой диск» группы «Мухомор», в свою очередь, проводит ревизию диссидентской мифологии, которая также реконструирует революционную идею, но с обратным знаком, в позднем СССР. Игра концептами превращает текст в коллаж, список идеологием, а исполнение — в манипуляцию концептуальными конструктами. В практике концептуалистов текстоцентризм сменяется перформансом. Необходимо учитывать, что само существование группы «Среднерусская возвышенность» — это перформанс в пространстве русской рок-культуры, а сценическое действие — это разыгрываемый спектакль, отказ от «окаменевшего текста» [Петровская: 106].

Группа С. Гундлаха явилась зеркалом русской рок-культуры: плохо умевшие играть музыканты, эпатазирующие образы, революционно-покаянные манифесты. На первое место сценического действия выдвигается острающая театральность, игра. Установку на шоу О. Сурова и И. Кормильцев объясняют новыми устремлениями рок-музыкантов: «Не случайно группы, бывшие ранее на периферии рок-движения, не успевшие или не сумевшие обрести популярность в период контркультуры (“АВИА”, “Звуки Му”), начинают уделять основное внимание не тексту и не музыке, а жесту, пластике, шоу, что объясняется установкой на показ по телевидению и работой на большую аудиторию. На эти группы делается основной акцент средствами массовой информации и иностранными продюсерами, которые появляются в СССР и пытаются заниматься русскоязычным роком» [Кормильцев, Сурова: 36]. Это может объяснить появление «Среднерусской возвышенности», заявившей о себе как раз в то время, когда русским искусством заинтересовался западный рынок, хотя авторы цитируемой статьи её не упоминают. Но всё же приведённое мнение вряд ли объяснит появление концептуалистских стратегий в творчестве группы «ДК», первый альбом которой датирован 1983 годом, а также появление записи «Золотой диск» группы «Мухомор», сделанной в 1981—1982 годах. Безусловно, нужно помнить, что и первые песни П. Мамонова были записаны до западных гастролей группы: вошедшие в альбом «Простые вещи» (1988 г.), они были написаны в 1984—1985 годах. Словом, нельзя свести перформативный характер русского рока 1980-х исключительно к новым рыночным условиям. Собственно, «Прыжок через пупок» «Среднерусской возвышенности» — это и есть

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

песня-жест, которая реализует перформативность вербально, и этот жест противопоставляется логоцентричному русскому року как подлинное действие, реальный акт:

Ты днём и ночью
Играешь рок,
А я осуществляю прыжок через пупок!

Ещё один продуктивный приём, используемый концептуалистами в рок-творчестве, — мерцание субъекта — описан К.М. Корчагиным на основе формулировок Д. Пригова: «субъект Пригова на протяжении одного текста, как правило, несколько раз “переключается” между различными модусами речи, различными дискурсами, “влипая” (погружаясь) в каждый из них. Такое “влипание”, однако, никогда не бывает достаточно продолжительным» [Корчагин: 385]. Подобная позиция субъекта непосредственно связана с различными способами децентрации речи: «монтажное фрагментирование чужой речи и противоположные характеристики» [Там же: 386]. Это проявляется в повествовательной песне «Сталинские дома», в которой показан диалог двух персонажей, сопровождаемый описанием московского пейзажа повествователем, или в совмещении в едином контексте песни с острополитическим припевом («Четвёртый сон Веры Павловны») и «реакционной» «Сексуальной контрреволюцией».

Игра с советскими образами становится одним из важнейших приёмов концептуалистов; впрочем, нельзя сказать, что классический русский рок пренебрегал этим. Примерами могут служить известные комические песни А. Башлачёва, ярко спародировавшего идею героики и бюрократизм в «Подвиге разведчика», «Слёте-симпозиуме» и др.; тут же можно назвать «Террориста» группы «ДДТ», пародийный характер которого подчёркивается и в видео на песню, начинающемся с сообщения информбюро о финской войне, она уже является важной частью концептуалистского коллажа, а главного героя-радикала в клипе играет очень похожий на исполнителя актёр; «Тоталитарный рэп» «Алисы», в котором русский рок представлен как часть общей тоталитарной картины, и др.

Концептуалисты чаще используют советские образы и более явно деконструируют их, помещая в непривычный контекст и подчёркивая их абсурдность; при этом в отличие от рок-классиков они делают это с серьёзной интонацией. Собственно комический эффект и вызывает серьёзность исполнения, сочетающуюся с абсурдностью текстов: проживание во сне Веры Павловны («Четвёртый сон Веры Павловны»), рассуждение двух слуг в обществе всеобщего равенства («Сталинские дома»).

«Среднерусская возвышенность» даёт достаточно много переосмысленных советских клише и штампов: «Герои космоса живут лучше всех» («Герои космоса»), «Напрасно агент ЦРУ озверелый / Кровавые доллары тряс, / Маруся за рубль дала своё тело, / Душой же врагу не сдалась» («Таракан»).

Экспроприация классической традиции советской культурой тоже не остаётся без осмысления («Пушкин, Чайковский и Репин»), и вместе с тем сама эта традиция вписывается в тоталитарный контекст, актуальный для авторов эпохи. Можно сказать, что здесь осмысливается и сама лёгкость вписывания этой традиции в тоталитарную милитаристскую идеологическую картину мира.

В более сложном варианте это показано в трагической песне «Сталинские дома», представляющей собой диалог двух героев и комментарий субъекта к нему в припеве:

В час, когда вечер ложится
И красное, как светофор,
Медленно солнце садится
За пограничный забор,
За Триумфальную арку
И за Поклонный бугор,
Сидели в Филёвском парке
Старый шофёр и лифтер.

Припев:

Тихо лежит земля
К западу от Кремля,
Светят огнями, плывут кораблями
Сталинские дома.
Сталинские дома
Сводят меня с ума,
Думают днями,
Снятся ночами —
Только тюрьма да сума.
Сидели на старой скамейке,
Курили себе «Беломор»,
Подняв воротник телогрейки,
Долгий вели разговор.
Помнишь своих пассажиров,
Помнишь своих ты жильцов,
Наших с тобой командиров,
Наших с тобою отцов?

Припев.

Вёз ты их за орденами,
Завидовал их судьбе,
А я пропускал к ним ночами
Оперотряд МГБ.
Ты их катал по проспектам
И по блядам и к жене,
Я провожал на лафетах
Прямо к кремлёвской стене.

Сюжет песни незамысловат, но трагический пафос, выраженный интонацией, протяжное звучание придают ей драматизм. Особенно это слышится в припеве, который на фоне повествования в куплетах приобретает лирическое звучание: если герои констатируют факт происшедшего, то в припеве субъект образно осмысляет реалии — драматизируя сюжет, переключая его в иной регистр переживания исторической травмы, которую вряд ли ощущают участники внутритекстового диалога.

Трагизм усугубляется и паратекстом, предваряющим песню на концерте: «из другого кинофильма, называется он “Двойная спираль” и посвящён судьбе великого советского учёного Вавилова, как известно, зверски замученного сталинскими палачами». Необходимо отметить, что фильма с таким названием обнаружить не удалось: в Википедии указано, что фильм о Вавиллове был снят только в 1990 году и назван по имени героя. Если же внимательно присмотреться к первому куплету песни, то можно заметить, что сознание субъекта укоренено в тех же представлениях, что и сознание персонажей: они не выходят за пределы столичного пространства, Запад мыслится ими как иное, инобытийное пространство.

На Западе — тихо; здесь же ещё не утихли страсти: недаром в диалоге шофёра с вахтёром появляются темы зависти и измен, в том числе измены родине. На языковом уровне это проявляется в образности, используемой субъектом: в сниженном образе солнца, сравниваемого со светофором, а также в употреблении в одном обороте сравнения в творительном падеже и узуального оборота с творительным падежом в значении инструмента, что несколько путает грамматику, обнажая искажения в сознании субъекта.

Отметим, что, судя по реакции публики, записанной на концерте, она откликается на ключевые слова, главным из которых является «сталинский». На специфике такого восприятия строится игра со зрителем: исполнитель предлагает яркий политически заряженный образ, проникновенное исполнение заставляет зрителя идентифицировать человека на сцене как автора-исполнителя — но, реализуя принцип мерцательности, автор, что видно по тексту, «выпархивает» из этой структуры: «влипание» в язык, жесты и поведение длится «ровно то время, чтобы не быть полностью с ними идентифицированным». Описанный Д.А. Приговым принцип здесь действует очень отчётливо. Дезавуирование этой позиции становится очевидным и благодаря сюжету песни: он подчёркнуто бессобытиен, диалог начинается и заканчивается совершенно немотивированно; но важен не нарратив, а присутствие образного ряда, который достигает высокой концентрации идеологием в последнем куплете: оперотряд МГБ, кремлёвская стена и пр. Вследствие этого исчезает возможность говорить о присутствии лирического начала в одной из самых лирических песен «Среднерусской возвышенности».

Некоторые композиции, например «Галя, гуляй», острают советский быт, но эта тема стала более актуальной для музыкантов, напрямую с концептуализмом не связанных. В песнях же «Среднерусской возвышенности» чувствовался политический пафос более ранних опытов группы «Мухомор» (в ней также принимал участие Свен Гундлах, являющийся фронтменом «Среднерусской возвышенности»), «Золотой диск» которой был близок скорее к соц-арту, чем собственно к концептуализму, мыслящему свою задачу шире [Ельшевская], чем простая политическая критика (чем порой в большей степени грешил русский рок, например, М. Борзыкин).

Постепенно приёмы концептуалистов становились частью общей стёбовой поэтики русского рока рубежа эпох. Вслед за «Среднерусской возвышенностью» новые группы стали иронически осмыслять различные контркультурные образы. Группа «Дети» эксплицирует главное обвинение, к которому будут обращаться все критики русского рока:

Ух щас покажем мы всем
Что почём и зачем.
Давай битлов, эллингтонов, моцартов.
Надо смело смотреть
Всем нам правде в глаза:
Моцартов много, а правда одна,
Не спит трёхглавый дракон.
Рок, джаз и классика — он.
Но мы пришли всех спасти от могилы,
Наша броня — три кита,
Точней три богатыря,
Наши славные три аккорда.
Вот это первый,
А вот второй,
А это третий —
Три аккорда!

А кто с четвёртым придёт
И, не дай бог, возьмёт,
Тот от него самого и подохнет.
Так пусть же станут для вас,
Как Ленин, Энгельс и Маркс,
Наши славные три аккорда
(«Три аккорда»).

Характерно, что здесь переплетаются не только эстрадная банальность современной группе музыки, но и мессианский пафос рока, а также политические образы.

Более привязанный к низовым темам и герою-подростку Фёдор Чистяков также отдаёт дань политическому концепту, правда делает это уже довольно поздно, в начале 1990-х:

Ты спросишь меня, почему иногда я молчу,
Почему не смеюсь и не улыбаюсь.
Или же наоборот, я мрачно шучу
И так же мрачно и ужасно кривляюсь.
Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени.
Просто я живу на улице Ленина
И меня зарубает время от времени.
Что же ты хочешь от больного сознания,
В детстве в голову вбили гвоздей люди добрые,
В школе мне в уши и в рот клизму поставили,
Вот получил я полезные нужные знания
(«Улица Ленина»).

Ленин превращается в терроризирующего жителей улицы своего имени коммунистического Фредди Крюгера, локализованного в конкретном городском пространстве; описание насильственных действий заставляет вспомнить и «Сказание о Дракуле» («в детстве в голову вбили гвоздей люди добрые»), тоже важное политическое произведение, появившееся на Руси во время правления Ивана III и служащее оправданию абсолютной власти монарха. Для Ф. Чистякова Ленин, безусловно, важнейший концепт советской культуры, который посредством трагифарсовых приёмов получает новый десакрализованный статус.

По пути концептуалистского коллажирования и каталогизации идёт Василий Шумов (группа «Центр»), что очевидно в песне «Навсегда»:

Матрёшка. Балалайка.
Волга. Изба.
Борщ. Самовар.
Спутник. Блины.
Навсегда, навсегда,
Всё наше навсегда.

Концептуализм работает не только с символами тоталитарной советской культуры, но и с рок-образами и рок-идеалами, превращая и их в отработанный материал. Это не только уже цитировавшийся «Прыжок через пупок» «Среднерусской возвышенности», но и песни музыкантов, не входящих в круг концептуалистов, однако использующих схожие приёмы: «Говнорок» и «Русский rock'n'roll» Фёдора Чистякова, «Цой» и «Цой-2» «Народного ополчения». Группа «НОМ» посвящает свою театрализованную композицию «Протез» П.Н. Мамонову.

Переосмысление центральных образов и идей рок-культуры 1980-х приводит и к ослаблению логоцентризма русского рока, который иногда остаётся незамеченным слушателями, что проявляется в абсурдных формах: например, в интересе ультраправых к творчеству группы «НОМ» в начале 1990-х годов. Использование жеста, театрализация эксплицировали установку исполнителя на остранение сценического действия, маски сценического героя. Отсюда и использование грима, скрывающего лицо и помогающего автору / исполнителю дистанцироваться от своего голоса, который может быть принят за голос лирического героя. Так было ещё в «песенках» А. Вертинского, который предлагал не столько песенный материал, сколько спектакль, опиравшийся на подчеркнутый артистизм исполнителя. Стремление к «сценке» как жанру в творчестве группы «НОМ» также эксплицирует особые отношения с окружающей, ритуальной реальностью позднего СССР: «Случай в комнате», впоследствии разрастающийся до целой иронической рок-оперы в «Во имя разума», — это игра в школьное детство, абсурдизирующая воспитательный и патриотический пафос и сопротивляющаяся героизации ювенальности.

В таких театральных постановках на первый план выходит не слово, а жест, рок-концерт становится спектаклем или перформансом, а группа — «студией», «кружком», что и произошло с «НОМ»: участники коллектива не только сосредоточились на записи альбомов и концертах, но и снимали фильмы-концерты, фильмы-гастроли, художественные фильмы, ставили сценки, выступали как художники и галеристы.

Тяготение к театру, игровой форме приводит к созданию сложных музыкальных форм типа концептуального альбома, близкого не столько к литературным жанрам, сколько к собственно музыкальным, например, к (рок-)опере. Подобные опыты были записаны и в рок-среде 1980—1990-х: уже упоминавшийся «Во имя разума» группы «НОМ» или «Новогодние» «Народного ополчения». Элементы театрализации появляются на концертах группы «АукцЫон», относящейся не к хард-роковой, а к нью-вэйвовой линии русского рока и в большей степени связанной со сценическими экспериментами (например, исполнение песни «Книга учёта жизни», во время которого на сцене с большой книгой танцует О. Гаркуша, чьё присутствие в коллективе во многом и объясняется стремлением к перформативности).

Таким образом, русский рок во многих своих образцах уже не вполне соответствует установке на текстоцентричность: вербальная природа является определяющей только для части групп, с которыми и по сей день ассоциируется классический русский рок. Иная сторона русского рока, к сожалению, до сих пор остаётся недостаточно исследованной.

Эпоха распада СССР породила апокалиптическое сознание, воплотившееся не только в эзотерических и религиозных поисках, «чернушной» прозе, но и в рок-поэзии, совместившей хаос с хэппенингом. Аполлоничность классического русского рока в итоге уступила место дионисийскому разгулу нехард-роковых направлений — новой волне, ска, панк-року, хардкору и, конечно, зарождающейся рейв-культуре: разноцветной, праздничной, но не менее апокалиптической. И несмотря на широкое присутствие русского рока в медиапространстве 1990-х годов, именно альтернативные направления стали наиболее продуктивны для экспериментов на более поздних этапах развития российской музыкальной культуры. Немало для этого было сделано концептуалистскими группами («ДК», «Мухомор», «Среднерусская возвышенность») и методологически близкими к ним («Ноль», «НОМ», «Народное ополчение», «Центр», «Дети», «АВИА»).

Список литературы / References

- Ельшевская Г. Концептуализм и соц-арт // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/1206> (дата обращения: 02.03.2026).
(Elshevskaya G. Conceptualism and soc-art, *Arzamas*. — In Russ.)
- Жогов С.С. Концептуализм в русском роке («Гражданская оборона» Егора Летова и московская концептуальная школа) // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТверГУ, 2001. Вып. 5. С. 190—201.
(Zhogov S.S. Conceptualism in Russian rock (“Grazhdanskaya oborona” by Egor Letov and the Moscow conceptual school), *Russian rock poetry: text and context*, Tver, 2001, iss. 5, pp. 190—201. — In Russ.)
- Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь: ТверГУ, 1998. Вып. 1. С. 5—32.
(Kormiltsev I., Surova O. Rock poetry in Russian culture: emergence, existence, evolution, *Russian rock poetry: text and context*, Tver, 1998, iss. 1, pp. 5—32. — In Russ.)
- Корчагин К.М. Возвращение «мерцающего» субъекта: московский концептуализм и поэзия 2000—2010-х годов // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика. Берлин: Peter Lang, 2018. С. 383—396.
(Korchagin K.M. The return of the “shimmering” subject: Moscow conceptualism and poetry of the 2000s—2010s, *The subject in contemporary Russian-language poetry — theory and practice*, Berlin, 2018, pp. 383—396. — In Russ.)
- Никитина О.Э. Рок-концерт как ритуальное действо // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь; Екатеринбург: УрГПУ, 2008. Вып. 10. С. 48—56.
(Nikitina O.E. Rock concert as a ritual action, *Russian rock poetry: text and context*, Tver; Ekaterinburg, 2008, iss. 10, pp. 48—56. — In Russ.)
- Петровская И.В. Возмущение знака. Культура против трансценденции. М.: Common place, 2022. 320 с.
(Petrovskaya I.V. Disturbance of the sign. Culture against transcendence, Moscow, 2022, 320 p. — In Russ.)
- Эпштейн М.Н.* Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 367 с.
(Epshtein M.N. Postmodern in Russia. Literature and theory, Moscow, 2000, 367 p. — In Russ.)

JUMP OVER THE NAVEL: CONCEPTUALISM AND RUSSIAN ROCK

Denis L. Karpov

Demidov State University, Yaroslavl, Russian Federation, karpovdl@yandex.ru

Abstract. The article describes the role of Russian conceptualism in the formation of the Soviet and Russian rock scene. The idea of the monolithic concept of Russian rock as a single cultural paradigm is being rethought. Using the example of the groups “DK” and “Central Russian Upland”, it is shown how the conceptualists reinterpreted the main ideologems of the late Soviet era and rock culture. In particular, we are talking about using techniques that are uncharacteristic of Russian rock. The fundamental principle of the conceptualist strategy on the rock scene is the deconstruction of the high image of both the author and his audience, which contradicts the elitism of the subculture in the 1980s. An important technique in the poetry of rock conceptualism is shimmering, a concept that D.A. Prigov applied to his poetry: with its help, the very image of a rock star is critically revised, around which a ritual-like stage action is built, requiring a “prophet”, a “priest”. It also talks about performativity as the basis of a rock concert, which is

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

opposed to the traditional idea of Russian rock as a logocentric art. Also, using the example of the bands “Auktyon”, “Children”, “NOM”, etc. the influence of a seemingly marginal phenomenon on the main paths of development of Russian rock culture and later song poetry is shown.

Keywords: Russian rock, rock poetry, conceptualism, DK, Central Russian upland, performativity, shimmering

For citation: Karpov D.L. Jump over the navel: conceptualism and Russian rock, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 21—31.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 09.06.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 09.06.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Карпов Денис Львович — кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия, karpovdl@yandex.ru, SPIN: 3062-5139.

Karpov Denis Lvovich — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of General and Applied Philology of Demidov State University, Yaroslavl, Russian Federation, karpovdl@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 32—40.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 32—40.

Научная статья

УДК 821.111.09-2:316.346.2

EDN <https://elibrary.ru/fjfrac>

DOI: 10.46726/H.2026.3.4

ЖЕНСКИЙ ДИСКУРС В КОМЕДИИ Х. КАУЛИ «БЕГЛЯНКА»: ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ И СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ

Елена Вячеславовна Щекочихина

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, lenashekochikhina@gmail.com

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ женского дискурса как ключевого инструмента социальной и гендерной критики в комедии Ханны Каули «Беглянка» (1776). В исследовании рассматривается проблема эмансипации, которая находит выражение в художественном конфликте произведения, выстраивании женских характеров, вступающих в гендерный диалог с патриархальным обществом Англии XVIII века. Показано, как женщина-драматург трансформирует жанр комедии нравов, используя традиционный сюжет для деконструкции патриархальных установок эпохи, не только дополняя его элементами острой социальной сатиры, но и утверждая ценность активного добродетельного действия, искреннего чувства, возвышающегося над сословными предубеждениями, восходящего к сентиментальной этике. Цель исследования — проанализировать с опорой на историко-литературный метод и анализ характерологии пьесы средства художественной репрезентации в комедии «Беглянка» актуальных социальных вопросов эпохи, таких как право на брак по любви, критика брака по расчету, доступ женщин к образованию и возможность их самореализации.

Ключевые слова: английская женская драма XVIII в., гендерная эмансипация, женская субъектность, социальная критика, патриархальные институты, комедия нравов, Ханна Каули

Для цитирования: Щекочихина Е.В. Женский дискурс в комедии Х. Каули «Беглянка»: проблемы гендерной эмансипации и средства социальной критики // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 32—40.

Комедия английского Просвещения, не только развивавшая, но и существенно трансформировавшая драматургические традиции эпохи Реставрации, представляет собой значительный культурный и эстетический феномен, где сцена становится пространством для выражения и столкновения ключевых общественных дискурсов, в особенности формирующегося буржуазного сознания и дискуссий о новых основаниях общественного устройства и пересмотре устоявшихся социальных ролей. В данном литературном контексте творчество Ханны Каули, видного драматурга второй половины XVIII века, отличается последовательным и пристальным вниманием к женскому опыту, исследуемому в рамках доминирующих гендерных стандартов. Её комедия «Беглянка» (1776) служит ярким примером того, как национальный комический театр позднего Просвещения, традиционно ограниченный условностями комедии нравов, трансформируется и становится пространством для художественного экспериментирования с женскими характерами и моделями поведения.

Поэтика женских образов в данной пьесе, отклоняясь от традиции, сложившейся в творчестве Р.Б. Шеридана и О. Голдсмита, которые опирались на принципы сатирической типизации и нередко воплощали и изобличали в женских характерах социальные пороки, представляет собой сложную систему художественных средств, нацеленную на последовательную деконструкцию стереотипных ролей, навязываемых женщинам патриархальным обществом. В комедии «Беглянка» Каули стремится к психологической индивидуализации своих персонажей, изображает частный мир и гендерные модели поведения женщин своей эпохи, создавая галерею ярких женских характеров, чьи поступки демонстрируют их внутренние конфликты, интеллектуальную гибкость и способность к манипуляции социальными условностями для достижения личных целей. Посредством этой художественной практики драматург осуществляет выход за пределы комедийной условности, актуализируя экзистенциальную и социальную глубину женского опыта, что способствует его признанию в качестве автономного и значимого предмета художественной рефлексии.

Премьера комедии Ханна Каули «Беглянка», состоявшаяся в театре Друри-Лейн 15 февраля 1776 года, стала знаковым событием театрального сезона и продемонстрировала высокий зрительский интерес к произведениям женщин-драматургов. Успех пьесы был долговременным: если в течение первого сезона она была сыграна 17 раз, что само по себе свидетельствует о признании современной публики, то к 1800 году общее число представлений достигло 39 [Mahotiere: 11]. Ключевую роль в судьбе «Беглянки» сыграла поддержка Дэвида Гаррика, ведущего театрального деятеля эпохи. Согласно авторскому «Посвящению» к первому изданию пьесы, Гаррик не просто принял ее к постановке, но и оказал ее автору непосредственное творческое содействие. Каули с глубоким почтением отмечает, что он «распознал особенный характер [ее. — *Е. Ш.*] комедии ..., поддержал и усовершенствовал» текст (“perceived dawnings in my Comedy, which you nourished and improved”) [Cowley: 2]. В «Посвящении» говорится, что именно творческое содействие Гаррика, доработавшего и включившего произведение в репертуар Друри-Лейн, предопределило его сценический триумф. Публика приняла пьесу так же великодушно, как и Гаррик, поддержав его «щедрость» (“has emulated [his] generosity”) [Там же].

Эти строки из «Посвящения» являются важным документальным свидетельством, раскрывающим механизмы профессионального патронажа в театральном мире того времени. Редакторское участие Гаррика, по-видимому, способствовало оптимизации комедийной структуры и диалогов пьесы, ее адаптации к специфике сцены Друри-Лейн и ожиданиям аудитории. Для Каули, начинающего и никому не известного драматурга, одобрение Гаррика служило актом признания ее профессиональной состоятельности, которое, безусловно, повлияло на положительное восприятие автора «Беглянки» труппой и публикой, а доработка пьесы способствовала творческой адаптации драматурга к требованиям профессиональной сцены [Donkin: 57].

В своей комедии Ханна Каули воплощает индивидуальные жанровые стратегии. Обращаясь к традиционным для бытовой комедии второй половины XVIII в. приемам и образам-типам, «санкционированным» для творчества женщин-драматургов, она реализует более сложную художественную программу. Поэтика пьесы строится на принципе контраста: сентиментальности последовательно противопоставляется иронический дискурс, носителями которого выступают остроумные и практичные персонажи. В «Беглянке» Х. Каули реализует центральную для своего творчества концепцию активной добродетели, отдавая предпочтение характерам, «склонным к решительным поступкам и интеллектуальной рефлексии, перед теми, кто ограничивается пассивным переживанием чувств» [Marsden: 20].

Наиболее полным воплощением этой идейной стратегии становится образ главной героини комедии Эмили Морли, который соединяет внешнюю хрупкость и твердый характер, внутреннюю решимость и непоколебимую силу духа. Автор представляет её как «юную леди, благочестивую красавицу» (“a lady of beauty and honour”) [Cowley: I, ii, 6], что создаёт иллюзию типичной пассивной героини. Однако жанровые ожидания публики нарушаются, когда Эмили совершает решительный поступок, служащий завязкой произведения: отчаявшись избежать навязываемого брака с Болдуином, чья личность вызывает у героини устойчивую антипатию, граничащую с отвращением, она совершает побег из дома опекуна. Эмили говорит о Болдуине как о неловком и надменном человеке, и, более того, ему недостает мужественности, у него «изнеженный характер» (“His person is ungraceful, his manner assuming and his mind effeminate”) [Там же: V, i, 61]. Бегство из дома приводит героиню к мистеру Драммонду. Проявив сострадание, он предоставляет беглянке убежище, однако, следуя нормам благопристойности, перепоручает заботу о ней своему другу Харгрейву, чем задаёт вектор дальнейшего развития сюжета.

Визит мистера Драммонда в дом Харгрейвов, в ходе которого он представляет своему крестнику Джорджу обнаруженную им «прекрасную незнакомку», выполняет ключевую сюжетообразующую функцию, знаменуя завязку основной любовной интриги. Для Джорджа героиня оказывается воплощением романтического идеала, той самой «милой похитительницей его сердца», которой он был когда-то поражен на маскараде (“A Masquerade girl ... she is the sweet Thief”) [Там же: I, iii, 12]. Его пылкое признание в любви охлаждается мистером Драммондом, который сообщает ему о мнимой помолвке Эмили. Этот тактический ход только усиливает страсть героя: Джордж патетически заявляет, что добровольно отдает себя в «рабство» любви и посвящает ей свое будущее (“I yield my heart to thee a willing slave — to Love I devote my future life...”) [Там же: I, iii, 13]. Таким образом, Каули выводит на первый план традиционный для бытовой комедии той поры мотив всепоглощающей страсти и тему судьбы.

Сюжетная интрига обретает отчётливое социально-критическое звучание, когда в действие пьесы вводится образ леди Дины, чей брак с Джорджем инициируется его отцом, мистером Харгрейвом. Планируемый брачный союз мотивирован исключительно меркантильными интересами и стратегией социального возвышения: как подчеркивает сам Харгрейв, аристократический статус вдовы как сестры графа в совокупности с ее состоянием в сорок тысяч фунтов (“Oh, she’s clever — she’s an Earl’s sister too, and a forty thousand pounder, boy...”) [Там же: I, ii, 8] призваны консолидировать земельные владения семьи, обеспечив ей доминирующее положение в округе (“we shall then have more land than any family in the country”) [Там же: II, iii, 24]. В данной сцене разоблачается брак по расчету, когда супружеские отношения становятся сугубо коммерческим предприятием, инструментом накопления репутационного и экономического капитала. Основу комического эффекта здесь составляет недоразумение, излюбленный прием Х. Каули: Джордж, будучи уверенным, что женихом леди Дины должен стать сам Харгрейв, приветствует «союз со столь знатной семьей» (“An alliance with so noble a family, Sir, is certainly a desirable circumstance”) [Там же: I, ii, 8]. Этот эпизод выполняет двойную сатирическую функцию. С одной стороны, он демонстрирует принятие Джорджем правил патриархальной игры, где брак — это сделка. С другой стороны, его двусмысленные реплики, будучи понятыми отцом буквально, обнажают внутреннюю порочность самой этой системы, в которой даже семейные отношения строятся на расчёте и недосказанности. Прагматичный Харгрейв

и лукавящий Джордж, таким образом, становятся проводниками авторской сатиры, направленной против буржуазно-аристократической морали, где статус и капитал подменяют подлинные человеческие чувства.

Комедия «Беглянка» была задумана Ханной Каули и как средство социально-педагогической критики: в ней реализуется консервативный взгляд на женское образование через иронически очерченный образ леди Дины — женщины-педаанта, чьи мнимая интеллектуальность и подчеркнутая тактичность, с одной стороны, подчеркивают показное соблюдение норм благопристойности, а с другой — служат инструментом манипуляции и оправдания неблагоприятных поступков в борьбе за внимание Джорджа.

Критика псевдоучености получает развитие в репликах персонажей, выражающих авторскую позицию. Джордж, иронично характеризуя Дину как «старомодную даму и любительницу нравоучений» (“antiquated, sententious, delicate Lady...” [Там же: I, i, 2], иронически обыгрывает оценочное клише — «Эта леди — настоящий эрудит» (“a Lady of great erudition”) [Там же: II, iii, 24], тем самым обнажая фундаментальный разрыв между подлинной культурой и показной, статусной ученостью. Его собеседница Белла, напротив, дает прямую сатирическую оценку речам леди Дины, резюмируя, что «столько мудрости ей не вынести» (“there’s no bearing so much wisdom”) [Там же: I, ii, 5]. Ее слова комментируют комический эффект, порождаемый риторической избыточностью и дидактизмом реплик леди Дины, и акцентируют несоответствие между ее претензией на интеллектуальное превосходство и реальным содержанием ее речи. Каули не просто создает комический типаж педантки, но и встраивает его в свою систему взглядов на проблему образования женщины, указывая на то, что подлинная интеллектуальность не должна подменяться демонстративным следованием моде на «ученость» и использоваться как социальная маска.

Нравственная деградация леди Дины, тщательно скрываемая за маской аристократической респектабельности и псевдоинтеллектуальности, убедительно обнаруживает себя в ситуации, когда она осознает интерес Джорджа к Эмили. В этот момент ее риторика претерпевает кардинальную трансформацию: показное высокомерие сменяется злобной ревностью, находящей выражение в язвительных высказываниях. Леди Дина публично ставит под сомнение «родовитость и честь» Эмили (“but her pretensions to birth and honour seem to be a more doubtful matter...” [Там же: I, ii, 7], надеясь путем дискредитации соперницы получить «матримониальный приз».

Наиболее показательным для раскрытия ее истинной сущности становится эпизод, когда она отказывается защищать и поддерживать Эмили. Леди Дина сознательно игнорирует доводы мистера Драммонда о ее моральном долге, который заключается в том, чтобы помочь оступившейся девушке «оправиться от первого неверного шага» (“to render the recovery of the first false step”) [Там же], связанного с побегом из дома. Поведение «ученой дамы», мотивированное личной обидой и ревностью, окончательно ее разоблачает: мнимая мудрость и рациональность, представляющие социальную маску героини, противопоставляются ее неспособности к эмпатии и человечности. Моральный облик Дины в конечном итоге обесценивается, ее образованность и аристократический статус, лишённые нравственного фундамента, предстают в комедии как пустая и лицемерная конструкция.

В комедии «Беглянка» представлена развернутая социально-философская критика, центральной задачей которой становится представление природы подлинной нравственности. Художественное осмысление данной темы реализуется через изображение истинной и ложной чувствительности, что характерно для

сентименталистского дискурса. Эти категории воплощаются в контрастных образах леди Дины и мистера Драммонда. На фоне нравственной несостоятельности и эмоциональной черствости леди Дины, чьи напускная ученость и аристократический снобизм исключают сочувствие и живое участие, особенно четко проявляется альтруизм мистера Драммонда. Его добродетель носит не показной, а деятельный характер: движимый бескорыстной благожелательностью и состраданием, он добровольно принимает Эмили под свою защиту, не будучи связанным с ней какими-либо родственными или социальными узами. Леди Дина, напротив, отказывает в приюте и защите Эмили, заявляя, что покровительство, оказываемое беглянке, подает дурной пример дочери и племяннице мистера Харгрейва. В действительности, мотивация ее поступка коренится не в объективных обстоятельствах, а в чрезмерной заботе о собственной репутации, которая для Дины оказывается значимее потенциальных неприятностей и проблем юной беглянки. Данная сцена выполняет в пьесе ключевую разоблачительную функцию: сентиментальная риторика и демонстративная утонченность леди Дины, составляющие основу её социальной маски, в критический момент обнажают свою подлинную природу, обращившись на деле жестокостью и бесчеловечностью.

Социальная критика Ханна Каули в «Беглянке» распространяется также на современную ей систему права и государственного управления. Центральным объектом сатиры у драматурга становится фигура судьи, чье пренебрежение обязанностями и формальный подход к правосудию олицетворяют недостатки судебной власти [Escott: 64]. Судья систематически подменяет служебный долг личными интересами, в суть судебных дел практически не вникает, а к подчиненным относится с презрительным высокомерием. Так, запрещая служащему войти, он называет того «собакой» (“I charged the Butler not to let this dog in”) [Cowley: I, ii, 9]. Ярким примером черствости и абсолютного равнодушия слуги закона к своим просителям является сцена, в которой хозяин постоянного двора, нуждающийся в лицензии, и нищий-калека с четырьмя детьми вынуждены тщетно ожидать его приема.

Образу судьи, в котором типизированы системные пороки современного автору пьесы судопроизводства, противопоставлен образ мистера Драммонда, деятельность которого основана на исследовании социальных причин правонарушений и практической помощи нуждающимся. Узнав о задержании браконьера, Драммонд, к примеру, не требует его немедленного осуждения. Вместо этого он выясняет социальные обстоятельства, побудившие его совершить противоправные действия. Выяснив, что преступление порождено нуждой, голодом и отчаянием, Драммонд освобождает браконьера и даже дает ему денег, чтобы спасти семью от голода и предотвратить новые преступления. Данным поступком Каули демонстрирует, как добродетельное поведение одного человека может компенсировать провалы целой системы.

Показательным становится диалог, в котором судья обвиняет Драммонда в подрыве парламентских законов о браконьерстве. Риторический вопрос Драммонда «Неужели лорды и общины собираются в парламенте... лишь для того, чтобы над ними смеялись?» (“Shall Lords and Commons in their wisdom assemble in Parliament ... only to be laughed at?”) [Там же: IV, iii, 53] является политической репликой, направленной против законодателей, которые озабочены частными вопросами в ущерб существенным социальным проблемам.

Однако социальная критика Каули в этой ранней пьесе отличается умеренностью. Через образ Драммонда, благотельного землевладельца, чья «действительная чувствительность» маргинальна в своей среде, раскрывается не «революционная»

программа драматурга, а путь усовершенствования существующего статус-кво. Перспектива преобразований связывается не с институциональными изменениями, а с моральным воспитанием нового поколения, олицетворяемого Джорджем Харгрейвом. Так, Каули через критику ложной чувствительности и утверждение идеала активного добродетельного действия актуализирует реформистский потенциал сентиментальной этики, предлагая аудитории художественный проект более гармоничного общественного устройства.

На фоне этого конструктивного идеала, утверждаемого в пьесе, усиливается акцент на тех социальных пороках, которые становятся объектом авторского осуждения. Так, окончательная деградация нравственного облика леди Дины происходит в IV акте пьесы, когда она, движимая ревностью к Эмили, организует против нее клеветническую кампанию. Стремясь дискредитировать соперницу в глазах света, аристократка прибегает к социально низкому приему, используя слуг для распространения порочащих слухов. По плану леди Дины слуга Джарвис, бродячий актер в прошлом, должен за вознаграждение в двести фунтов стерлингов публично «узнать» в Эмили коллегу по сцене и тем самым объявить ее проникновением в аристократический дом преднамеренной актерской авантюрой, нацеленной на брак по расчету. Высокомерное заявление Дины и слуги Джарвиса мистеру Харгрейву о том, что Эмили — актриса (“you was always a good actress”) [Там же: IV, iii, 57] и охотница за его наследником, провоцирует его на полную гнева и презрения реплику: «В случае, если представленные вашим человеком доказательства окажутся состоятельными, мадам, она будет немедленно изгнана из моего дома. Пусть эта особа станет приданым какому-нибудь юному наследнику!» (“If your man can prove what she asserts, be assured, Madam, she shall not stay in my house another moment — I'll young heir the baggage”) [Там же: IV, iii, 66].

В следующей сцене Эмили, допрашиваемая судьей, хранит достоинство перед лжесвидетельством, и ее поведение становится проявлением бунта против существующих общественных нравов и устоев, когда правосудие не служит средством установления истины, а является инструментом защиты привилегий и узаконивания предрассудков.

Обострение центрального конфликта пьесы побуждает Эмили обратиться к своему опекуну, дяде Морли. Его появление усугубляет драматизм положения героини: как авторитарный блюститель патриархальных устоев, он категорически не желает признавать за Эмили право на личный выбор и требует, чтобы она немедленно возвратилась к Болдуину и вступила с ним в брак. Морли последовательно игнорирует эмоциональные порывы племянницы, все ее аргументы, мольбы о «праве на счастье» и возможности жизни «в безбрачии» (“I may urge my happiness! ... Allow me to live single, I have no wish for the married state”) [Там же: V, i, 68]. Его непреклонность (“you shall be tied fast to Baldwin!”) [Там же: IV, i, 61] знаменует кульминацию давления патриархальной системы, где женщина лишается права на голос в определении своей судьбы. Приказывая немедленно снарядить карету, Морли с самодовольством предрекает, что его «племянница станет покорной слугой для Болдуина» (“my dear Niece shall be Baldwin's most humble servant”) [Там же: V, i, 69]. Эта метафора «службы» в браке окончательно обнажает сущность патриархальной сделки, где женщина лишается не только свободы выбора, но и самой идентичности, превращаясь в объект собственности.

Ответной реакцией на этот акт принуждения становится решительный поступок Джорджа, который предпринимает попытку силой освободить возлюбленную, «вырвать её из рук тирана» (“force her from this tyrant Uncle”) [Там же: I, V, i, 70]. Однако в финальной сцене Эмили теряет сознание, и окончательное

разрешение конфликта откладывается драматургом, акцентирующим сложность преодоления укорененных социальных норм и драматизм положения женщины, вынужденной противостоять тотальному давлению патриархальной системы.

Развязка комедийной интриги наступает благодаря вмешательству внешней инстанции в лице мирового судьи, которому становится известна подлинная картина событий. Тщательно спланированный заговор леди Дины, цель которого заключается в том, чтобы опорочить Эмили с помощью лжесвидетельства, терпит крах вследствие расчетливости, предусмотрительности подкупленных слуг. Узнав об истинном социальном статусе и финансовой состоятельности Морли, слуга Джарвис немедленно отрекается от прежних показаний, прибегая к уловке о «поразительном сходстве» Эмили со своей старой знакомой (“I could have sworned the lady was my old acquaintance, the likeness is so strong.”) [Там же: IV, iii, 66]. В итоге восстановление репутации героини напрямую связывается с подтверждением её классового статуса.

Разрешение интриги пьесы связано с полным фиаско леди Дины. Мистер Харгрейв, уличив ее в клевете, разрывает с ней отношения, что провоцирует взрыв аристократического снобизма с ее стороны: в финальной реплике Дина клеймит семейство «жалкими людишками» и «плебеями», с которыми она не желает оставаться ни на минуту (“Insolent wretches! — order my chaise, I will not stay another moment under this roof — when persons of my rank, thus condescend to mix with Plebeians...”.) [Там же: V, i, 80]. Этот жест воплощает важную идейную установку автора, акцентирующего несостоятельность ложной аристократичности, основанной на сословных предрассудках, а не на моральных качествах. Таким образом, Каули выстраивает классическую комедийную развязку, где торжествуют этические нормы и восстанавливается социальная гармония. При этом специфика разрешения конфликта пьесы заключается в диалектическом сочетании поэтической справедливости с критическим переосмыслением патриархальных установок. Идейное содержание комедии определяется убежденностью Каули в том, что победа добра оказывается возможной не только благодаря личным добродетелям, но прежде всего — в перспективе современного ей социального бытия — в результате изменения общественного сознания, отвергающего как аристократический цинизм, так и патриархальную тиранию. Каули утверждает, что эта трансформация возможна лишь при изменении самих общественных норм, признании принципов новой этики правомерными как на сцене, так и в жизни.

Образ Эмили Морли в комедии Ханны Каули представляет собой художественную репрезентацию сентиментального идеала, где искренность чувства и верность внутренним побуждениям сознательно противопоставлены прагматизму и социальной расчетливости. Символическое значение приобретает финальная сцена «Беглянки», в которой согласие Морли на брак Джорджа и Эмили маркирует разрешение центрального конфликта в пользу личного чувства, преодолевающего сословные ограничения. Однако новаторство драматургического метода Каули заключается не столько в апологетике романтической любви, сколько в органичном включении в идейную структуру произведения элементов ранней феминистской рефлексии.

Значимым инструментом этой протофеминистской критики общественных устоев становится образ Беллы, племянницы мистера Харгрейва. Несмотря на формальную второстепенность положения в сюжете, он фокусирует идейное содержание комедии «Беглянка», исполняя роль стратегически важного идеологического центра. Она, в отличие от леди Дины, не принадлежит к высшему обществу и не является молодой наследницей, как Эмили Морли. Ее социальный

статус в пьесе часто остается намеренно размытым, она как будто существует на периферии аристократических условностей, что и дает ей свободу суждений. Она представлена прежде всего как интеллектуально независимая женщина, чьим главным капиталом является не состояние, а острый ум и здравый смысл. Ироничные и порой провокационные вопросы Беллы зачастую смещают фокус пьесы с сентиментальной интриги на философское обсуждение основ брака и морали. Она намеренно ставит под сомнение условности, заставляя, например, мистера Драммонда и других персонажей давать рациональные обоснования своим чувствам, что способствует углублению идейного содержания произведения.

Белла предлагает альтернативу как романтическому идеалу Эмили, стремящейся к браку по любви, так и меркантильному расчёту Дины, оспаривая легитимность самого брака как социального контракта, сформулированного в интересах патриархального порядка. Так, реплика героини в финале пьесы содержит критику традиционного брачного обета. На вопрос о возможном замужестве героиня заявляет: «Любовь — с ней, пожалуй, можно жить в браке, но почитать, повиноваться... Странно, что у дам никогда не было достаточного влияния, чтобы исправить эту неблагородную формулу» (“Love, one might manage that perhaps — but honour, obey — 'tis strange the Ladies had never interest enough to get this ungallant form mended”) [Там же: V, i, 83]. Её отказ от брачных обетов как «унизительной формальности» (“Oh mercy! — I won't hear of it...”) [Там же] бросает открытый вызов патриархальным институтам.

Позиция Беллы получает развитие в диалоге с мистером Драммондом — персонажем, чья глубокая привязанность к покойной жене характеризует его как носителя идеала супружеской верности. Драммонд предлагает компромиссную модель, разграничивая тех, кто живет «обыденными представлениями» (“common apprehensions”), — для них и был создан брачный обет, и тех, кто наделен «утончённым умом» (“refined minds”): «любовь учит [их. — Е. Ш.] таким обстоятельствам, которых никакой обет не в силах достичь» (“Love teaches a train of duties that no vow can reach”) [Там же]. Его концепция «обручённых влюблённых» (“Married Lovers”) не отменяет ритуал, но помещает его в иерархию ценностей, где подлинной связующей силой выступает не юридический обет, а внутреннее чувство, формирующее добровольные обязанности. Таким образом, Каули выстраивает диалогическую структуру, в которой радикальный протест Беллы и этическое обоснование новых отношений в браке, сделанное Драммондом, дополняют друг друга, образуя целостную критику стереотипных форм брака и предлагая альтернативную модель супружества, основанную не на внешнем принуждении, а на внутренней мотивации, добровольно принимаемом моральном долге.

Комедия Ханна Каули «Беглянка» представляет собой не только яркий образец комедийного жанра своего времени, но и важный этап в развитии женской литературной традиции. Драматургу удалось поставить проблемы, ранее остававшиеся на периферии общественного дискурса, и заложить основы для последующего развития феминистской мысли в английской литературе. Каули виртуозно использует жанровые каноны сентиментальной комедии и комедии нравов как инструмент для деконструкции патриархальных норм и исследования становления женской идентичности. Ее творческий пример открыл дорогу последующим поколениям писательниц, утвердив право женщины на художественное высказывание и социальную критику.

Список литературы / References

- Cowley H. «The Runaway». Dublin: Printed for S. Price, W. Sleater, 1776, 85 p.
 Donkin Ellen. Getting into the Act: Women Playwrights in London 1776—1829, London; New York: Routledge, 1995, 240 p.
 Escott A. The Celebrated Hannah Cowley: Experiments in Dramatic Genre, 1776—1794, London: Routledge, 2016, 320 p.
 Mahotiere M. de la. Hannah Cowley: Tiverton's Playwright and Pioneer Feminist 1743—1809, Tiverton: Devon Books, 1997, 96 p.
 Marsden J.I. Divine Sympathy: Theatre, Connection, and Virtue, *Theatres of feeling: affect, performance, and the Eighteenth-Century stage*, Cambridge: Cambridge University Press, 2019, pp. 18—40.

FEMININE DISCOURSE IN HANNAH COWLEY'S COMEDY "THE RUNAWAY": ISSUES OF GENDER EMANCIPATION AND MEANS OF SOCIAL CRITICISM

Elena V. Schchekochikhina

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, lenaschekochikhina@gmail.com

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of female discourse as a key instrument of social and gender criticism in Hannah Cowley's comedy "The Runaway" (1776). It examines the problem of emancipation expressed by the dramatic conflict, the development of diverse system of female characters entering into gender issues of the patriarchal society in eighteenth-century England. The study investigates how a female playwright transforms the genre of the comedy of manners, utilizing its traditional plot to deconstruct the patriarchal norms of the era. The author does not only add the elements of biting social satire but affirms the value of active virtuous action and sincere feeling, rising above class prejudices, dating back to sentimental ethics. The aim of the study is to analyze, using the historical and literary method as well as the analysis of characterology of the play, means of artistic representation of such vital social issues of the time as the right to marry for love, the criticism of marriage of convenience, access of women to education and the possibility of their self-realization which Cowley makes relevant in her comedy "The Runaway".

Keywords: English women's drama of the 18th century, gender emancipation, female agency, social criticism, patriarchal institutions, comedy of manners, Hannah Cowley

For citation: Schchekochikhina E.V. Feminine discourse in Hannah Cowley's comedy "The Runaway": issues of gender emancipation and means of social criticism, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 32—40.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Щекочихина Елена Вячеславовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков неязыковых направлений, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия, lenaschekochikhina@gmail.com, SPIN: 5123-2157

Schchekochikhina Elena Vyacheslavovna — a senior lecturer at the Department of Foreign Languages for Non-linguistic Studies, a postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature and methods of teaching, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, lenaschekochikhina@gmail.com

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 41—47.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 41—47.

Научная статья

УДК 81'37:821.161.1-1

EDN <https://elibrary.ru/gspvjy>

DOI: 10.46726/H.2026.3.5

ЭПИТЕТАЦИЯ УМА В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,

г. Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики эпитетации концепта «ум» в поэзии Марины Цветаевой. В работе устанавливается, что рассматриваемый концепт и его признаки (*мудрый, умный, разумный*) актуализируют значение ума не только как способности к абстрактному мышлению, но и как духа, душевной мудрости, что возвращает к средневековому представлению об уме как синтезе разума и духа. Направления эпитетации ума в поэтических текстах М. Цветаевой представлены как антропоморфными метафорическими переносами, так и зооморфными моделями, тавтологическими эпитетными конструкциями, усиливающими признак мудрости. Обращается внимание на принципиальную неограниченность сферы экспансии признака, что подтверждает мысль о тотальном признаковом означивании в идиолекте поэта. В статье представлен обзор основных направлений эпитетации концепта «ум», а также основных сфер распространения признаков *умный* и *мудрый*. Отмечается, что в поэтических текстах М. Цветаевой происходит актуализация семантики холодного ума как невозможности любить и страдать, тогда как мудрость ассоциируется со способностью любить. В отношении образного моделирования признака *мудрый* доминирует метонимическая эпитетация, тогда как при эпитетации ума метонимия и метафора занимают примерно равные позиции.

Ключевые слова: идиостиль, эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, концепт «ум», М. Цветаева

Для цитирования: Губанов С.А. Эпитетация ума в поэзии М. Цветаевой // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 41—47.

Признаковая лексика, изучаемая в рамках теории атрибутивности и предикативности, все больше рассматривается с лингвокогнитивных позиций. Намечился переход от стилистического исследования атрибутивности к когнитивно-семантическому [Арнольд; Булахова, Сквородников]. Данное обстоятельство

объяснимо не только общей тенденцией к актуализации когнитивной и дискурсивной проблематики, антропоцентричностью лингвистики, но и переориентацией поэтики на когнитивную лингвопоэтику [Губанов 2025; Губанов 2025a].

Эпитетация представляет собой не простое наделение признаком объекта: это сложный лингвокогнитивный процесс, основанный на операциях поиска объекта, в чем-либо сходного с описываемым, установления общности их признаков, создании временного дискурсивного эпитетного комплекса, в котором удерживается ассоциативная связь. Эпитетация характерна как для разговорной речи (языковые метафоры, метонимии: *молодой ум*), так и для художественного дискурса, шире — любого креативного типа текста. В последних «миграция» признаков не представляет особого труда и обусловлена авторской интенцией, однако в рамках идиостиля такие переносы признаются нормативными, объяснимыми.

Эластичность прилагательного как основного репрезентанта категории качественности, признаковости, позволяет понимать эпитет предельно широко [Виноградова]. Модификации адъективных слов, псевдоадъективы (так называемые эпитетоиды в терминологии Н.П. Булаховой и А.П. Сковородникова) способствуют такому расширению. Окаzionale словообразование показывает границы словообразовательных языковых моделей, возможности лексической и синтаксической сочетаемости эпитетов и субстантивов.

Целью данной статьи является описание способов эпитетации концепта «ум» в творчестве М. Цветаевой. Материалом для настоящего исследования послужили тексты М. Цветаевой. Основным источником материала является Собрание сочинений поэта в 7 томах, а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. Для характеристики ума как концепта русской языковой картины мира использовались лексикографические источники [Словарь русского языка; Даль; Фасмер; Черных].

Объем выборки составил 89 единиц, номинирующих умственную, ментальную активность (*лексемы ум, умный, мудрость, мудрый, разум, разумный*) в поэтическом творчестве М. Цветаевой.

Объектом анализа в статье являются эпитетные комплексы со значением умственной активности (лексемы *ум, разум, мудрость* в качестве объекта эпитетации, а также производные от них прилагательные) в поэтических текстах М. Цветаевой. Предметом исследования выступает процесс эпитетации концепта «ум», его структурные и семантические стратегии вербализации в поэтических текстах М. Цветаевой.

Основной методикой при проведении исследования является метод сплошной выборки из вышеуказанных источников, а также методы стилистического анализа текста, когнитивного анализа лексических единиц, статистического, количественного анализа частотности употребления лексем в составе идиостиля поэта.

Остановимся на характеристике концепта «ум» в русском языке. В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера отмечено, что слово *ум* связано со ст.-слав. *авити 'показать, явиться', *авь 'ясно, определенно, открыто' [Фасмер: 864]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных уточняется, что корень *и слова *имъ (*аѣмъ — суф.) этимологически восходит к и.-е. корню *аѣ, база *аѣēi, *āuis 'воспринимать органами чувств', 'ощущать', 'понимать', который составляет основу слова *явь, явно, очевидно* [Черных: 464]. Таким образом, абстрактное значение ума как понимания, ментальной активности изначально связано с ощущением, восприятием, что говорит о единстве данных процессов.

Как показала в своем исследовании Е.В. Дзюба, концепт «ум» в русской лингвокультуре изначально был тесно связан с понятием духа: «Ум — общее

название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его, а другая нрав, нравственность, хотенье, любовь, страсти» [Даль: 494]. С течением времени ум стал пониматься как ментальная способность человека, способность к абстрактному мышлению. Е.В. Дзюба пишет: «концепт ум репрезентирует определенные умения, навыки и способности человека, связанные с мыслительной деятельностью, отличаясь тем самым от других концептов внутреннего мира человека своим ценностным статусом. Кроме того, ум является определяющим свойством человека, отличающим его от животных, и в то же время степень развития интеллектуальных способностей отличает людей друг от друга. ... Концепт ум в русской лингвокультуре представляет собой уникальное явление, которому трудно подобрать аналог в другой культуре. Это «константная» ментальная единица, непрерывно формирующаяся на протяжении многих веков и прирастающая все новыми смыслами, которые нуждаются в описании и осмыслении» [Дзюба: 181].

В Словаре современного русского языка (МАС) находим основные значения слова «ум»: «1. Познавательная и мыслительная способность человека, способность логически мыслить. *Природный ум*. 2. Сознание, рассудок. 3. Общественное сознание, общественная мысль, умственные интересы общества, а также общество, люди или отдельные личности как носители определенных представлений, умственных запросов. 4. Человек с точки зрения его умственных, интеллектуальных способностей». Умный же — это «1. Обладающий здравым умом, сообразительностью. 2. Порожденный умом, свидетельствующий о рассудительности, разумности или образованности, учености. *Умный совет. Умный поступок*» [Словарь русского языка]. Второе значение прилагательного обращает на себя внимание своей образностью, перед нами языковая метонимия признака, его перенос с человека на результаты его деятельности (совет, поступок).

Мудрость предполагает глубокое знание чего-либо, основанное на опыте: это «Глубокое знание, понимание чего-л. *Житейская мудрость. Народная мудрость*» [Там же]. В словаре русского литературного языка *мудрый* имеет два значения: «1. Одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом. *Мудрый человек. Мудрый полководец*. 2. Основанный на глубоком понимании, знании чего-л., на опыте. *Мудрые законы. Мудрое решение*» [Там же]. Вновь обратим внимание на второе значение, представляющее собой узкую метонимию: *мудрый закон* — «закон мудрых людей», так или иначе перед нами эпитетация, основанная на переносе антропоцентричного признака на результаты деятельности человека, в рамках одного концептуального поля «человек» (законы, решения).

Разум также характеризуется как ум, интеллект, рассудок, способность логически и творчески мыслить, а *разумный человек* — способный мыслить, обладающий здравым смыслом [Там же]. Во многом ум и разум используются как синонимы.

Относительно образности русского языка в осмыслении ума необходимо отметить большое число направлений метафоризации и метонимизации ума, подробно описанных Н.М. Сергеевой. Например, частотны такие коды образности, как витальный (*молодой, сильный ум*), социальный национальный (*русский ум*), гендерный (*женский, мужской ум*), эмоциональный (*беспокойный ум*), ментальный (*творческий ум*), зооморфный (*собачий ум*) и т. д. [Сергеева].

Данные Национального корпуса русского языка относительно набора определений с лексемой «ум» свидетельствуют о преобладании прилагательного *здравый*, лидирующие позиции занимают лексемы *пытливый, человеческий, трезвый*,

острый [Национальный корпус русского языка], что говорит об образности языка при описании ума.

В Словаре эпитетов русского литературного языка зафиксирована статья «ум», статья о разуме отсутствует, эпитеты мудрости же в основном повторяют эпитеты ума. Ум характеризуется с трех сторон:

1) с позиции острого, здорового ума: *беспокойный, бодрый, гибкий, горячий, живой, зрелый, могучий, резкий, тонкий, широкий, ясный* и др. (112 эпитетов);

2) с позиции слабого, равнодушного, нездорового ума: *бедный, близорукий, заурядный, ленивый, праздный, равнодушный, робкий, сонный, убогий, холодный* и др. (56 эпитетов);

3) с позиции моральной оценки ума: *благородный, веселый, гордый, гуманный, добрый, злой, надменный, правдивый, раздражительный, циничный, честный* и т.д. (41 эпитет) [Горбачевич, Хабло: 479—482].

Данные Словаря эпитетов наглядно показывают образность номинации признаком ума: чаще всего актуализируется антропоморфный код, наделяющий ум человека чертами характера, эмоциональным состоянием, жизненной силой или ее отсутствием. Таким образом, метафоричность самого языка во многом определяет концептуализацию ума в качестве субъекта.

Особая образность, синкретичность языка М. Цветаевой неоднократно отмечается исследователями ее идиолекта [Зубова; Ревзина]. Под синкретичностью следует понимать нерасчлененность семантики и фонетического облика слова, промежуточное положение слова на уровне грамматической и морфологической отнесенности. Метафоричность языка поэта имеет свою специфику. О.Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая ... могила братская*); но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивного разные признаки» [Ревзина: 11]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака, он вообще не свойствен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. Исследователь отмечает, что «Цветаева использует уже проявленные возможности, представляемые русским языком для вербализации метафорического мышления ... а также создает и не использованные прежде структурные модели» [Там же: 5].

Ассоциативное сходство далеких объектов и их признаков поэт сформулировал в «Сводных тетрадах»: *Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда — иноскажи* [Цветаева 1997: 329]. Таким образом, М. Цветаева утверждает примат тотальной образности, не ограниченной ни узусом языка, ни логикой.

Лексема *ум* в поэзии М. Цветаевой зафиксирована 26 раз [Словарь поэтического... 4, кн. 2: 318], прилагательное *умный* — 15 раз, наречие *умно* — 1 раз [Там же 3, кн. 1: 322].

Направления эпитетации ума имеют неограниченную метафоричность: распространение признака на объект эпитетации разнонаправлено. Это может быть антропоморфный код, при котором происходит тавтологизация признака: *Храни Господь твой голос звонкий / И мудрый ум в шестнадцать лет!* [Цветаева 1: 168]; зооморфный код, при котором ум наделяется признаком животного, воплощающего тип ума, при этом происходит блендирование признаков животного и его «ума» (повадок, инстинктов, поскольку ум человека представляет

собой иное образование): *Желтоглазое отродье! / Ум сорочий!* [Там же: 300]; натурфактный код, при котором ум уподобляется природному объекту, признак ума сравнивается с признаком льда, причем признак выбран неочевидный, не холодный, а пронзительный, что апеллирует к чувственной стороне восприятия: *А вы, безудержные дети, / С умом, пронзительным, как лед, ...* [Цветаева 3: 14].

Ум чаще всего неотделим у М. Цветаевой от жизни духа, души, это то, где «осмысляется», переживается любовь, таким образом поэт возвращается к древнему пониманию ума как единства чувства и мысли: *Воспалется ум мой пылкий...* [Цветаева 2: 172].

Признак *умный* нечасто используется в метафорических выражениях; ярким примером переноса признака в компаративном обороте является контекст: *Он умен и начитан, как книга, / И поэт!* [Цветаева 1: 137], где поэт прибегает к характеристике ума человека путем сравнения его с книгой как носителем мудрости и поэтом как воплощением этой мудрости.

Эпитет *мудрый* в поэтических текстах М. Цветаевой, по данным поэтического словаря, встречается 24 раза, при этом лексема *мудрость* — всего 5 [Словарь поэтического... 3, кн. 1: 186]. Востребованность именно признака *мудрый* объясняется во многом универсальностью эпитетации при описании объектов и установкой на обновление поэтического языка, много раз подчеркивающейся поэтом.

Первое словарное значение эпитета *мудрый* — «одаренный большим умом» (о человеке, субъекте вообще) реализуется традиционно: мудрым предстает Сережа, Женщина, еврей и т. д. Второе же значение (см. выше) намного употребительнее. Мудростью наделяются следующие сущности:

— органы тела человека: *Все видит, все знает твой мудрый зрачок* [Цветаева 1: 70]; *С каждым мгновеньем, летящим вперед, / Детское сердце мудрей* [Там же: 139];

— физиологические состояния человека: *вам мудрый сон сказал украдкой* [Цветаева, 1: 48];

— артефакты: *о мудрые Парки* [Там же: 87]; *Сердцу он (карий иль синий?) / Мудрых важнее страниц!* [Там же: 93]; ... *мудрая книга / На ковер соскользнула неожиданно* [Там же: 120];

— объекты природы: *Мощная, мудрая, много выдавшая ель* [Там же: 79].

Эпитетация органов тела человека имеет метонимическую логику за счет переноса признака *мудрый*, относящегося к суперконцепту «Человек», на объекты этого же суперконцепта. Зрачок выражает мудрость, сердце же символизирует мудрость, давая ей обобщенную метонимическую характеристику. При эпитетации сна на первый план выходит метафоризация метонимического типа, поскольку сон относится к концептуальной области живого вообще, однако проецируется на человека. Метафорическая эпитетация артефактов и натурфактов основывается на блендировании признаков различных концептуальных областей, человека и артефакта/природного объекта, при котором объект получает антропоморфный признак. Подчеркнем метонимический след в метафоризации выражения *мудрая книга*, где книга включает в себя признак вместилища, содержания мудрости, который вербализован эпитетом *мудрый*.

Лексема *разум* менее частотна: зафиксировано 17 употреблений, эпитет *разумный* употреблен дважды [Словарь поэтического... 4, кн. 1: 81]. Эпитетация разума имеет два направления. Первое — антропоморфное, основанное на перефразировке фразеологизма *Фома неверующий: Чтоб не испортил нам смотрин / Неверный разум наш Фомин* [Цветаева 3: 210]. Второе подчеркивает аппозитивным способом крайнее проявление лирическим субъектом чувств и разума: *На все / Крайнее: мощь, разум, сладость — / Пущия: сласть, разум, мощь* [Цветаева 3: 659].

Подведем некоторые итоги. Как показало проведенное исследование, эпитетация отражает специфичные для творческого почерка М. Цветаевой способы номинации реалий и осмысление их сущности, это универсальный принцип отбора нужных слов для передачи нужного смысла, эпитет для поэта — поиск, на что она неоднократно указывала в своих дневниках. Ум как один из базовых концептов языковой картины мира получает различную признаковую характеристику от антропоморфной до зооморфной и натурфактной, однако понимается поэтом в качестве ума сердечного, конкретного понятия. Наиболее частотным выступает эпитет *мудрый*, распространение которого на другие объекты демонстрирует неограниченность блендирования признаков объектов метафоризации.

Изучение эпитетации важно с позиции понимания языковых и ментальных механизмов установления соответствий между различными объектами как основы признаковой метонимии и метафоры; в рамках идиостиля эпитетация выявляет закономерности авторского мышления, специфику работы с языком.

Список источников

- Горбачевич К.С., Хаблю Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 568 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1995. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
- Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. / сост. Ю.И. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999—2004.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.09.2025).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. 456 с.
- Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис-Лак, 1994—1995.
- Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 640 с.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1993.

Список литературы / References

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с. (Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language, Moscow, 2002, 384 p. — In Russ.)
- Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122—143.
- (Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic), *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2017, no. 2 (9), pp. 122—143. — In Russ.)
- Виноградова С.А. Пластичность семантики признаков слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). С. 30—38.
- (Vinogradova S.A. Plasticity of semantics of predicate words, *Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2021, no. 4 (71), pp. 30—38. — In Russ.)
- Губанов С.А. Эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой: лингвистические механизмы образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2025. № 1. С. 56—65.
- (Gubanov S.A. The epithet complex in the prose of Marina Tsvetaeva: linguistic mechanisms of formation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2025, no. 1, pp. 56—65. — In Russ.)
- Губанов С.А. Эпитетация света и тьмы в текстах М. Цветаевой // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2025а. Т. 29, № 2. С. 61—68.
- (Gubanov S.A. Epithetation of the concepts “light” and “darkness” in M. Tsvetaeva’s texts, *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2025a, vol. 29, no. 2, pp. 61—68. — In Russ.)

- Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011. 224 с.
(Dziuba E.V. The concept “mind” in Russian linguistic culture, Yekaterinburg, 2011, 224 p. — In Russ.)
- Зубова Л.В. Поэтический язык Марины Цветаевой. СПб.: Геликон Плюс, 2017. 544 с.
(Zubova L.V. Poetic language of Marina Tsvetaeva, St. Petersburg, 2017, 544 p. — In Russ.)
- Ревзина О.Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3, кн. 1. С. 5—30.
(Revzina O.G. Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva, *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva*: in 4 vols, 1999, vol. 3, pt. 1, pp. 5—30. — In Russ.)
- Сергеева Н.М. Концепты *ум, разум* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.
(Sergeeva N. M. Concepts *mind, reason* in the Russian linguistic picture of the world: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Ekaterinburg, 2004, 24 p. — In Russ.)

EPITHETATION OF CONCEPT “MIND” IN M. TSVETAEVA’S POETRY

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of concept “mind” epithetation in Marina Tsvetaeva’s poetry. The work establishes that the concept under consideration and its attributes (*wise, intelligent, reasonable*) actualize the meaning of the mind not only as the ability to abstract thinking, but also as spirit, spiritual wisdom, which returns to the medieval idea of the mind as a synthesis of reason and spirit. The directions of epithetation of the mind in in M. Tsvetaeva’s poetry are presented both by anthropomorphic metaphorical transfers and zoomorphic models, tautological epithet constructions that enhance the attribute of wisdom. Attention is drawn to the fundamental unlimitedness of the sphere of expansion of the attribute, which confirms the idea of total attribute designation in the poet’s idiolect. The article presents an overview of the main directions of epithetation of the concept “mind”, as well as the main areas of distribution of the attributes *intelligent* and *wise*. It is noted that in M. Tsvetaeva’s poetry, the semantics of a cold mind is actualized as the impossibility of loving and suffering, while wisdom is associated with the ability to love. In relation to the figurative modeling of the attribute *wise*, metonymic epithet dominates, whereas in the epithetation of intelligence, metonymy and metaphor occupy approximately equal positions.

Keywords: idiosyle, epithet, epithetation, epithet complex, concept “mind”, M. Tsvetaeva

For citation: Gubanov S.A. Epithetation of concept “mind” in M. Tsvetaeva’s poetry, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 41—47.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Губанов Сергей Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия, gubanov5@rambler.ru, SPIN: 9955-2958

Gubanov Sergey Anatolevich — Doctor of Science (Philology), Professor at the Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation, gubanov5@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 48—57.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 48—57.

Научная статья

УДК 81'367:81'25:811.161.1:811.111

EDN <https://elibrary.ru/drkr1>

DOI: 10.46726/H.2026.3.6

ПРИЕМЫ АДАПТАЦИИ РУССКИХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ: ОПЫТ АНАЛИЗА И РЕКОМЕНДАЦИИ

Ангелина Вячеславовна Соколова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия,

Angelina.V.Sokolova@gmail.com

Аннотация. Проблема выявления принципов построения многокомпонентных атрибутивных словосочетаний (далее АС) неоднократно попадала в поле зрения как отечественных, так и зарубежных ученых. Тем не менее фокусом исследований не становились случаи употребления конкурирующих АС с одинаковым набором компонентов, но разным порядком их следования (ср.: *большая красивая ваза* и *красивая большая ваза*). Оба варианта используются носителями языка в речи (подобная ситуация и в случае с английскими коррелятами данных АС — *big beautiful vase* и *beautiful big vase*), однако остается неясным, какие когнитивные установки стоят за выбором той или иной схемы построения АС. Вместе с тем лингвисты не уделяют внимание определению статистических параметров, иными словами, выявлению предпочтительных вариантов следования элементов именной группы как в русском, так и в английском языках, что позволило бы получить культурологически релевантные выводы, что и составляет актуальность настоящего исследования. Одной из задач исследования также является разработка переводческих решений применительно к письменному переводу АС. Выявляются типы определений, которые переводчики системно опускают / сохраняют; систематизируются наиболее частотные переводческие трансформации АС. Проведенный анализ 142 АС позволил выявить, как порядок следования элементов отражает логику когнитивных процессов носителя языка. В результате предложена стратегия письменного перевода исследованных конструкций на английский язык.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, когнитивные механизмы, порядок следования определений, письменный перевод, стратегии перевода

Для цитирования: Соколова А.В. Приемы адаптации русских атрибутивных словосочетаний в английской речи: опыт анализа и рекомендации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 48—57.

Одной из основных проблем когнитивно-дискурсивной научной парадигмы является вопрос взаимодействия когнитивных и языковых структур в разных сферах функционирования языка. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «языковая картина мира отражает специфику восприятия человеком объектов и явлений, выделения определенных характеристик, то есть того, каким образом человек конструирует в своём сознании окружающий мир» [Болдырев: 120]. Р. Джекендофф полагает, что структура синтаксической конструкции отражает «природу восприятия и когниции» [Jackendoff: 3], то есть говорящий выбирает разные языковые средства и, преломляя их через призму собственного восприятия действительности, создаёт определенные синтаксические модели. При этом поступающая

информация распределяется на более и менее значимую в зависимости от задач коммуникации. Здесь прослеживается корреляция между двумя связанными, но не тождественными механизмами — языковой картиной мира и фреймовым моделированием¹, которые не являются фокусом настоящей работы, однако должны быть упомянуты в связи с тем, что данные исследовательские методологические подходы позволяют установить характер неслучайной связи между объектами или, как в случае с атрибутивными словосочетаниями (далее АС), между компонентами распространенных синтаксических конструкций.

Как отечественные, так и зарубежные лингвисты уделяют особое внимание изучению структурно-семантических особенностей многокомпонентных атрибутивных словосочетаний, типа *thin, long, crafty-looking lips; beautiful, plump, seemingly very kind lady; tall, narrow-shouldered, shaven-headed beanpole* и т. п. Интерес к данным структурам обусловлен лексико-семантической неравноценностью и неравноправностью статусов компонентов атрибутивной группы. К настоящему времени в лингвистической науке существуют разные теории, объясняющие закономерность следования компонентов именной группы [Афанасьева; Тер-Минасова; Halliday; Kemmerer, Chandrasekaran, Tranel; Wulff и др.], однако данные подходы не позволяют интерпретировать конкурирующие АС типа *большой старый дом, старый большой дом* — в русском, и *big old house, old big house* — в английском.

Данная работа представляется актуальной также с практической точки зрения, поскольку перевод атрибутивных словосочетаний (как письменный, так и устный) неизменно вызывает трудности у переводчиков. При этом очевидна необходимость выявления особенностей трансформации текста на языке перевода для определения наиболее релевантных стратегий, которые позволят оптимизировать процесс представления информации без нарушения исходного смысла высказывания, что, в свою очередь, увеличит шансы достижения цели коммуникативного акта, иными словами, адресат адекватно интерпретирует полученную информацию, и его реакция на высказывание будет сопоставима с ожиданиями адресанта, что особенно актуально в рамках межкультурной коммуникации.

Исследователи отмечают, что в цепочке экспрессивных и оценочных определений — во избежание переизбытка окрашенных единиц в тексте перевода — сокращается число элементов [Грамматические аспекты перевода], при этом остается неясным, какие типы определений опускаются, в частности, в цепочках, включающих стилистически нейтральные единицы. Предполагается также, что выбор переводческой стратегии определяется рядом факторов, в числе которых особенности исходного языка (далее ИЯ) и языка перевода (далее ЯП): структурные, культурные и др.

Подходы к интерпретации порядка следования компонентов атрибутивного комплекса в современной лингвистике

Атрибутивные словосочетания представляют собой высокоинформативные смысловые комплексы, обеспечивающие языковую экономию и эффективную передачу смысла высказывания. В связи с этим проблема порядка следования элементов атрибутивной группы неизменно привлекает внимание лингвистов. Следует отметить, что многие исследователи стремились выявить закономерность расположения компонентов цепочки либо основываясь на статистических данных, либо опираясь на прагматические установки носителя языка, однако, как

¹ Методологический потенциал данных явлений описан в статье: [Сулейманова, Соколова].

представляется, полученные результаты не обладают исчерпывающим объяснительным потенциалом.

Например, Д. Кеммерер предлагает следующую схему расположения прилагательных: “*opinion — size — quality / character — age — shape — colour — participles — origin — material — type — purpose*” [Kemmerer, Chandrasekaran, Tranel: 94]. Однако это не объясняет возможность существования цепочек типа *tall old tree*, построенной согласно предложенной ученым последовательности, наряду с фразой *old tall tree*, нарушающей данную закономерность.

М. Халлидей характеризует структуру атрибутивной цепочки как последовательность: “*Deictic, Numerative, Epithet and Classifier*” [Halliday: 364].

Как утверждает О.А. Сулейманова [Сулейманова], статистически обоснованная С. Вулф закономерность “*general — specific opinion — size — shape — age — color — provenance — material (GSSSACPM)*” [Wulff: 253] оправдана менее чем в 80 % случаев. Исходя из этого, выбор той или иной схемы расположения зависимых элементов, основанный на когнитивных особенностях языкового сознания говорящего, нуждается в дальнейшем исследовании.

Исследования С.Г. Тер-Минасовой основываются на иных характеристиках атрибутов: «размер, объем, мягкость, температура, влажность, тяжесть, форма, возраст, цвет» [Тер-Минасова: 34]. Иными словами, определение, характеризующее цвет определяемого слова, располагается ближе к существительному, а параметр размера дальше, например: *big white house, little red flower, long blue fence* и т. п. Однако здесь также не объясняется вариативность следования прилагательных в подобных словосочетаниях. Причем экспериментальная процедура, осуществленная с целью верификации предложенного порядка следования элементов атрибутивной цепочки, выявила, что для английского языкового сознания более естественно располагать прилагательные в ином порядке — *white big house*. (Более подробно результаты и описание проведенного эксперимента будут представлены ниже).

Таким образом, проанализированные описания порядка следования компонентов именной группы в основном опираются на статистику или же интуитивное решение авторов, при этом не всегда предложено убедительное обоснование того или иного принципа, который, в свою очередь, может вступать в серьезное противоречие с иными представлениями ученых.

Анализ порядка следования элементов атрибутивной группы с опорой на теорию классов

Методологическую основу анализа порядка следования элементов атрибутивного словосочетания составляет теория классов и основанная на ней языковая категоризация. Носитель языка помещает каждый новый объект / явление окружающей действительности в уже существующий фрейм. Далее с этим объектом взаимодействуют установленным в рамках определенного класса образом [Петрова].

О.А. Сулейманова полагает, что цепочку расположения компонентов атрибутивной группы можно задать общим «классификационным» признаком, то есть один из элементов характеризует устойчивый класс лексических единиц на основе ряда объективных признаков [Сулейманова]. Так, в словосочетании *интересный старый фильм* второе определение характеризует устойчивый подкласс объектов действительности (существуют либо новые, либо старые фильмы), тогда как первое — категорию, основанную на субъективных критериях автора высказывания. Иными словами, говорящий ставит наиболее релевантный (с его точки

зрения) и/или постоянный признак ближе к существительному, а оценочное прилагательное, напротив, дальше от главного слова.

Для верификации гипотезы, а также выявления когнитивных оснований выбора стратегии расположения определений АС был проведен лингвистический эксперимент, предполагающий введение сетевых технологий с оценкой потенциала поисковых систем применительно к данному типу исследований.

Обратимся к методике проведения эксперимента. Шаг 1: составлено 20 конкурирующих АС (табл. 1). Шаг 2: определены английские корреляты данных АС (табл. 2). Шаг 3: в поисковую систему Google поочередно отправлены «закавыченные» запросы (именно добавление кавычек позволяет определить число вхождений, то есть количество употреблений словосочетания с определенным порядком слов, в конкретном падеже и т. д.) на каждое АС: например, *молодой высокий парень* и *высокий молодой парень*. Таким образом, выявлена их частотность.

Таблица 1. Количество вхождений конкурирующих русскоязычных атрибутивных цепочек по Google (на 25.10.2025)

	Словосочетание (А)	Число вхождений	Словосочетание (Б)	Число вхождений
1.	молодой высокий парень	12500	высокий молодой парень	20100
2.	большой старый дом	17300	старый большой дом	3750
3.	умная красивая девушка	13600	красивая умная девушка	11600
4.	маленькая новая квартира	648	новая маленькая квартира	8150
5.	быстрая новая машина	454	новая быстрая машина	503
6.	молодой уверенный бизнесмен	4980	уверенный молодой бизнесмен	35100
7.	молодая счастливая пара	85700	счастливая молодая пара	273000
8.	красивый редкий цветок	405	редкий красивый цветок	490
9.	старое высокое дерево	2470	высокое старое дерево	4240
10.	большой хороший подарок	3680	хороший большой подарок	1710
11.	маленькая красивая собака	1940	красивая маленькая собака	8440
12.	старый интересный фильм	225	интересный старый фильм	607
13.	маленький счастливый мальчик	11200	счастливый маленький мальчик	79200
14.	хороший новый ресторан	1300	новый хороший ресторан	1680
15.	уверенный счастливый человек	4180	счастливый уверенный человек	1840
16.	красивая высокая девушка	6980	высокая красивая девушка	24700
17.	интересный умный собеседник	583	умный интересный собеседник	3930
18.	интересный новый сериал	2570	новый интересный сериал	4280
19.	красивая новая блузка	7640	новая красивая блузка	8300
20.	дорогой новый автомобиль	3430	новый дорогой автомобиль	3910

Таблица 2. Количество вхождений конкурирующих англоязычных атрибутивных цепочек по Google (на 25.10.2025)

	Словосочетание (А)	Число вхождений	Словосочетание (Б)	Число вхождений
1.	young tall boy	7830	tall young boy	64300
2.	big old house	250000	old big house	52200
3.	smart beautiful girl	379000	beautiful smart girl	119000
4.	small new apartment	23500	new small apartment	78200
5.	fast new car	16000	new fast car	42100
6.	young confident businessman	171000	confident young businessman	1130000
7.	young happy couple	2680000	happy young couple	5670000
8.	beautiful rare flower	14800	rare beautiful flower	24700
9.	old tall tree	21000	tall old tree	29400
10.	large great gift	56800	great large gift	4260
11.	small beautiful dog	15200	beautiful small dog	174000
12.	old interesting movie	2550	interesting old movie	8090
13.	little happy boy	232000	happy little boy	4700000
14.	nice new restaurant	134000	new nice restaurant	11200
15.	confident happy person	25600	happy confident person	32400
16.	beautiful tall girl	482000	tall beautiful girl	578000
17.	interesting intelligent conversationalist	9	intelligent interesting conversationalist	356
18.	interesting new series	123000	new interesting series	6600
19.	beautiful new blouse	50500	new beautiful blouse	31800
20.	expensive new car	221000	new expensive car	22900

Прилагательные, на основе которых построены конкурирующие АС, выбраны из перечня 200 самых частотных прилагательных русского языка² (табл. 3).

² Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. 1087 с.

Таблица 3. Прилагательные, отобранные для составления конкурирующих атрибутивных цепочек на русском языке

	Прилагательное	Место в списке 200 самых частотных прилагательных русского языка
1.	новый	1
2.	большой	2
3.	высокий	8
4.	хороший	9
5.	маленький	12
6.	молодой	13
7.	старый	18
8.	дорогой	61
9.	красивый	72
10.	интересный	75
11.	быстрый	131
12.	счастливый	136
13.	уверенный	142
14.	умный	178
15.	редкий	183

Для атрибутивных конструкций *молодой высокий парень* и *высокий молодой парень* получаем следующие результаты: 12500 и 20100 вхождений соответственно, из чего следует, что представители русской лингвокультуры склонны выделять класс молодых парней. Для носителей английского языка значимым также является качество, характеризующее возраст, ср.: *young tall boy* и *tall young boy* (табл. 2).

Представляется важным отметить, что при анализе результатов поиска было выявлено, что лишь в пяти случаях (пункты 14, 15, 18, 19, 20) прагматически значимыми признаками для двух языков оказывались противоположные единицы именной группы. Сравним: *уверенный счастливый человек* (4180 вхождений) и *счастливый уверенный человек* (1840 вхождений) с *confident happy person* (25600 вхождений) и *happy confident person* (32400 вхождений). В первом случае (русскоязычные атрибутивные группы) определяющее значение имеет комплексное психологическое состояние человека, охватывающее не только социально-личностные характеристики (к которым относится уверенность), но и эмоции, мысли, восприятие индивидом своего места в мире. Во втором случае (англоязычные корреляты русских словосочетаний) предпочтение отдается другому показателю — уверенности, что подчеркивает ориентацию англоязычной культурной среды на внешнее проявление успешности и компетентности человека, нежели на его эмоциональное состояние.

Таким образом, сравнение конкурирующих атрибутивных словосочетаний позволяет выявить релевантные классы объектов в когнитивном опыте носителей как русского, так и английского языков [Сулейманова, Петрова: 62].

Структурно-семантический анализ перевода многокомпонентных атрибутивных словосочетаний из НКРЯ

Проблема адекватной передачи исследуемых конструкций на иностранный язык (в частности частотные трансформации оригинального высказывания) неизменно вызывает интерес у ученых. Анализ теоретического материала позволил определить наиболее частотные стратегии перевода атрибутивных словосочетаний на ЯП: перегруппировка, компрессия, реструктуризация, добавление (восстановление) элементов, замена одних языковых единиц другими.

В рамках настоящей работы предлагается выявить и критически проанализировать стратегии письменного русско-английского перевода АС на примере контекстов, взятых из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Первый этап предполагал создание репрезентативной выборки примеров употребления АС в письменной речи носителей русского языка. Каждый русскоязычный пример сопровождался англоязычным коррелятом, предложенным профессиональным переводчиком.

Следует отметить, что была предпринята попытка оптимизировать поисковую процедуру:

1) в графу «Лексема» поочередно введены прилагательные *новый, высокий, старый, красивый, умный*;

2) в разделе «Дополнительные признаки и языки» выбраны параметры «Слово после запятой» и «Слово перед запятой»;

3) поиск осуществлялся по всем падежным формам выбранных лексем.

Таким образом, в параллельный корпус НКРЯ направлено десять запросов.

Важно обратить внимание на то, что данный подход позволил выявить ряд связанных со встроенными в НКРЯ алгоритмами поиска проблем. В первую очередь подчеркнем, что отсутствует возможность указать атрибутивные словосочетания в качестве дополнительного грамматического признака, что значительно замедляет процесс поиска языкового материала, поскольку необходимо вручную задавать параметры, которые только в совокупности могут рассматриваться как указание на АС. Вместе с тем при дополнительном указании языков (русский / английский) в графе «Дополнительные признаки и языки» — то есть в критерии поиска входят такие параметры, как лексема (например, *высокий*), язык (русский / английский), слово перед / после запятой — результаты поиска отсутствуют. При отсутствии дополнительного языкового критерия НКРЯ предоставляет 736 контекстов (для лексики *высокий*)³.

В результате отобрано 115 контекстов, содержащих 158 АС, которые далее объединены в восемь групп в соответствии со стратегиями, которых придерживались переводчики.

В первую группу вошли 49 языковых единиц и их полных английских эквивалентов: *Тускло поблескивает фортепиано своим черным, изогнутым, глянцеви́тым боком, слабо светятся желтые, старые, изъеденные временем, разбитые, щербатые клавиши.* — *The pianoforte glimmers dully with its black, bent, glossy side; the yellow, old, time-eaten, broken, gap-toothed keys glisten faintly* (А.И. Куприн, Яма).

Вторая группа насчитывает 30 примеров перегруппировки элементов атрибутивного комплекса: *Келлер, старый коренастый немец, очень похожий на президента Крюгера, первый сошел на панель...* — *Keller, a thickset old German, closely resembling Oom Paul Kruger, was the first to step down on the sidewalk...* (В.В. Набоков, *Возвращение Чорба*); *Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залезла под диван, где сидела Луиза.* — *Zemirka, a horrid little old dog, instead of obeying, crept under the sofa where Liza was sitting* (Ф.М. Достоевский, Бесы). В выделенных атрибутивных словосочетаниях класс *старых людей и старых собак* представляется более релевантным для переводчика, поэтому лексема *старый(-ая)* в английском языке располагается ближе к определяемому слову.

³ Подробнее несовершенства алгоритмов поиска НКРЯ (особенно при работе с комплексными синтаксическими структурами) описаны в статье: [Соколова].

К третьей группе отнесены 11 АС, которые были подвержены компрессии в процессе перевода. Так, в английском варианте словосочетания *маленькую, новую, слепую собаку* элемент *новая* опускается: ... увидел возле нее *маленькую, новую, слепую собаку* с совершенно такими же, как у нее, по белому кофейными пятнами. — ... saw *a blind little pup* at her side with exactly the same coffee-coloured spots as her own (М.М. Пришвин, Любовь Ярика). Отметим, что в данном случае наблюдается также перегруппировка элементов.

15 следующих АС были объединены по признаку реструктуризации компонентов высказывания: ... я замечал и *новых, незнакомых ребят*, но по заведенному порядку считалось, что мы не должны знать друг друга... — ... I noticed *new boys I hadn't seen before*, but according to our rules we weren't supposed to know one another... (В.К. Буковский, *И возвращается ветер*...). Здесь лексема *незнакомых* трансформируется в полную предикативную структуру.

Атрибутивные цепочки типа ... *буфетчица мадам Иванова*, — *полная, старая женщина*... — ... *Mme Ivanova, the barmaid. She was a stout, bloodless old woman*... (А.И. Куприн, Гамбринус) объединены в группу, где при переводе появляется дополнительный элемент. В данном случае добавлена лексема *bloodless* (*бледная*), что можно объяснить последующим контекстуальным сравнением героини с *бледными ленивыми рыбами* (переведено как *lazy white fishes*). Всего с подобной трансформацией было обнаружено пять АС, однако не все употребления представляется возможным обосновать, опираясь на широкий контекст.

Шестая группа насчитывает девять единиц, содержащих лексическую замену компонентов атрибутивной группы на языке перевода: *Высокий, стройный, элегантный офицер* со стеком истерически кричал. — *A tall, well-built, very smart officer with a riding-crop was shouting hysterically* (А.В. Кузнецов, Бабий Яр). В данном примере лексема *стройный* переведена как *well-built*, однако такие словари, как Cambridge Dictionary, Macmillan Dictionary и Collins Dictionary основным компонентом значения отмечают атлетический тип телосложения человека (ср.: *having a large, strong body; a well-built person has a body that people admire because of its strength or beauty; a well-built person has quite a big body and quite large muscles*), при этом стройность также является одним из признаков подобной комплекции, но не считается определяющей.

В седьмую группу вошли 16 словосочетаний, при переводе которых появляется сочинительный союз *и / или*: *Новый, никогда не слыханный, страшный рев* приближался из лесу... — *A new, unheard-of and terrible cry came from the woods*... (В.Г. Ян, Батый).

23 примера, содержащих на языке оригинала один из ранее упомянутых союзов, объединены в отдельную восьмую группу. Следует отметить, что данные конструкции также были трансформированы при переводе. Например, в словосочетании *красивого, необыкновенно сильного и ловкого щеголя, веселого малого* переводчик производит такие преобразования, как перегруппировка элементов, компрессия, добавление элементов и опущение союза: *a strong, handsome, quick, cheerful, well-dressed man*. Представляется, что описанные типы АС нуждаются в дополнительном комплексном исследовании, что составляет перспективу дальнейшей работы. Особого изучения заслуживает также корреляция атрибутивных групп с запятой и без нее, ср.: *красивый высокий дом* и *красивый, высокий дом* (см. работы К.Я. Сигала), что станет предметом специального исследования.

Таким образом, АС являются многоуровневой структурой, взаимодействие элементов которой производит новое языковое содержание. Данные языковые единицы способствуют соотносению различных явлений и объектов окружающей

действительности, а определение, как часть атрибутивной группы, позволяет конкретизировать и классифицировать иные, связанные с ним, компоненты абстрактного мира.

Очевидно, что на выбор стратегии перевода влияет ряд факторов, однако главной задачей является достижение в тексте ЯП сопоставимого с высказыванием на ИЯ уровня эквивалентности. Языковые единицы (в нашем случае АС) могут быть трансформированы в иные конструкции (см. выше примеры преобразования прилагательных в полные предикативные структуры), однако иметь ту же семантику и коммуникативную нагрузку, которые позволяют вызвать у иноязычного реципиента реакцию, идентичную реакции отправителя сообщения на ИЯ.

Следовательно, на первом этапе необходимо выполнить предпереводческий анализ текста. Переводчик выбирает необходимую конструкцию — многокомпонентное атрибутивное словосочетание — и анализирует структурно-значимые элементы высказывания, отмечая релевантный для носителя русского языка подкласс объектов окружающей его действительности (определение, которое примыкает непосредственно к существительному, ср.: *большой старый дом* и *старый большой дом*). Далее, путем сравнения частотности употребления английских конкурирующих языковых единиц (*big old house* и *old big house*), переводчик определяет, какой подкласс выделяют в рамках англо-саксонской картины мира. На основе данной информации предлагается наиболее естественный для носителей английского языка вариант перевода атрибутивной цепочки. Однако подобная стратегия перевода исследуемых языковых единиц применима только к письменному переводу, поскольку в условиях устного перевода не представляется возможным быстро сделать запрос в поисковую систему (например, Google), чтобы выявить более частотный порядок следования компонентов высказывания на ЯП.

Исходя из этого, вопрос поиска универсальной стратегии устного перевода АС остается открытым, что связано в первую очередь с тем, что данный вид перевода по определению предполагает количественную редукцию текста. Представляется интересным провести отдельное исследование, посвященное выявлению наиболее частотных стратегий при устном последовательном и синхронном переводе с последующим сопоставлением результатов. Источником материала станет «Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод — тексты и видеозаписи)»⁴, авторами которого являются преподаватели кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ: д.ф.н., проф. О.А. Сулейманова, канд. филол. наук, доц. М.А. Фомина, д-р филол. наук, доц. А.А. Водяницкая, асс. А.В. Соколова.

Список литературы / References

- Афанасьева О.В. Адъективный класс лексики в современном английском языке и формы его языковой репрезентации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 395 с.
(Afanasjeva O.V. Adjectives in modern English and their linguistic representation: dis. ... doctor of Sciences (Philology), Moscow, 1994, 395 p. — In Russ.)
- Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 118—122.
(Boldyrev N.N. The Role of the cognitive context in world and world knowledge interpretation, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 6 (335), pp. 118—122. — In Russ.)

⁴ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622085 Российская Федерация. Переводческий корпус (синхронный и последовательный перевод — тексты и видеозаписи): № 2022621929: заявл. 02.08.2022: опубл. 18.08.2022.

- Петрова И.М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков): монография. М., 2020. 185 с.
(Petrova I.M. The Mechanism of Cognitive Focusing (Relator Structures in the Russian and English Languages): monograph, Moscow, 2020, 185 p. — In Russ.)
- Соколова А.В. Формирование эмпирической базы исследования лингвистических хеджей на основе параллельного подкорпуса НКРЯ: методический контур // В многомерном пространстве современной лингвистики. 2025. С. 36—46.
(Sokolova A.V. Building an empirical foundation for the study of linguistic hedges based on a parallel subcorpus of the NKRYA: a methodological framework, *V mnogomernom prostranstve sovremennoi lingvistiki*, 2025, pp. 36—46. — In Russ.)
- Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н., Карданов К.С. и др. Грамматические аспекты перевода: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов вузов. М., 2010. 240 с.
(Suleimanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanov K.S. et al. Grammatical aspects of translation: a textbook for students of philological and linguistic departments, Moscow, 2010, 240 p. — In Russ.)
- Сулейманова О.А. Когнитивная интерпретация особенностей адъективной лексики в свете теории классов: hommage à О.В. Афанасьева // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межкафедральный сборник научных статей. 2018. С. 70—79.
(Suleimanova O.A. Cognitive interpretation of adjectives through theory of classes: homage à O.V. Afanasjeva, *The Three “L”s in the paradigm of contemporary humanities: linguistics, literary studies, and language pedagogy: an interdepartmental collection of scholarly articles*, 2018, pp. 70—79. — In Russ.)
- Сулейманова О.А., Петрова И.М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52—64.
(Suleimanova O.A., Petrova I.M. Explanatory potential of class theory for linguistic research: the order of adjectives, *Filologija: nauchnye issledovaniia*, 2018, no. 3, pp. 52—64. — In Russ.)
- Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 4. С. 123—133.
(Suleimanova O.A., Sokolova A.V. Reconsidering frame analysis vs linguistic worldview: converging or diverging?, *Terra Linguistica*, 2024, vol. 15, no. 4, pp. 123—133. — In Russ.)
- Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: монография. М., 2008. 341 с.
(Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures: monograph, Moscow, 2008, 341 p. — In Russ.)
- Halliday M.A.K. Halliday’s introduction to functional grammar, London: Routledge, 2014, 208 p.
- Jackendoff R. Semantics and cognition, Cambridge: MIT Press, 1995, 283 p.
- Kemmerer D., Chandrasekaran B., Tranel D. A case of impaired verbalization but preserved gesticulation of motion events, *Cognitive neuropsychology*, 2007, vol. 24, iss. 1, pp. 70—114.
- Wulff S. A multifactorial corpus analysis of adjective order in English, *International Journal of Corpus Linguistics*, 2003, vol. 8 (2), pp. 245—282.

STRATEGIES FOR ADAPTING RUSSIAN ATTRIBUTIVE WORD COMBINATIONS IN ENGLISH SPEECH: ANALYSIS AND RECOMMENDATIONS

Angelina V. Sokolova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, Angelina.V.Sokolova@gmail.com

Abstract. The paper deals with the principles which define the word order in the attributive group. The research revealed that the attributes are distributed according to a classifying principle, intrinsically intertwined with characteristics that are relevant for a speaker, i. e. the importance of the particular word class for a speaker. The experimental data obtained through the Russian National Corpus and speeches of Russian politicians showed that the more important the class of words, the closer the adjective is located to the noun. The novelty is caused by the fact that the author uses an innovative linguistic experiment based on the Google search which helps to identify cultural features of the Russian and English native speakers related to the word order in attributive groups. Moreover, the paper analyzes translation solutions as regards written Russian-to-English translation, in particular, which attributives translators tend to omit / preserve. As a result, a strategy for the written Russian-to-English translation is proposed.

Keywords: attributive collocations, cognitive mechanisms, word order in attributive group, Russian-to-English translation, translation strategies

For citation: Sokolova A.V. Strategies for adapting Russian attributive word combinations in English speech: analysis and recommendations, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 48—57.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 03.12.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Соколова Ангелина Вячеславовна — аспирант, ассистент кафедры языкознания и переводоведения, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (МГПУ), г. Москва, Россия, Angelina.V.Sokolova@gmail.com, SPIN: 5584-9936

Sokolova Angelina Viacheslavovna — post-graduate student, assistant lecturer, Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (MCU), Moscow, Russian Federation, Angelina.V.Sokolova@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 58—65.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. 58—65.

Научная статья

УДК 81'366.58:81'373:811.1+811.222.1

EDN <https://elibrary.ru/ihyxqs>

DOI: 10.46726/H.2026.3.7

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМПАРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ КОРРЕЛЯТЫ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Бахарэ Чераги

Университет имени Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран, b_cheraghi@sbu.ac.ir

Маджид Эстири

Университет Гонбад-Кавус, г. Гонбад-Кавус, Иран, estiri@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются словообразовательные и лексические средства выражения сравнения в русском языке и их переводы на персидский язык. Изучение категории сравнения является традиционной темой языкознания, приобретающей особую актуальность в связи с интересом современной лингвистики к сравнительным исследованиям языков. В статье анализируются в сопоставлении словообразовательные и лексические средства его выражения в русском и персидском языках, приводятся определения терминов «сравнение», «сравнительные конструкции» ряда русских и зарубежных ученых, обсуждаются способы выражения категории сравнения в структуре предложения, предлагаются возможности классификации русских сравнительных конструкций и способы их передачи на персидский. Использование сравнительного метода анализа единиц языка показывает, что в обоих языках данная категория находит отражение на словообразовательном и лексическом языковых уровнях. В результате исследования выявлено, что перечисленные средства выражения компаративного значения задействованы в обоих сравниваемых языках, но в русском языке большее распространение имеют словообразовательные средства. Практическая значимость работы заключается в том, что выводы статьи могут быть использованы студентами, обучающимися на кафедрах РКИ иранских вузов, как дополнительный материал на занятиях, а также переводчиками.

Ключевые слова: сравнение, способы выражения, словообразование, лексический способ, русский язык, персидский язык

Для цитирования: Чераги Б., Эстири М. Словообразовательные и лексические средства выражения компаративной семантики в русском языке и их корреляты в персидском языке // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 58—65.

Как известно, среди самых разнообразных средств достижения образности на всех языковых уровнях важную роль играют сравнительные конструкции, стилистические возможности которых осуществляются по-разному в творчестве поэтов и прозаиков. По мнению К. Лернера, интерес к изучению категории сравнения в русском языкознании только усиливается со временем. Наиболее существенный вклад в осмысление сравнения внесли такие лингвисты XX в., как В.М. Огольцев, М.И. Черемисина, Е.Т. Черкасова, В.П. Берков и др. [Лернер: 31].

С точки зрения лингвистики, сравнение — это «грамматически образное сопоставление двух явлений для выделения важного для говорящего признака объекта речи» [Матвеева: 454]. В общем виде сравнение делится на постоянное

и переменное, имеет особые средства выражения, которыми отличается от других тропов. Сравнения в художественных произведениях играют оценочную роль. Сравнительные русские конструкции бывают полные и неполные. С.О. Карцевский отмечает, что в полных сравнительных конструкциях существуют все три компонента сравнения (объект, субъект и модуль сравнения). В неполных конструкциях присутствуют только субъект и объект сравнения, а третий компонент (модуль сравнения) отсутствует [Карцевский: 108]. С точки зрения структуры Ч. Цзинна определяет сравнительные конструкции так: 1) что сравнивается, 2) с чем сравнивается, 3) основание для сравнения. Первые два компонента обязательные в данных конструкциях, третий — факультативен [Цзинна: 131].

Категория сравнения относится к числу языковых универсалий. По мнению М.Н. Крыловой, можно разделить способы выражения сравнительного значения на союзные и бессоюзные. Также можно классифицировать сравнения с точки зрения полноты, наличия всех составляющих компонентов. Сравнение бывает эксплицитным и имплицитным. В первом случае существуют оператор и основание сравнения, а во втором случае они опущены, т. е. формально не выражены, но подразумеваются [Крылова].

Персидскими исследователями риторики категория сравнения понимается следующим образом: по мнению Дж. Хомаи, сравнение — это уподобление двух предметов друг другу по какому-либо признаку [Хомаи]; с точки зрения М.Ш. Кадкани, сравнением является упоминание сходства или тождества двух различных предметов по какому-либо признаку [Кадкани]. В персидском языке категория сравнения изучается как литературное средство, придающее красоту художественной речи, то есть поэзии и прозе [Вахидиан Камкар].

Современный исследователь риторики С. Шамиса описывает категорию сравнения по-другому: «сравнение — уподобление какого-то предмета или явления другому предмету или явлению, когда то уподобление совершается на основе ирреальности, а не реальности» [Шамиса: 33]. В этом описании Шамиса хочет подчеркнуть, что когда два предмета уподобляются, это не означает, что они в действительности сходны друг с другом. Например, по его мнению, в предложении: *سگ مانند شغال است* (*Собака похожа на шакала*) хотя имеются все компоненты сравнительной структуры, но оно не является сравнением ввиду того, что составлено на основе реальности, а не ирреальности, и в действительности *собака* и *шакал* однородны. Можно сказать, что в персидском языке в большинстве таких предложений общий признак сравнения формально не выражается. «Понятие сравнения — понятие формально не выраженных общих признаков. Это формальное отсутствие усиливает фантазию и выразительность речи» [Там же: 34]. В предложении *او مانند اسب می تازد* (*Он скачет как лошадь*) общий признак сравнения пропущен, но понятен из содержания предложения. Выразительным сравнением называется сравнение, в котором пропущены и общий признак сравнения, и показатель сравнения. Нужно заметить, что объект и эталон сравнения являются основными компонентами сравнительной конструкции и как стороны сравнения никогда не могут пропускаться [Там же: 35].

Сравнением в своем общем значении является предложение, состоящее из четырех частей, называемых сравнительными компонентами: объект сравнения, эталон сравнения, общий признак сравнения, показатель сравнительного отношения [Шафии Кадкани].

Объект сравнения	Эталон сравнения	Общий признак сравнения	Показатель сравнения
حرفهایم (мои слова)	یک تکه چمن (кусочек травы)	روشن (яркий)	مثل (как)

Значение сравнения в персидском и русском языках одинаково, но изучению данной категории в персидском языке не уделялось много внимания. Наша работа является первым подробным сопоставительным исследованием на уровне словообразования и лексики. В русском языке выделяются морфологические, синтаксические, лексические и словообразовательные средства выражения сравнительного значения, но в настоящей статье мы подробно рассмотрим только словообразовательные и лексические способы, кроме этого, укажем на то, насколько распространены соответствующие средства в персидском языке.

Материалы исследования — это примеры, взятые из книг русских и персидских лингвистов, а также переведенные самими авторами данной работы.

В русском языке только от качественных прилагательных можно образовать формы сравнительной и превосходной степени. Натэл-Ханари пишет, что сравнительные степени выражаются в персидском языке синтетической формой, и разделяет их на несколько групп:

- Иногда основа исходной формы прилагательного сочетается с суффиксом *تر*. В персидском языке предлоги *چون*, *که*, *از* прибавляют дополнение к сравнительной степени прилагательного: *به خانه ی خویش باشی بهتر که به خانه کسان* (Лучшие быть в своем доме, чем в чужом).

- В некоторых случаях сравнительная степень прилагательного стоит перед определяемым словом и выражается изафетной конструкцией:

هر که از عیب خود نابینا باشد، نادان تر مردمان باشد (Тот, кто не видит своих недостатков, — самый невежественный из людей).

- Превосходная степень прилагательного — это превосходство признака в одном предмете по сравнению со всеми аналогичными. Такое значение в персидском языке образуется синтетической формой, и основа исходной формы прилагательного сочетается с суффиксом *ترین*. Превосходная степень сравнения стоит перед определяемым словом, стоящим в единственном числе без изафетного знака:

شریف ترین تواضع آن است که خویشتن را بر هیچ کس افضل نبینی (Высшее смирение — не считать себя выше кого-либо) [Нател-Ханлари: 151].

Нател-Ханлари также добавляет, что в персидском языке суффиксальным способом можно создавать сравнительное значение, при котором выражается уподобление. Суффикс *وار* прибавляется к существительному или прилагательному и образует качественное прилагательное или наречие, к которым можно добавить еще суффикс *انه*: *استاد دیوانه وار عاشق هنر بود* (Но мастер был безумно влюблен в искусство), *امیدوارانه به آینده چشم دوخته بود* (Он с надеждой смотрел в будущее).

С помощью суффикса *گون* образуются прилагательное и наречие, указывающие на цвет и род предмета. Такой суффикс имеет книжный стиль:

او مردی با چهره ای گلگون بود. (Это был человек с румяным цветом лица) [Нател-Ханлари: 30]. Суффиксы *آسا*, *فام*, *سان* и *وش* тоже прибавляются к существительному и образуют прилагательное и наречие со значением сравнения [Валипур, Ибрагим-шарифи: 48].

Хотя существуют разнообразные способы выражения сравнительных отношений, нужно заметить, что контекст в целом играет значительную роль в передаче сравнительного значения. Исходя из вышеуказанного, укажем на выявленные нами средства выражения сравнения.

Лексические средства выражения сравнительного значения

1. Лексические средства выражения сравнительного значения в русском языке составляют слова с семантикой сравнения: *похожий* (*похож*), *подобный*

(подобен), *наподобие*, *напоминает*, *вроде*, *в сравнении с*, *в виде* и другие. Лексический компонент указывает не только на факт сравнения, но и одновременно на результат. Как видно, грамматически такие слова в русском языке бывают прилагательными, глаголами, простыми и сложными предложениями. Рассмотрим переводы перечисленных средств в персидском языке:

Среди других играющих детей она напоминает лягушонка (Н. Заболоцкий)
در میان کودکانی که در حال بازی هستند، او شبیه بچه قورباغه می باشد.

Обыватели стали понимать, что начинается что-то, похожее на революцию —
که چیزی شبیه به یک انقلاب در حال شروع شدن است. مردم عادی متوجه شدند

И.С. Иванова в своей книге отмечает, что выражение **похож** (на кого, на что) указывает на сходство предметов и лиц, в то время как выражение **напоминает** (кого, что) указывает на отдалённое сходство [Иванова: 115].

Как видно, данные слова передаются на персидский язык больше сложными глаголами *شبیه بودن* (*напоминать*) и *شبیه است* (*напоминает* или *похож*).

2. Русские относительные прилагательные, употребляемые в переносном (качественном) значении, могут передать значение сравнения: волчий аппетит (اشتهای گرگی), орлиный нос (عقابى بینی), жемчужные зубы (دندان هایى), шелковые волосы (ابریشمی موهای). (مانند مروراید)

Перевод данных конструкций на персидский также выражается прилагательными в сочетании с изафетной формой существительных; существительными, между которыми стоит наречие *مانند* (*такой как*), или суффиксальным способом *وار* *اشتهای گرگ* (*волчий аппетит*). Как видно, разнообразие данных конструкций в персидском языке больше, по сравнению с русским.

3. Метафорические конструкции, называемые скрытым сравнением, широко используются в русском языке и при общении людей, и в литературе. Общеязыковые метафоры, подобные использующимся в русском языке (*часы идут*, *ночь опустилась*, *ножка стола*, *туман сел*, *железнодорожная ветка*), существуют и в персидском языке: *ساعتم خواب مانده است* (*Мои часы отстают*) [Цзинна: 131].

Далее рассмотрим лексические средства выражения сравнительного значения в персидском языке, которые тоже разделяются на три группы:

а) сравнительное значение в персидском языке может выражаться словами со сравнительной семантикой. При этом используются некоторые сложные глаголы: *مانند بودن*, *شبیه بودن*, *به نظر رسیدن*, *مانند بودن* (*похож*, *напоминать*, *выглядеть*):

Хотя ему было пятьдесят лет, выглядел он гораздо моложе, *او از همه لحاظ شبیه پدرش بود* (*Он был во всем похож на своего отца*) [Нател-Ханлари: 100].

Как видим, сложные глаголы со сравнительным значением в персидском языке выражаются сравнительным наречием *شبیه* или *مانند* и другими лексическими средствами с существительным в изафетной форме и спрягаемой формой инфинитива *بودن*, или предлогом *به* в сопоставлении с существительным *نظر* и спрягаемой формой инфинитива *رسیدن*;

б) значение сравнения может передаваться некоторыми относительными прилагательными в переносном значении: *سربازان از اراده آهنین برخوردار بودند*. (*У солдат была железная воля*).

Как указано, такая конструкция существует и в русском языке, но в персидском языке она передается прилагательными, и в большинстве случаев в словообразовательной форме, при которых существительное имеет при себе суффиксы *ای*, *وار*, *گون*.

в) метафора, построенная на основе сравнения, является одним из распространенных способов выражения сравнительного значения в персидском языке.

Пропускается объект, общий признак и показатель сравнения, из сравнительной конструкции остается только эталон сравнения, который называется метафорой [Шамиса: 53]. هزاران نرگس از چرخ جهانگرد فرو شد تا برآمد یک گل زرد (نظامی). (Тысячи звезд спускались с вращающегося неба, пока не появилось **солнце**, значит / Прошла ночь, и наступило утро) (Нэзами). В этом примере поэт не говорит, что солнце сходно с желтым цветком, а утверждает, что солнце само — желтый цветок.

Метафоры-сравнения являются художественными средствами и в обоих языках разнообразно употребляются. Они могут строиться на основе сходства признаков, поведения или внешнего вида человека с животным: корова — *толстая, глупая, неуклюжая*, теленок — *безответный, глупый*. В персидском языке тоже существуют метафоры с подобными значениями, а также: شیر: شجاع، الاغ: نفهم (лев — *храбрый, осёл — глупый*). О птицах в русском языке: соловей — *сладкоголосый*, ворона — *глупая, грубая*. В персидском: طاووس: زیبا و باوقار (авлин — *красивый и величественный*). О пресмыкающихся и млекопитающих: выдра — *непривлекательная, худая и злобная*; змея — *злая, коварная, хитрая*. А в персидском языке, например: مارمولک: حقه باز و دورو (ящерица — *обманывающая и лживая*). Можно сделать вывод, что есть много родственных метафор в русском и персидском языках.

Словообразовательные средства выражения сравнения

Словообразовательные компаративные структуры многократно рассмотрены в исследованиях русистов, и в них производящая основа выражает то, с чем сравнивается, а словообразующие аффиксы указывают на акт сравнения, то есть выполняют роль союзов в раздельнооформленной сравнительной конструкции.

1. Суффиксальный способ сравнительного словообразования

Суффиксальный способ является самым продуктивным способом сравнительного словообразования в русском языке. Как и союзы, каждая группа суффиксов при образовании сравнительного компонента выражает особое сравнительное значение.

• Суффиксы **-еват** и **-оват** в прилагательных выражают значение «похожий частично, в некоторой степени»:

— Ты не выдашь? Тетя Лида замерла, подняв **узловатый** палец (НКРЯ)

از اینکه انگشت کج و کوله اش (گره ماندش) را بالا برد شما نمی بخشید؟ خاله لیدا یخ کرد، پس

— В общем-то он **чудаковат**, как почти все руководящие деятели нашего института (НКРЯ)

کلی، او تقریباً مانند همه سرپرستان مؤسسه ما یک شخصیت عجیب و غریب دارد. به طور

В приведенных примерах суффикс **-оват** может не переводиться на персидский, но данные прилагательные указывают на признак предмета или лица, существующий в первичном слове без этого суффикса. Наречие مانند (как) тоже является другим вариантом перевода данных суффиксов.

• Суффиксы **-ат** и **-чат** выражают значение «похожий на то, что называется в производящей основе»: За белой каменной **змейчатой** оградой — *кирпичные постройки, высокая труба кирпичного завода* (НКРЯ).

(قرار دارد. پشت حصار مار مانند سنگی سفید، ساختمان های آجری و دودکش بلند یک کارخانه آجری (ز))

Здесь тоже наречие مانند (как) является переводом данных суффиксов.

• Суффикс **-аст** — «имеющий что-либо, обозначенное производящей основой, в большом размере увеличенного вида»: А Галя **высокая, видная, глазастая**, многим нравилась (НКРЯ) و گالیا قد بلند و زیبا است، چشمان درشتی دارد، (خیلی ها او را دوست داشتند).

В данном случае эквивалент суффикса в персидском выражается прилагательными *درشت* (большой), *تیزبین* (умный), *زورکی* (зоркий). Такая словообразовательная конструкция в персидском языке выражается лексическим способом.

- Компаративные структуры с суффиксами -н-, -ск-, -к-, -инск-, -еск-, -ов- малоупотребительны.

Приведенные примеры показывают, что русские суффиксы со значением сравнения на персидский язык передаются больше прилагательными и наречиями или вообще не переводятся.

2. Прилагательные с формантами -образный, -подобный, -видный, образованные от существительных

Данные слова являются самыми призрачными сравнительными отношениями и выражают признак, который заключается в производящей основе:

— *Лошаденка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги* (Чехов) (گردنش را می کشد، پاهای عصا مانندش را خم می کند. اسب بیچاره نیز).

— *У него был громоподобный голос* (او صدای کوبنده ای داشت).

— *У этого растения стреловидные листья* (این گیاه برگ های پیکان (پیکان مانند) دارد).

После рассмотрения вышеуказанных примеров можно сказать, что такие форманты в составе прилагательных переводятся наречием مانند, которое прибавляется к разным существительным отдельными прилагательными или словосочетанием به شکل. Другим способом перевода данных прилагательных является суффиксальный способ برگ های پیکان وار (стреловидные листья).

Отметим, что сложные прилагательные со значением цвета, путем сопоставления с предметом выражают сравнительное значение пепельно-серый, молочно-седой (خاکستری مثل خاکستر، سفید شیری). В данных прилагательных значение сравнения передается на персидский наречием مانند или изафетной конструкцией.

3. Суффиксально-префиксальный способ сравнительного словообразования

Такие словообразовательные модели наречий образуются от основ прилагательных с префиксом по и имеют высокую продуктивность в русском языке: по-зимнему, по-медвежьи, по-ослиному, по-дружески и т. д. [Цзинна: 132].

На первой неделе марта ещё по-зимнему студено (НКРЯ) —

هفته اول مارس هنوز هم مثل زمستان سرد است.

Встретились по-дружески: он меня чаем с печеньем угостил (НКРЯ) —

و کلوچه از من پذیرایی کرد. ما دوستانه با هم آشنا شدیم: او با چای

Данная группа характеризуется тем, что значение целого складывается из значений составляющих элементов. Перевод этих наречий на персидский выражается прибавлением наречия مثل к существительному или суффиксом انه, который добавляется к существительным, т. е. не суффиксально-префиксальным способом.

Таким образом, сравнение является одной из фундаментальных и универсальных языковых категорий, богатой как в семантическом, так и в языковом отношении, и помогает формированию лингвистической компетенции студентов, изучающих русский язык. После проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

- и в русском, и в персидском языках используются лексические и словообразовательные средства выражения сравнительного значения, но русские словообразовательные средства разнообразнее, чем персидские;
- русский лексический способ в высокой степени похож на персидский лексический способ;
- в обоих языках существует большое количество суффиксов со сравнительным значением, и можно сказать, что словообразовательный способ является продуктивным средством выражения сравнительного значения;
- многие словообразовательные сравнительные конструкции в русском языке передаются на персидский суффиксальными конструкциями, добавлением наречий к существительным, прилагательными;

- эквивалентами суффиксальных прилагательных, образованных от существительных с помощью формантов -образный, -подобный, -видный, а также суффиксально-префиксальных наречий типа по-зимнему, по-весеннему, в персидском языке являются главным образом суффиксальные конструкции, состоящие из существительного с суффиксами وار , آنسا، گون، وش .
- лексические сравнительные средства в персидском языке больше передаются сложными глаголами شبیه است и شبیه بودن .

Список источников

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
 Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.07.2025).

Список литературы / References

- Валипур А., Ибрагимшарифи Ш. Структурный сопоставительный анализ категории сравнения и способы её выражения в русском и персидском языках // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53), ч. 3. С. 47—49.
 (Valipur A., Ebrahimsharifi Sh. Structural comparative analysis of the category of comparison and ways of its expression in Russian and Persian languages, *Philological sciences: Theoretical and practical issues*, 2015, no. 11 (53), pt. 3, pp. 47—49. — In Russ.)
- Иванова И.С. Русский язык. Практический синтаксис: учебное пособие по русскому языку для иностранцев. М.: Русский язык, 2004. 152 с.
 (Ivanova I.S. Russian language, Practical syntax: A Russian language textbook for foreigners, Moscow, 2004, 152 p. — In Russ.)
- Карцевский С.О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107—112.
 (Kartcevski S.O. Comparison, *Questions of linguistics*, 1976, no. 1, pp. 107—112. — In Russ.)
- Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3736> (дата обращения: 25.07.2025).
 (Krylova M.N. Functional-semantic analysis as a basis for systemic study of linguistic units, Functional-semantic category of comparison, *Humanitarian scientific research*, 2013, no. 9. — In Russ.)
- Лернер К., Куперман В. Категория «сравнения и оценки» с точки зрения гипотезы о «типах языкового движения» // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 89—96.
 (Lerner K., Kuperman V. The category of “comparisons and evaluations” from the point of view of the hypothesis about “types of language movement”, *Questions of linguistics*, 1998, no. 1, pp. 89—96. — In Russ.)
- Малых Л.М. Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 2. С. 105—110.
 (Malikh L.M. The status of the category of comparison in modern linguistic research, *Bulletin of Udmurt University*, 2011, iss. 2, pp. 105—110. — In Russ.)
- Цзинна Ч. Сравнение в русском языке: общая характеристика способов выражения // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2017. № 1. С. 130—133.
 (Czinna Ch. Comparison in Russian: General characteristics of expression methods, *At the intersection of languages and cultures: current issues in the humanities*, 2017, no. 1, pp. 130—133. — In Russ.)
- Вахидиан Камкар Т. Аналогия неизвестного литературного приема // Ежеквартальный журнал по персидской литературе Исламского университета Азад в Мешхеде. 2010. № 25—26. С. 7—19.
 (Vahidian Kamkar T. Simile, an unknown literary device, *Quarterly Journal of Persian Literature of the Islamic Azad University of Mashhad*, 2010, no. 25—26, pp. 7—19. — In Pers.)

Нател-Ханлари П. История персидского языка: в 3 т. Тегеран: Нашре но, 1986. Т. 2. 410 с. (Natel-Khanlari P. Persian language history: in 3 vols, Tehran, 1986, vol. 2, 410 p. — In Pers.)

Хомаи Дж. Риторика и литературное ремесло. Тегеран: Тоос, 1982. 265 с. (Homai Dzh. Rhetoric and literary arts, Tehran, 1982, 265 p. — In Pers.)

Шамиса С. Выражение и значения. Тегеран: Митра, 2005. 229 с. (Shamisa S. Expression and meanings, Tehran, 2005, 229 p. — In Pers.)

Шафии Кадкани М.Р. Воображение в персидской поэзии. Тегеран: Ага, 1987. 747 с. (Shafii Kadkani M. Imagination in Persian Poetry, Tehran, 1987, 747 p. — In Pers.)

WORD-FORMATION AND LEXICAL MEANS OF EXPRESSING COMPARATIVE SEMANTICS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR CORRELATES IN THE PERSIAN LANGUAGE

Bahareh Cheraghi

Shahid Beheshti University, Tehran, Iran, b_cheraghi@sbu.ac.ir

Majid Estiri

Gonbad Kavous University, Gonbad Kavous, Iran, estiri@mail.ru

Abstract. The article examines word-formation and lexical means of expressing comparison in Russian and their translations into Persian. The study of the category of comparison is a traditional topic of Russian linguistics, which is acquiring particular relevance in connection with the interest of modern linguistics in comparative studies of languages. The purpose of this work is to identify the exact means of expressing comparison in the Russian language in comparison with the Persian language. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive consideration of this topic in the Russian and Persian languages. The use of the comparative method of analysis of language units shows that in both languages this category is reflected at the word-formation and lexical language level. As a result of the study, it was revealed that the listed means of expressing comparative meaning are used in both compared languages, but word-formation means are widely used in the Russian language. The practical significance of the work is that the conclusions of the article can be used by students studying in the departments of Russian as a foreign language in Iranian universities, as additional material in classes, and also by translators.

Keywords: comparison, ways of expression, word formation, lexical method, Russian language, Persian language

For citation: Cheraghi B., Estiri M. Word-formation and lexical means of expressing comparative semantics in Russian language and their correlates in Persian language, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 58—65.

Статья поступила в редакцию 26.07.2025; одобрена после рецензирования 18.10.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 26.07.2025; approved after reviewing 18.10.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Чераги Бахарэ — кандидат филологических наук, ассистент профессора, кафедра русского и славянского языка и литературы, Университет имени Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран, b_cheraghi@sbu.ac.ir

Cheraghi Bahareh — Candidate of Sciences (Philology), assistant professor, Department of Russian and Slavic Language and Literature, Shahid Beheshti University, Tehran, Iran, b_cheraghi@sbu.ac.ir

Эстери Маджид — кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Университет Гонбад-Кавус, г. Гонбад-Кавус, Иран, estiri@mail.ru

Estiri Majid — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Gonbad Kavous University, Gonbad Kavous, Iran, estiri@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 66—73.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 66—73.

Научная статья

УДК 81'23:81'373.46:821.111.09-31

EDN <https://elibrary.ru/mfhjuf>

DOI: 10.46726/H.2026.3.8

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АЛЛЮЗИВНОГО АНТРОПОНИМА

Марина Александровна Ананьина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, ananinama@yandex.ru

Аннотация. Современные когнитивные исследования аллюзивных онимов предполагают возможность вербализации ими концептов. Исследование выполнено на основе когнитивного подхода с использованием метода концептуального анализа. Аллюзивный антропоним изучается как разновидность художественного концепта, а именно концепта-представления, сфокусированного на конкретных визуальных, звуковых, слуховых признаках референта. Данный тип концепта вербализуется аллюзивным антропонимом в первичной функции, часто на основе метафорической или метонимической транспозиции. Анализ контекстов романов британских писателей 19 века Ч. Диккенса и У. Теккерея позволяет сделать вывод о формировании ономастических категорий, имеющих полевое строение и разную номинативную плотность, по признакам «яркая, типичная внешность», «типичный вид неодушевленных объектов», «умозрительное представление» и другим. Производится актуализация абстрактного концепта *известная личность* и признаков, которые с ней связаны. В результате сближения собственных и нарицательных имен происходит нейтрализация гендерных различий референтов аллюзивных отсылок, признака одушевленности / неодушевленности и другие процессы. Ряд концептов носит многопризнаковый характер. Перспективой работы может служить исследование других разновидностей аллюзивного антропонимического концепта, а также сопоставительное изучение данных концептов в текстах различных лингвокультур.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, аллюзивный антропонимический концепт-представление, художественный концепт, аллюзия, прецедентное имя

Для цитирования: Ананьина М.А. Когнитивный потенциал аллюзивного антропонима // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 66—73.

На современном этапе развития лингвистики большое внимание уделяется когнитивному потенциалу изучения имени собственного и его разновидности — аллюзивного антропонима. Исследование когнитивной природы аллюзивного антропонима тесно связано с двумя направлениями лингвистики — теорией прецедентности и разработкой художественного концепта. Цель работы состоит в выявлении когнитивного потенциала аллюзивного антропонима как репрезентанта художественного концепта на материале романов 19 века Ч. Диккенса и У.М. Теккерея. В исследовании рассматривается аллюзивный антропонимический концепт-представление как разновидность аллюзивного антропонимического концепта. Когнитивный потенциал состоит в изучении категориальной идентификации концептов-представлений на основе общих актуализируемых когнитивно-тематических признаков.

Структурно-системный подход к описанию функционирования лингвистических единиц в художественном тексте является ведущим в работе. Задействованы методы концептуального анализа для исследования когнитивных признаков, на основе которых происходит категоризация аллюзивных антропонимов, и количественный метод для анализа количественных показателей использования аллюзивных антропонимов как репрезентантов концептов-представлений.

Материалом исследования послужили четыре романа английских писателей: Ch. Dickens “David Copperfield”, “Nicholas Nickleby”, “Bleak House”, W. Thackeray “Vanity Fair”. Общее количество отобранных аллюзивных антропонимов составило 47 единиц.

Изучение когнитивных особенностей аллюзивных антропонимов тесно связано с теорией прецедентности, поскольку данные языковые знаки представляют собой имена людей, наделенные энциклопедической информацией. Исследование прецедентных имен проводилось в работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, Ю.А. Блиновой, М.В. Золотарева, И.В. Приваловой, Л.В. Моисеенко, Е.А. Нахимовой, Р.В. Разумова и других. В соответствии с современными положениями теории прецедентности, прецедентное имя обладает когнитивным и эмоциональным потенциалом, лингвокультурной значимостью, является одним из способов семиотизации культуры, ее базовым предметным, музыкальным, живописным и пространственно-временным кодом [Блинова: 160—164]. Подчеркивается связь прецедентного имени с прецедентными визуальными образами [Дзюба, Еремина, Rogozinnikova]. Исследуются семиотический аспект прецедентных имен, выполняемые ими людическая и оценочная функции [Bushueva, Muliukina]. Для прецедентных имен характерны темпоральная диалогическая динамика, иммерсивность, мультимодальность и наличие в семантике прецедентного феномена аксиологических и деонтических компонентов [Волкова: 59].

Когнитивные исследования прецедентных имен фокусируются на способности расширения их значения в контексте, слиянии нескольких концептов, репрезентируемых именами, с последующим формированием новых значений. Денотативное употребление является этапом когнитивной трансформации и развития когнитивного потенциала прецедентного антропонима [Золотарев, Привалова: 164]. В семантике имени собственного существенную роль играет классифицирующий компонент структуры значения, который способен расширяться через закрепление в нем действий, поступков, характерных черт носителя имени [Новикова: 91]. В результате возникают предметно-смысловые группы, или ономастические категории, которые объединяют несколько имен в один концепт. Разработаны векторная, конкретизирующая и интегрирующая модели концептуализации прецедентного имени в зависимости от способа экспликации знания, закрепленного за прецедентным именем [Петрова].

Изложенные идеи вносят значительный вклад в изучение когнитивного потенциала аллюзивных антропонимов, позволяют глубже понять механизмы взаимодействия смыслов в процессе их актуализации.

Другое направление исследований аллюзивных антропонимов связано с когнитивной поэтикой. При изучении авторских концептов используется понятие когнитивного стиля, отражающего индивидуальные стратегии отбора знаний автором, а также ментальные действия по преобразованию знаний [Тарасова 2025; Евтушенко 2022: 58]. Художественные концепты характеризуются изменчивостью, динамикой [Огнева: 93—94; Евтушенко 2010]. В художественном тексте может происходить актуализация признаков, не входящих в ядро национального концепта, и имеет место дискурсивное варьирование художественного концепта

[Букарева: 112]. В результате может иметь место сближение смыслов разных аллюзивных антропонимических концептов.

Предлагаются различные схемы исследования структуры художественного концепта с выделением ядерных, предъядерных, сопряженных и других признаков [Воронина: 10; Володина: 16]. Продуктивной для нашего исследования является модель послойного анализа концепта, включающая предметно-образный, оценочный, понятийный, символический, ассоциативный слои [Тарасова 2022: 42].

В данной работе рассматривается концепт-представление, под которым понимается абстрактный концепт, мыслительная картинка, обобщенный чувственный образ предмета и явления, отражающий совокупность наиболее наглядных, внешних признаков предмета или явления [Болдырев: 53]. Аллюзивный антропоним является репрезентантом различных по содержанию типов концептов, в том числе рассматриваемого нами концепта-представления.

Из текстов романов английских писателей Ч. Диккенса и У. Теккерея было отобрано 127 аллюзивных антропонимов, 47 из которых являются репрезентантами аллюзивных антропонимических концептов-представлений. Для данных номинантов характерно использование в функции первичной номинации, тесная связь с первичным референтом аллюзивного антропонима. Перцептивный и когнитивный образы выступают на первый план. Концептуализация смыслов происходит в виде целостной мыслительной картинки или схемы, возможны представления умозрительного характера. Понятийный слой, как правило, дефокусирован, может быть не сформированным, если процесс апеллирования только начался. Ассоциативный слой актуализирует ассоциации, связанные с экспрессивными, социально-культурными или стилистическими коннотациями признаков концепта и контекстуально возникающих смыслов. Аксиологический слой отражает оценку признаков референта аллюзивного антропонима.

Многие аллюзивные антропонимы фокусируют одинаковые абстрактные признаки. Чем более обобщенной является идея, тем большее количество аллюзивных антропонимов использовано для ее экспликации. В тексте профилируются не только ядерные, но и периферийные признаки. Аллюзивные антропонимы образуют ассоциативно-тематические ряды, образующие ономастические категории. Перечислим основные ономастические категории в рассматриваемом материале в порядке убывания номинативной плотности в сопровождении нескольких примеров.

1. «Яркая, типичная внешность»: Sterne [Dickens 2000a: 293] (Стерн), Macbeth [Dickens 2000: 230] (Макбет), like Macbeth, Macbeth-like [Там же: 276] (Макбет, похожий на Макбета).

2. «Умозрительное представление»: Robinson Crusoe [Dickens 2001: 95] (Робинзон Крузо), Goliath, little David [Thackeray: 39] (Голиаф, маленький Давид), Napier [Там же: 40].

3. «Типичный вид неодушевленных объектов»: Noah's arks [Dickens 2000: 159] (ковчеги Ноя), Guy Fawkes [Там же: 321] (Гай Фокс), Robinson Crusoe [Там же: 331] (Робинзон Крузо).

4. «Жестокие поступки»: Nimrod, Gillingwater [Dickens 2000a: 71—72] (Нимрод, Джиллингвотер), Damocles [Thackeray: 444] (Дамокл).

5. «Зрительный образ»: Sister Ann [Там же: 53] (сестра Анна), Desdemona [Там же: 410] (Дездемона), Don Juan [Там же: 595] (Дон Жуан).

6. «Склонность к выпивке»: Charley [Dickens 2001: 252] (Чарли), Donald the Highlander [Thackeray: 252] (Дональд-горец), Sheridan [Там же: 324] (Шеридан).

7. «Красивый женский облик»: a little Venus [Dickens 2000a: 246] (маленькая Венера), Queen Caroline [Dickens 2001: 444] (Королева Каролина).

Поскольку аллюзивные антропонимические концепты-представления отражают конкретные особенности внешности, поступки, особенности звука или мыслительные представления, умозаключения, то сводить признаки в категории представляется сложным, каждый концепт отражает индивидуальную особенность объекта. С нашей точки зрения, аллюзивные антропонимические концепты-представления актуализируют абстрактный концепт *известная личность* и ее различные аспекты внешности, слуховые, зрительные образы, убеждения, привычки, характер. Отдельные аспекты чувственного представления отражают внешний вид неодушевленных предметов и чувств, испытываемых героями. В связи с этим индивидуальные когнитивные признаки были подвергнуты обобщению в соответствии с основным аспектом картины мира, который они отражают в целом: внешность, вид неодушевленных объектов, умозрительное представление, зрительный образ.

Самой номинативно плотной является категория «яркая, типичная внешность», в которой актуализируется обобщенная идея необычного внешнего вида, причем этот признак не детализируется, а носит абстрактный характер общего указания на известного человека, что способствует сближению таких разных по источникам аллюзивных антропонимов, как *Macbeth* (Макбет), *Sterne* (Стерн), *Ixion* (Иксион), *Robinson Crusoe* (Робинзон Крузо), *Whittington* (Уиттингтон), принадлежащих к различным историческим эпохам, временным срезам и семиотическим пространствам. Сближение разных аллюзивных антропонимов, далеко отстоящих друг от друга в культурно-исторических плоскостях, характерно для всех выявленных ономастических категорий. Как отмечает S. Magedanz, обращение к одинаковым аллюзиям может быть объяснено тем, что они представляют собой одинаковые литературные коды [Magedanz].

Ряд признаков акцентирует конкретный признак, репрезентируемый несколькими концептами: «жестокие поступки», «красивый женский облик» и «склонность к выпивке». Среди ономастических категорий выделяется категория «типичный вид неодушевленных объектов», основанная на метонимической транспозиции когнитивных признаков по типу «автор — произведение, связанное изделие». В данном случае концепт, вербализованный именем *Noah's Arks*, профилирует признак древности, «допотопности» и ассоциируется со старыми кораблями на верфи. Имя *Guy Fawkes* репрезентирует концепт известного заговорщика Гая Фокса, планировавшего взорвать здание парламента в Лондоне, однако концептуальное значение переосмысливается по типу метонимии и выражает типичный вид Гая Фокса, а именно характерные черные перчатки Гая Фокса: *Guy Fawkes pair of gloves* (перчатки Гая Фокса). Аналогично концепт, вербализованный именем *Robinson Crusoe*, акцентирует признак типичного длинного романа. Все три концепта обобщенно профилируют когнитивный признак «типичный вид неодушевленных объектов». Для данной ономастической категории характерна нейтрализация признака одушевленности / неодушевленности.

Можно представить структуру художественной антропосферы в виде поля, доминантными категориями являются репрезентированные 12—14 аллюзивными антропонимами. К данному слою относятся ономастические категории «яркая типичная внешность», «умозрительное представление». Средний слой художественной антропосферы репрезентирован 4—9 аллюзивными антропонимами и включает категории «типичный вид неодушевленных объектов», «жестокие поступки». Периферийные категории представлены 2—3 аллюзивными антропонимами и содержат категории «зрительный образ», «склонность к выпивке» и «красивый женский облик».

Среди проанализированных концептов-представлений можно выделить монопризнаковые, профилирующие один признак в тексте, и многопризнаковые концепты, репрезентированные аллюзивными антропонимами Robinson Crusoe и Whittington. Данные концепты акцентируют разные когнитивные признаки, как ядерные, инвариантные, закреплённые в культуре и словарях, так и периферийные, вариативные, ассоциативно выводимые из ядра при опоре на когнитивный контекст.

Согласно Оксфордскому словарю аллюзий, имя Robinson Crusoe расположено в статье “Solitude” («Одиночество»). Робинзон Крузо является героем одноименного романа Д. Дефо (1719), переживает кораблекрушение, живет на необитаемом острове в течение двадцати четырех лет, сначала в одиночестве, затем в компании дикаря Пятницы. Наиболее ярким эпизодом романа является ужасная находка Крузо следов дикарей на необитаемом, как Робинзон первоначально считал, острове [The Oxford Dictionary of Allusions: 355]. Инвариантными признаками концепта являются одиночество, жизнь на необитаемом острове, находка следов на песке. В романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд» герой видит в доме неожиданно приехавшую тетю в окружении багажа, птиц и кошки, картина напоминает Дэвиду образ Робинзона Крузо, и он называет ее a female Robinson Crusoe (как Робинзон Крузо женского пола) [Dickens 2000: 422]. Грамматическая метафора основана на транспозиции признаков родовой принадлежности — тетя героя воспринимается в образе мужчины, акцентируются признаки уединенности в чужом доме в отсутствие хозяина, наличие животных в окружении, тихое спокойствие. Профилируется когнитивный признак яркой, типичной внешности человека. В другом контексте романа имя R. Crusoe также используется метонимически по схеме «герой — название произведения — объем произведения», автор сравнивает по объему свидетельства с романом «Робинзон Крузо»: the length of Robinson Crusoe (толщиной с «Робинзона Крузо») [Там же: 331]. В контексте концепт фокусирует признак типичного вида неодушевленных объектов.

В тексте “Bleak House” акцентируются признаки одиночества и отсутствия развлечений, профилируется когнитивный признак умозрительных представлений: he doubted if Robinson Crusoe could have read it [Dickens 2001: 95]. Даже лишенный общения и других развлечений человек не станет читать длинные тексты, рекомендуемые миссис Пардигл. Таким образом, аллюзивный антропоним Robinson Crusoe (Робинзон Крузо) является многопризнаковым в рассмотренных текстах.

Другим многопризнаковым концептом является концепт с именем Whittington. В контексте романов данный концепт фокусирует когнитивный признак яркой, типичной внешности человека. Главный герой описывает трудности ведения хозяйства после того, как он женился. Пара наняла пажа, помощника, который постоянно, как Дик Уиттингтон, ссорился с поваром. Герой называет слугу a perfect Whittington (совершенный Уиттингтон) [Dickens 2000: 588]. Профилируется признак типичной внешности маленького слуги и полное отсутствие остальных сходств с образом Дика Уиттингтона. В романе “Bleak House” звон колоколов соседней кареты напоминает рассказчику о Дике Уиттингтоне: reminding me of my namesake Whittington (напоминая мне о тезке Уиттингтоне) [Dickens 2001: 54]. Вид кареты, красота расстилающейся перед ним дороги выступают в качестве конкретно-чувственных образов, представлений героя, акцентируется признак вида неодушевленных объектов и дополняется слуховым образом звучащих колоколов.

Результаты исследования приводят к выводу о том, что аллюзивный антропоним, как и прецедентное имя, обладает значительным когнитивным потенциалом и ассоциативностью. Аллюзивный антропонимический концепт характеризуется избирательностью и вариативностью фокусирования когнитивных признаков. Профилирование одного признака в нескольких концептах приводит к формированию ономастических категорий в художественном тексте и сближению аллюзивных антропонимов с именами нарицательными. Художественная антропосфера текста, образуемая аллюзивными антропонимическими концептами-представлениями, имеет полевую структуру. Ряд концептов выступает в качестве многопризнаковых, профилирующих несколько признаков концепта, включая инвариантные и периферийные, выводимые из контекста признаки.

Список источников

- Dickens Ch. David Copperfield, London: Wordsworth editions Ltd, 2000, 750 p.
 Dickens Ch. Nicholas Nickleby, London: Wordsworth editions Ltd, 2000a, 776 p.
 Dickens Ch. Bleak House, London: Wordsworth classics, 2001, 760 p.
 Thackeray W.M. Vanity Fair, London: Wordsworth classics, 2001, 964 p.
 The Oxford Dictionary of Allusions, ed. by A. Delahunty, Sh. Dignen and P. Stock, Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003, 453 p.

Список литературы / References

- Блинова Ю.А. Прецедентные имена как способ семиотизации культуры в дискурсе современной немецкой литературы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 1. С. 159—165.
 (Blinova Yu.A. Precedent names as a way to semiotize culture in modern German fictional discourse, *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 159—165. — In Russ.)
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с.
 (Boldyrev N.N. Cognitive semantics. An introduction to cognitive linguistics: a course of lectures. 5th ed., rev. and expanded, Tambov, 2021, 236 p. — In Russ.)
- Букарева Н.Ю. Концепт «дом» в повести Юрия Трифонова «Дом на набережной» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 1 (124). С. 111—120.
 (Bukareva N.Yu. The concept of “HOUSE” in Yuri Trifonov's story “House on the Embankment”, *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 1 (124), pp. 111—120. — In Russ.)
- Волкова Р.А. Темпоральный аспект прецедентности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, № 2. С. 54—63.
 (Volkova R.A. The temporal aspect of precedence, *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University, Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2025, vol. 25, no. 2, pp. 54—63. — In Russ.)
- Володина Н.В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 2—1 (35). С. 9—19.
 (Volodina N.V. Concept in the system of cognitive literary criticism: an experience of a methodological approach, *RGGU Bulletin, Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2018, no. 2—1 (35), pp. 9—19. — In Russ.)
- Воронина Т.М. Оппозиция «образованный / необразованный человек» как объект описания в лингвокультурологическом словаре концептов // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 10—12.
 (Voronina T.M. The opposition “educated/uneducated person” as an object of description in the linguistic-cultural dictionary of concepts, *Tomsk State University Journal*, 2012, no. 355, pp. 10—12. — In Russ.)

- Дзюба Е.В., Еремина С.А., Рогозинникова Ю.В. Прецедентные онимы сферы «Русская литература» в англоязычной карикатуре // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 202—222.
- (Dziuba E.V., Eremina S.A., Rogozinnikova Yu.V. Precedent names from Russian Literature in English-Language cartoon, *Issues in onomastics*, 2023, vol. 20, iss. 1, pp. 202—222. — In Russ.)
- Евтушенко О.В. Художественная речь как инструмент познания. М.: Языки славянских культур, 2010. 551 с.
- (Evtushenko O.V. Artistic speech as a tool of cognition, Moscow, 2010, 551 p. — In Russ.)
- Евтушенко О.В. Когнитивный стиль по его репрезентантам в художественном тексте // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 57—65.
- (Evtushenko O.V. Cognitive style according to its representatives in a literary text, *Proceedings of the V.V. Vinogradov institute of the Russian Language*, 2022, no. 1, pp. 57—65. — In Russ.)
- Золотарев М.В., Привалова И.В. Развитие когнитивного потенциала прецедентного антропонима // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 2. С. 159—170.
- (Zolotarev M.V., Privalova I.V. Development of the cognitive potential of a precedent anthroponym, *Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 159—170. — In Russ.)
- Новикова О.Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного — антропонима // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3 (28). С. 90—93.
- (Novikova O.N. Aspects of cognitive study of proper name — anthroponym, *Issues of cognitive linguistics*, 2011, no. 3 (28), pp. 90—93. — In Russ.)
- Огнева Е.А. Исследование динамики концептов художественных произведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 3—2. С. 93—99.
- (Ogneva E.A. A study of the dynamics of concepts in works of art, *Journal of St. Petersburg University, Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism*, 2008, no. 3—2, pp. 93—99. — In Russ.)
- Петрова Е.В. Когнитивный потенциал прецедентного имени: дис. ... канд. филол. наук, 2024. 194 с.
- (Petrova E.V. Cognitive potential of a precedent name: diss. ... Candidate of Sciences (Philology), 2024, 194 p. — In Russ.)
- Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 166 с.
- (Tarasova I.A. Cognitive poetics: subject, terminology, methods: monograph, Moscow, 2022, 166 p. — In Russ.)
- Тарасова И.А. Интерпретация лирических текстов поэтов разных когнитивных стилей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. № 3. С. 248—256.
- (Tarasova I.A. Interpretation of lyric texts by poets of different cognitive styles, *Izvestiya of Saratov University, Series: Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 248—256. — In Russ.)
- Bushueva L., Muliukina A. Types and functions of precedent names in English-language cinematic discourse, *Linguistics & Polyglot Studies*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 116—127.
- Magedanz S. Allusion as form: the waste land and moulin rouge!, *Orbis Litterarum*, 2006, vol. 61, iss. 2, pp. 160—179.

COGNITIVE POTENTIAL OF AN ALLUSIVE ANTHROPONYM

Marina A. Ananyina

Ural Federal University, named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, ananinama@yandex.ru

Abstract. Modern cognitive studies of allusive proper names suggest the possibility of their verbalization of concepts. The study is based on a cognitive approach using the method of conceptual analysis. An allusive anthroponym is studied as a kind of artistic concept, namely, a concept-representation focused on specific visual, sound-related, and auditory features of the referent. This type of concept is verbalized by an allusive anthroponym in the primary nominative function, often based on a metaphorical or metonymic transposition. The analysis of the contexts in the novels by 19th-century British writers Ch. Dickens and W. Thackeray demonstrates that onomastic categories with a field structure and varying nominative density are formed based on the cognitive features of “vivid, typical appearance”, “typical type of inanimate objects”, “comical appearance”, “mental representation” and others. There is an actualization of the abstract concept *famous personality* and the attributes that are associated with it. As a result of the convergence of proper and common names, there occur the neutralization of gender differences between the referents of allusive names, the transposition of the category of animate/inanimate objects and other processes. Several concepts are multi-faceted in the given context. The study of other varieties of allusive anthroponymic concepts, as well as a comparative analysis of these concepts in the texts of various linguistic cultures can be regarded as the perspectives of the research.

Keywords: allusive anthroponym, allusive anthroponymic concept-representation, artistic concept, allusion, precedent name

For citation: Ananyina M.A. Cognitive potential of an allusive anthroponym, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 66—73.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 23.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Ананьина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ananinama@yandex.ru, SPIN: 8172-6078

Ananyina Marina Aleksandrovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Germanic languages, Ural Federal University, named after the first President of Russia, B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, ananinama@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 74—81.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 74—81.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.2:271.2-564.3:008

EDN <https://elibrary.ru/kpkexh>

DOI: 10.46726/H.2026.3.9

ИМЕНОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПРАЗДНИКА ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Наталья Владимировна Суворова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru

Аннотация. В данной статье описываются официальные и неофициальные наименования православного праздника *Покров Пресвятой Богородицы*. С целью обнаружения лингвокультурологических особенностей данных образований анализируются семантика, структура и функционирование наименований рассматриваемой памятной даты, имеющих в своем составе как религиозный, так и нерелигиозный компонент. В результате сопоставления выявленных геортонимов были установлены сходства в механизме номинации официальных и народных названий праздника *Покров Пресвятой Богородицы* с компонентом «покров». Основные мотивационные признаки, характерные для этих образований, указывают на лицо, которому посвящена памятная дата, а также на событие, центром которого является Богородица. Кроме того, были выявлены структурные и семантические различия неофициальных наименований церковного праздника, обусловленные несхождением внутренней формы лексем, отражающих народно-бытовое представление о православном празднике *Покров Пресвятой Богородицы*.

Ключевые слова: геортоним, внутренняя форма слова, лингвокультурология, мотивационный признак, народные названия, семантика, структура

Для цитирования: Суворова Н.В. Именования православного праздника *Покров Пресвятой Богородицы* в русском языке (лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 74—81.

Геортонимы (наименования праздников или памятных дат) являются важнейшей частью ономастического пространства любого языка. Исследование их происхождения, особенностей внутренней формы (мотивационного признака) и сферы функционирования дает широкое представление о культурно-исторических традициях народа, позволяет выявить специфику его картины мира. Среди онимов данной группы особое место занимают официальные и неофициальные наименования церковных праздников, которые отражают не только религиозную сторону жизни человека, но и его быт, нравы и обычаи.

Среди церковных праздников, посвященных матери Иисуса Христа, выделяется *Покров Пресвятой Богородицы*. Несмотря на то, что эта непереходящая (отмечается в России 14 октября по новому стилю) памятная дата не входит в число важнейших двенадесятих христианских праздников, она высоко почитается восточнославянской церковью. Событие, которое лежит в основе геортонима, произошло после окончания земной жизни Богородицы и ее вознесения. Согласно рассказу, взятому из жития святого Андрея Юродивого, в 910 году

во Влахернском храме Константинополя (Византия) было явление Богородицы, которая распростерла над молящимися о спасении от врагов свой омофор (головное покрывало), и город не пал под натиском неприятеля. Существительное *Покров*, являющееся ключевым в названии праздника, используется не в конкретном значении «то, что покрывает», а в абстрактном — «защита, заступничество», т. е. образование геортонима связано с семантической онимизацией.

Как и большинство религиозных праздников, *Покров Пресвятой Богородицы* имеет официальные и народные именованья, которые различаются структурой (однокомпонентные или многокомпонентные) и внутренней формой (набором мотивационных признаков).

Рассматриваемая памятная дата имеет два именованья в церковных книгах: *Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии* и *Воспоминание явления святого Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*. Оба геортонима являются многокомпонентными и включают два обязательных элемента, с которыми связан праздник: название события и название лица. Абстрактное существительное *Покров*, составляющее ядро именованья праздника, имеет достаточно прозрачную структуру, которая без труда позволяет установить этимологическую общность слова с праславянским глаголом **kryti*, имевшим значение «скрывать, сохранять». Это дает возможность предположить, что сема «заступничество» развилась неслучайно. Префикс *по-* в производной лексеме реализует дефиницию «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом», то есть формант в целом не меняет общего лексического значения производящей основы. Следовательно, значение «сверху», которое обнаруживается в глаголе *покрыть* и девербативе *покров*, является семантическим наращением, или дополнительным семантическим компонентом. Согласно церковным канонам, именованья матери Иисуса Христа в рассматриваемых официальных названиях праздника *Покров Пресвятой Богородицы*, как и в геортонимах, обозначающих другие религиозные праздники (*Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, *Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, *Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*), выстроены по принципу нисходящей градации [Суворова: 89].

Геортоним *Воспоминание явления святого Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*, состоящий из одиннадцати компонентов, появился позднее в церковнославянских книгах. В его составе содержатся лексемы, функция которых — уточнить статус праздника, сделать акцент на его значимости. В частности, отглагольное существительное *Воспоминание* конкретизирует ранг рассматриваемой памятной даты (не входит в число важнейших двенадцатых праздников), девербатив *явление* определяет характер события («то, что было явлено, предстало перед глазами»), а прилагательное *святой* в сочетании со словом *Покров*, коррелирующее с однокоренным префиксальным прилагательным *Пресвятая*, относящимся к лексеме *Владычица*, придает торжественность образу великого праздника.

Неофициальные геортонимы *Покров Пресвятой Богородицы* и *Покров Богородицы* представляют собой эллиптированные формы названия рассматриваемого праздника. В этих сокращенных вариантах, наиболее частотных с точки зрения употребления, опущены лексемы, дублирующие именованья лица, с которым связана памятная дата. Именно в таком усеченном виде название праздника впервые фиксируется в памятниках книжно-славянской и деловой письменности древнерусского языка: «Списа на воло(цѣ) еоунтліе опрако(с)... к покровоу свѣтѣи

г(с)жи бци. Псалт XIV, (2), 337 (зап.); а миръ отъ покова бцѣ до иванѣ дне до купать. Гр. 1350 (1, ю.-р.)» [Словарь древнерусского языка... 7: 54]. Судя по словарным материалам XI—XVII веков, в текстах народно-литературного типа языка старорусского периода также есть упоминание о празднике *Покров Пресвятой Богородицы*: «Во Гондустаньской земли той торгъ лучший, всякий товаръ продають, купят на память тиха Аладина, на руський праздникъ на Покровъ святыя богородица. Х. Афан. Никит., 16. XV—XVI вв. — 1472 г.» [Словарь русского языка... 16: 177]. Автор «Хождения за три моря» Афанасий Никитин делает акцент на русском характере памятной даты, что полностью соответствует действительности: *Покров Пресвятой Богородицы* был одним из самых почитаемых праздников только на Руси.

Третья Пречистая — народное название *Покрова Пресвятой Богородицы*, содержащее компонент религиозного характера, — не дает информацию о конкретном названии праздника. Геортоним включает порядковое числительное и субстантивированное прилагательное, называющее лицо, которому посвящен праздник. Благодаря лексеме *Пречистая* становится понятно, что речь идет о Богородице, т. к. старославянское по происхождению слово использовалось только для характеристики матери Иисуса Христа: «(1268): Силою же креста честнаго и помощию святыи троицы и молитвами пречистыя владычица нашеа богородица приснодѣвы Мариа и всѣхъ святыхъ одолѣ князь велики нѣмцом. Моск. Лет., 147» [Там же 19: 83].

Числительное *Третья*, входящее в структуру рассматриваемого геортонима, уточняет место этой памятной даты среди других праздников, связанных с образом Богородицы (*Рождество Пресвятой Богородицы*, *Успение Пресвятой Богородицы*). Данное определение указывает на то, что этот праздник по рангу ниже *Успения Пресвятой Богородицы* (*Первая Пречистая*) и *Рождества Пресвятой Богородицы* (*Вторая Пречистая*), которые относятся к важнейшим двенадцатым праздникам, отмечаемым как православной, так и католической церквями. Следует сказать, что геортоним *Третья Пречистая* обозначает и другую памятную дату, посвященную Богоматери, — *Введение во храм Пресвятой Богородицы*, которая приходится на начало зимы (4 декабря по новому стилю). Согласно церковному преданию, в этот день родители трехлетней Марии привели девочку в Иерусалимский храм, где она поразила присутствующих, поднявшись самостоятельно по пятнадцати высоким ступенькам. С этого момента началась ее праведная жизнь, с рождения посвященная Богу. В отличие от *Покрова Пресвятой Богородицы* праздник *Введение во храм Пресвятой Богородицы* входит в число торжеств, поэтому можно предположить, что название *Третья Пречистая* изначально имело отношение к *Введению Пресвятой Богородицы*, а потом, как это часто бывает с народными вариантами геортонимов, распространилось и на название другого праздника, что стало возможным благодаря общему мотивационному признаку, лежащему в основе сопоставляемых номинаций, а также календарной близости дат.

Далее рассмотрим неофициальные (народные) именованья рассматриваемой памятной даты, где центральным элементом будет лексема *покров*. Среди этих образований есть геортонимы, различающиеся грамматически (*Покров*, *Покрова*), фонетически (*Покрова*, *Покровá*) и семантически (*Батюшка-Покров*, *Матушка-Покров*). Прежде чем остановиться на структурно-семантических и функциональных особенностях указанных геортонимов, обратимся к материалам словарей русского языка, чтобы обнаружить специфику лексикографического описания религиозного праздника *Покров Пресвятой Богородицы*. В «Толковом

словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, предназначенном для широкого круга читателей, дается энциклопедическое толкование дефиниции «церковный праздник» многозначной лексемы *покров*: «то же, что и покрывало (устар.) — Покров Пресвятой Богородицы — в православии: великий церковный праздник в память о видении Богородицы, стоящей на воздухе и простирающей покров над молящимися в храме (14 октября)» [Ожегов, Шведова: 550]. Авторы словаря объединяют в одно значение два: «предмет» и «праздник, имеющий связь с этим предметом». Составители академического словаря русского языка подают *покров* в значении «церковный праздник» как омоним к многозначной лексеме *покров* с общей семой «то, что покрывает»: «2. Покров — название одного из церковных праздников, отмечаемого православной церковью первого октября по старому стилю. Косить до покрова. = [Бабушка] взяла с отца слово, что мы к покрову воротимся домой. С. Акс. Детск. годы Багр.-внука. На покров, престольный праздник в Суходоле, Петр Петрович назвал гостей — и очень волновался. Бунин, Суходол, 6» [Словарь современного... 10: 912]. Таким образом, материалы литературных словарей указывают только на церковный характер праздника.

В сознании русского народа праздник *Покров Пресвятой Богородицы* несет больше смыслов. С одной стороны, он связан с идеей заступничества Богоматери, распростершей свое покрывало над русской землей, а с другой стороны, олицетворяет тесную связь человека и природы, которая во многом определяла жизнь крестьянина. Этот синкретизм смыслов показан И. Шмелевым в романе «Лето Господне». Писатель передает как религиозную идею праздника («Покров, всю землю покрывает, ограждает. ... сама Пречистая на большой высоте стоит, с Крестителем Господним и твоим Ангелом — Иван-Богословом, и со ангельскими воинствами, и держит над всей землей великий Покров-омофор, и освящается небо и земля, и все церкви засветятся, и люди возвеселятся») [Шмелев: 271], так и бытовую («И земле ухититься тоже надо: мороз ударит. Благослови ее Господи, отдохнуть, лютую зиму перебыть. Покров и над ней будет») [Шмелев: 283]. При этом обе составляющие неразделимы, т. к. связаны общей идеей защиты: как Богородица защищает людей, покрывая их омофором, так первый снег защищает землю от сильных морозов.

Бытовая трактовка *Покрова Пресвятой Богородицы* проявляется в ряде пословиц и поговорок. Учитывая, что этот праздник приходился на конец осени, закономерно появление выражений, связанных не с видами сельскохозяйственных работ, а с подготовкой к зиме, потому что «на Покров до обеда осень, а после обеда зима». В северной части Руси в этот день крестьяне утепляли или ремонтировали свои жилища к холодам: «Чини избу до Покрова, а то не будет тепла», «Батюшка-Покров, покрой нашу избу теплом, а хозяина добром», в южных землях начинали топить избы: «Покров! Натопи хату без дров» [Славянские древности: 127].

Идущее из русского фольклора именование праздника *Батюшка-Покров* встречаем и в поговорках: «Батюшка-Покров, покрой землю снежком, а меня, молодцу, женишком!», «Батюшка-Покров, покрой землю и меня молодцу». В этих выражениях наблюдается прямая связь между природным явлением и переходом девушки из безбрачного в замужнее состояние, которое требовало от молодой женщины обязательного покрытия головы. В некоторых говорах компонент «батюшка» заменялся на «матушку»: «Матушка-Покров! Покрой землю снежком, меня молодцу платком (женишком)» [Некрылова: 504, 505]. Брачные мотивы праздника, посвященного матери Иисуса Христа, находим и в заклинаниях девушек,

мечтающих о замужестве: «Ты, Покров-Богородица, покрой меня, девушку, пеленой своей нетленной на чужую сторону» [Славянские древности: 128].

Однокомпонентный народный вариант *Покрова Пресвятой Богородицы* — *Свадебник* — не содержит никакого указания на церковный характер праздника; в его структуре отсутствуют как указание на лицо, так и метафорический образ *покрова*, в отличие от ранее рассмотренных геортонимов. Однако корень лексемы *Свадебник* опосредованно связывает ее с ними: именно с *Покрова* начинался осенний период свадеб:

Покров-праздничек приходит,
Что-то нам он приготовит?
С другом милым ли венчанье?
Иль велит в девках остаться,
Замуж больше не собираться [Шангина: 203].

Названия *Батюшка-Покров*, *Матушка-Покров* и *Свадебник* показывают тесную связь *Покрова Пресвятой Богородицы* с брачной тематикой. Согласно народным представлениям, Богородица — покровительница прежде всего женщин, которые обращаются к ней за помощью, чтобы удачно выйти замуж, родить здоровых детей.

В русской поговорке «Зазимье пришло — засидки привело» содержатся еще два неофициальных именованья церковного праздника *Покров Пресвятой Богородицы*: *Зазимье* и *Засидки*. Семантика первого геортонима лежит на поверхности: «зазимье — первый снег, первые заморозки; начало зимы» [Даль 1: 632]. Народное наименование содержит отсылку к календарным приметам, т. к. этот день, по мнению народа, знаменовал переход от осени к зиме. Название праздника *Зазимье* связано с первым снегом, который покрывал землю, чтобы уберечь ее от зимних холодов.

Геортоним *Зазимье* является диалектным, в словарях русского литературного языка не фиксируется, однако имеет однокоренной синоним *зазимок*, который в указанных выше лексикографических источниках дан с пометой «областное». Следует отметить, что в литературном языке по модели «префикс за- и суффикс -j» обычно образуются существительные со значением места (*Заволжье*, *Закарпатье*, *Зауралье*). В нашем случае *Зазимье* обозначает «начало зимы», то есть определенный промежуток времени. Значение «начало» вносит приставка за-, которая обычно реализует эту семантику в глаголах (бегать — забегать, стучать — застучать). Кроме того, в диалектах встречается и двухкомпонентное наименование праздника *Покров Пресвятой Богородицы* — *Первое Зазимье*, где благодаря порядковому числительному в значении «самый ранний» происходит тавтологизация, характерная для народной речи. Данный факт объясняется, по-видимому, тем, что существовало выражение *Второе Зазимье*, которое относилось к празднику *Введение Пресвятой Богородицы*, который отмечался позднее.

У слова *Зазимье* есть омоним, который является топонимом, образованным на базе словосочетания «за зимним двором» в результате смешанного способа деривации (сращение с последующим усечением). Это название села *Зазимье*, которое находится на территории Киевской области. Великий князь Владимир Мономах подарил своей дочери Агафье земли на берегу Десны, где в XII веке были основаны два поселения: *Зазимье* и *Летки*. Внутренняя форма лексем не затемнена. Название *Зазимье* связано с местом, которое находилось *позади зимнего терема* Агафьи и ее мужа, князя Всеволода Городецкого. На этой территории жили простые люди, которые работали на княжескую семью.

С Покрова Пресвятой Богородицы хозяйственная деятельность за пределами жилища (на огороде и в поле) прекращалась. Основной женской работой становилось пряжание. Об этом свидетельствуют не только пословицы и поговорки («Пряхи с Покрова по ночам засиживаются», «Покров — конец хоровам, начало посиделкам»), но и однословный геортоним *Засидки*, образованный суффиксальным способом от глагола *засиживать* в значении «сидеть за работой послѣ сумерек, т. е. съ огнемъ» [Даль 1: 632]. Девушки собирались в избах и садились по вечерам за прялки:

Вот те прялка,
Вот те лен,
Вот те сорок веретен.
Ты сиди попрядывай,
На меня поглядывай [Шангина: 203].

Во время посиделок присутствовали и парни, которые тоже занимались домашней работой (плели лапти или вили веревки), потом играли на гармошке, а девушки пели частушки, надеясь выбрать себе жениха:

Скоро, девушки, Покров,
Скоро нам гуляночка,
Скоро, скоро заиграет
Милого тальяночка [Некрылова: 503].

Судя по словарным материалам, указанные варианты именования праздника *Покров Пресвятой Богородицы* (*Зазимье* и *Засидки*) характерны только для русских народных говоров.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает еще одно неофициальное название православного праздника *Покров Пресвятой Богородицы* — геортоним *День Романа Сладкопевца*, ни один из компонентов которого не содержит указания на рассматриваемую памятную дату. В структуру имени входят номенклатурное нарицательное имя «день», используемое и в названии нерелигиозных праздников (*День независимости*, *День защиты детей*), а также имя собственное Роман Сладкопевец.

Антропоним *Сладкопевец* образован в результате сложения наречия *сладко* в переносном значении «красноречиво, искусно» и отглагольного существительного *пѣвецъ* в значении «церковнослужитель, исполняющий молитвенные песнопения при богослужении (в ранний период — начинающий пение и управляющий им: Мсца октомбры въ 1 днь стго Ананія и стго Романа пѣвца. Мин. Окт., I. 1096 г.)» [Словарь русского языка... 14: 183]. Приведенный контекст показывает, что Роман Сладкопевец был не обычным служителем церкви, и его день памяти (1 октября по старому стилю или 14 октября по новому стилю) совпадает с празднованием *Покрова Пресвятой Богородицы*.

Согласно церковным преданиям, именно Пресвятая Богородица помогла чудесным образом (попросила съесть данный ею свиток) юноше-служке, не имевшему слуха, обрести дар благозвучного пения и составления гимнов для богослужения и стать лучшим гимнографом. Именно поэтому в *Покров* молились не только Богородице, но и святому Роману Сладкопевцу, чтобы он даровал разум, помог в трудном учении. Кроме того, считается, что Роман Сладкопевец находился вместе с Андреем Юродивым в храме Константинополя в момент явления Богородицы, покрывшей своим омофором жителей города и защитившей их таким образом от сарацин. Поэтому неслучайно на иконах, посвященных празднику *Покров Пресвятой Богородицы*, вместе с Богородицей, распростёршей свой

покров над молящимися, в нижнем ярусе Влахернского храма изображается святой Роман Сладкопевец на амвоне (место, откуда пелись гимны Господу и Богородице) со свитком. Так появилось неофициальное название *День Романа Сладкопевца*, опосредованно отсылающее к образу Пресвятой Богородицы, которой и посвящается рассматриваемая памятная дата.

Следует отметить, что изображение Романа Сладкопевца характерно только для суздальского направления в иконографии. По всей видимости, это связано с географическими «корнями» праздника. Считается, что памятная дата *Покров Пресвятой Богородицы* была установлена русской церковью по указанию Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского, построившего после кончины своего старшего сына Изяслава (умер от ран по окончании похода против волжских булгар) храм Покрова на Нерли. Внук Владимира Мономаха, как и его дед, свято чтит христианство и понимал, насколько велика его роль в объединении раздробленных русских государств для защиты от внешних врагов.

Проведенный лингвокультурологический анализ русских официальных и неофициальных именовании праздника *Покров Пресвятой Богородицы* выявил как сходства, так и различия в механизме их номинации. С точки зрения структуры геортонимы, отмеченные в церковных книгах, отражают присущую всем официальным названиям религиозных праздников многокомпонентность (*Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, Воспоминание явления святого Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии*) в отличие от неофициальных именовании, которые демонстрируют экономию языковых средств и являются преимущественно однословными (*Покров, Покрова, Зазимье, Засидки, Свадебник*).

Семантический анализ официальных и неофициальных геортонимов выявил больше различий между ними, чем сходств. Среди народных вариантов наименования православного праздника *Покров Пресвятой Богородицы* есть образования, в основе которых лежат мотивационные признаки, указывающие на лицо и событие, с которым связана памятная дата (*Третья Пречистая, Покров Богородицы*). Однако неофициальные названия рассматриваемого праздника по своей внутренней форме отличаются большим разнообразием мотивационных признаков, связанных с природными циклами (*Зазимье*) или народными верованиями и традициями наших предков (*Зазимье, Засидки, Свадебник*).

Таким образом, официальные и народные геортонимы, являясь неотъемлемым элементом языковой картины мира русского человека, несут в себе культурный код всего народа, аккумулируют его историческую память и передают последующим поколениям.

Список источников

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.
 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 940 с.
 Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 2009.
 Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): в 12 т. М.: Русский язык, 1988—2019.
 Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—31. М.: Наука, 1975—2019.
 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: АН СССР, 1948—1965.
 Шмелев И.С. Лето Господне. М.: Издание Сретенского монастыря, 1998. 622 с.

Список литературы / References

- Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома. СПб.: Азбука-классика, 2007. 765 с.
(Nekrylova A.F. Russian traditional calendar: for every day and for every home. St. Petersburg, 2007, 765 p. — In Russ.)
- Суворова Н.В. Народные именованья христианского праздника *Рождество Пресвятой Богородицы* в русском и польском языках (Лингвокультурологический аспект) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 88—95.
(Suvorova N.V. Folk names of the Christian holiday of the *Nativity of the Pre-Holy Virgin* in Russian and Polish (Linguistic and cultural aspect), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 88—95. — In Russ.)
- Шангина И.И. Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.
(Shangina I.I. Russian traditional holidays, St. Petersburg, 2008, 336 p. — In Russ.)

**NAMES OF THE ORTHODOX HOLIDAY
PROTECTION OF THE MOST HOLY THEOTOKOS
IN RUSSIAN (LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)**

Natalia V. Suvorova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

Abstract. This article describes the official and unofficial names of the Orthodox holiday known as *Protection of the Most Holy Theotokos*. In order to identify the linguoculturological features of these designations, the article analyses the semantics, structure, and functioning of the names of the commemorative date under consideration, which include both a religious and a non-religious component. As a result of comparing the identified heortonyms, similarities were found in the mechanism of nomination of the official and folk names of the holiday known as *Protection of the Most Holy Theotokos*, which contain the “protection” component. The main motivational features characteristic of these formations indicate the person to whom the memorable date is dedicated, as well as the event whose central figure is the Mother of God. In addition, structural and semantic differences were identified in the unofficial names of the church holiday, conditioned by disparity in the internal form of the lexemes, which reflect the folk-everyday perception of the Orthodox holiday of *Protection of the Most Holy Theotokos*.

Keywords: georhonym, internal form of the word, linguocultural, motivational sign, folk names, semantics, structure

For citation: Suvorova N.V. Names of the Orthodox holiday *Protection of the Most Holy Theotokos* in Russian (linguistic and cultural aspect), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 74—81.

Статья поступила в редакцию 21.05.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 30.07.2026.

The article was submitted 21.05.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 30.07.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Суворова Наталья Владимировна — доцент кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, suvorova-n@mail.ru, SPIN: 4177-9980

Suvorova Natalia Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, suvorova-n@mail.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 82—94.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 82—94.

Научная статья

УДК 94(410):340.13:338(410)“16”

EDN <https://elibrary.ru/ojtvnh>

DOI: 10.46726/H.2026.3.10

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В ПРАВЛЕНИЕ ЯКОВА I (по статутам королевства)

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru

Аннотация. Первая четверть XVII в. — важный период для последующего развития Англии. Яков I столкнулся со сложными вопросами управления страной, которые касались различных сторон королевства: это и взаимоотношения короны и парламента, религиозные конфликты, вопросы социального и экономического развития, внешнеполитические аспекты. Законодательная практика английского парламента отражает эти основные направления. Анализ законодательства английского парламента в правление Якова I позволяет выделить 6 основных направлений, которые охватывают все стороны жизни королевства — экономика, финансы, социально-экономические проблемы, политические аспекты, церковно-религиозная политика и регулирование юридических вопросов. Основное направление законотворчества было сосредоточено на социально-экономическом блоке вопросов, которые составляли основу жизни всего английского общества. В этот блок входили: 1) экономическое регулирование различных отраслей; 2) финансовое законодательство и, в первую очередь, налогообложение; 3) широкий круг проблем, сочетающих в себе социальную и экономическую направленность. Они составляли более 2/3 всех законодательных актов. На следующем месте стояли акты юридической направленности, связанные с системой судопроизводства. Затем шло церковно-религиозное законодательство. Статуты, имеющие политическую направленность, занимали последнюю позицию. Законодательство английского парламента в правление Якова I отражало реакцию на реальные тренды в различных сферах жизни страны в первой четверти XVII в.

Ключевые слова: Яков I, законодательство английского парламента, основные направления

Для цитирования: Евсеев В.А. Основные направления законодательства английского парламента в правление Якова I (по статутам королевства) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 82—94.

Введение

После смерти Елизаветы I в марте 1603 г. на английский престол вступил шотландский король Яков VI, который в Англии стал Яковом I Стюартом, и правил он до 1625 г. Для XVII в. в английской истории центральным событием

© Евсеев В.А., 2026

является революция середины этого столетия. Этот период английской истории является достаточно традиционным объектом исследования в отечественной и зарубежной историографии.

Правление Якова I Стюарта можно считать отдельной вехой в английской истории. Однако в отечественной историографии она рассматривалась в меньшей степени, нежели революционные события середины XVII в. [Барг; Штокмар 1978, 1980; Брандт; Магаков]. В той или иной степени характеристика эпохи первого Стюарта в Англии содержится практически во всех работах, посвященных Английской революции середины XVII в. Более подробно эти сюжеты рассмотрены в работе С.В. Кондратьева [Кондратьев]. Одно из немногих исследований в советской историографии о политической борьбе в парламенте в эпоху Якова I принадлежит Е.Д. Воробьевой, которая рассмотрела ряд проблем экономического и политического развития Англии и их отражение в парламентской борьбе [Воробьева 1962]. Однако автор, обращаясь к Статутам Королевства, не дает комплексный анализ проблем, отраженных в законодательной практике парламента той эпохи. Среди новейших отечественных исследований начала XXI века, которые в той или иной степени касались парламента и его деятельности в эпоху Якова I, следует назвать кандидатскую диссертацию Л.Ю. Себринович [Себринович]. Автор исследования сделала попытку дать оценку личности Джеймса Стюарта, его взглядов и политических воззрений. Она охарактеризовала начальный этап объединения Англии и Шотландии, рассмотрела предпосылки этого процесса, изучила конкретные политические шаги короны, направленные на углубление объединения, показала парламентскую борьбу по данному вопросу, в ходе которой был затронут ряд проблем социально-экономического, политического и правового характера, показавших невозможность реализации на практике мероприятий Джеймса I [Там же: 13]. Необходимо отметить и работу И.И. Шарифжанова, касающуюся взаимодействия короны и парламента [Шарифжанов]. В этой небольшой статье анализируются взаимоотношения короны и парламента в период правления первых Стюартов, рассматривается история становления парламентской оппозиции в Англии в начале XVII в. Особое внимание автор уделяет доктрине королевской прерогативы, позициям Якова I и Карла I, а также их адептов. Фактически эта статья в какой-то мере перекликается с исследованием Л.Ю. Себринович. Однако следует отметить, что оба автора акцентируют свое внимание на личности первых королей из династии Стюартов, нежели на анализе основных направлений парламентского законодательства той эпохи. Можно констатировать, что данная тема пока еще не была в поле зрения отечественных исследователей.

В англоязычной историографии проблема взаимоотношения парламента с королевской властью отражена в большем количестве исследований. Их анализ отражен в автореферате диссертации Л.Ю. Себринович [Себринович: 7—9]. Она отмечает, что в британской и американской историографии, несмотря на наличие весьма широкого спектра традиционных и оригинальных интерпретаций, дающих разнообразную трактовку интересующей нас проблемы, не сложилось целостного подхода в рассмотрении деятельности парламентской оппозиции в первой четверти XVII в. Новейшие англоязычные исследования начала XXI в. в целом отражают те же подходы, что были и в конце XX в. Основное внимание уделено личностям первых Стюартов и их политике [Croft; Smith; Stewart].

Основная часть

Первая четверть XVII в. — период, крайне насыщенный важнейшими для всего последующего развития Англии событиями. Яков I столкнулся со сложными

вопросами управления страной, которые касались различных сторон королевства: это и взаимоотношения короны и парламента, религиозные конфликты, вопросы социального и экономического развития, внешнеполитические аспекты. Изучение всех этих проблем в комплексе — достаточно трудная задача. Каждая из них представляет отдельную и сложную тему. Однако можно постараться определить основные тенденции в этом разнообразии проблем, которые были характерны для жизни в Англии в правление Якова I. Законодательная практика английского парламента в целом может отражать основные направления, которые были важны для данного периода истории страны.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы постараться определить основные направления законодательства английского парламента в правление Якова I, выявить их соотношение и показать тем самым, какие проблемы стояли перед английским обществом той эпохи. Эти задачи будут решаться на основе анализа «Статутов королевства», которые опубликованы в 4 томе данного издания [Statutes].

Анализируя законодательную практику английского парламента в правление Якова I, мы выделили 6 основных направлений, которые охватывают, по сути дела, все стороны жизни королевства — экономическое регулирование, финансы, социально-экономические вопросы, политические аспекты, церковно-религиозную политику и регулирование юридических вопросов.

1. Экономика — это прямое регулирование актами парламента различных отраслей промышленности и торговли, например, сукноделия, рыболовства, внешней торговли и т. п.

2. Отдельным разделом следует выделить и финансы — это акты по регулированию налогообложения, которые в первую очередь были инициированы короной.

3. Социально-экономический блок вопросов — это статуты, которые затрагивают как экономические, так и социальные проблемы. В частности, это акты об огораживаниях, поземельных отношениях, бродягах, поддержке бедняков, медицине, образовании, охотничьих парках, наемных работниках, коммунальной сфере, мелиорации, судоходстве и т. п. Эти акты в значительной степени имеют как социальную, так и экономическую составляющую, ибо многие из них требуют определенных финансовых затрат.

4. Политические аспекты — это акты по внутривнутриполитическим вопросам (о легитимизации королевской власти, ее прерогативах, полномочиях парламента, а также статуты по внешнеполитическим сюжетам).

5. Церковно-религиозные — это акты против рекузантов (католиков) и статуты на поддержание епископальной церкви.

6. Юридические аспекты — это акты, которые были направлены на регулирование судебной системы.

Законодательные акты принимаются как реакция на те или иные проблемы, которые встают перед государством и обществом, поэтому данный вид источников отражает реальное положение дел. Конечно, обоснование основных трендов в законодательной практике английского парламента в правление Якова I имеет несколько субъективный характер. Но исходя именно из этих критериев и будет строиться наш анализ законодательных актов. В эту эпоху было создано 4 парламента. Первый парламент Якова I заседал с 1603 по 1611 гг., т. е. 8 лет. Его работа проходила на 5 сессиях. Первая сессия — 1603—1604 г., вторая — 1605—1606 г., третья — 1606—1607 г., четвертая — 1609—1610 г., пятая — 1610—1611 г. Вторым парламентом заседал с 12 апреля по 7 июня 1614 г. Третий парламент был созван в январе 1620 г. и распущен в марте 1622 г. Четвертый парламент работал с 19 февраля 1623 г. по 29 марта 1624 г.

Всего на этих заседаниях парламента было принято 134 публичных статута, которые были опубликованы в данном издании [Statutes: 1015—1275].

Таблица 1

Количество принятых публичных актов по годам заседания парламента

Годы	Кол-во актов	%
1604	33	24,6
1605—1606	27	20,1
1606—1607	13	9,7
1609—1610	24	17,9
1610—1611	0	0
1614	0	0
1620—1622	2	1,5
1623—1624	35	26,1
Всего	134	100 %

Судя по таблице 1, чуть больше половины всех статута было принято на первой сессии 1603—1604 г. и на последнем парламенте 1623—1624 г. Всего на заседаниях первого парламента было принято 72,4 % всех законодательных актов. Конечно, следует отметить, что на пятой сессии первого парламента в 1610—1611 г. и на следующем заседании второго парламента в 1614 г. не было принято ни одного акта. Это может свидетельствовать только о том, что был кризис в работе парламентариев. По всей видимости, это было связано с политикой короля. И.И. Шарифжанов отмечает, что на попытки короля ограничить власть парламента в стране и править единолично палата общин, поддерживаемая лордами, отвечала многочисленными заявлениями и строгими предупреждениями [Шарифжанов: 257]. На третьем заседании парламента было принято всего 2 акта. Однако на последнем было принято 35 актов — 26,3 % от всех. Данный факт может косвенно говорить о том, что король, нуждаясь в деньгах для финансового обеспечения назревающей войны с Францией, был вынужден в какой-то мере пойти на уступки парламентской оппозиции.

Следующий этап анализа публичных статута, принятых английским парламентом в правление Якова I, будет рассматриваться по основным направлениям законодательной практики. Каждая сессия парламента будет анализироваться отдельно, а для удобства изложения материала будут указываться только номера статута в них. В дальнейшем это позволит подвести итоги законодательной деятельности и определить, какие сферы жизни в королевстве занимали приоритетное место. Таблица 2 является ключевой для анализа основных направлений законодотворчества палаты общин английского парламента.

Таблица 2

Количество актов, принятых по основным направлениям законодательной деятельности на сессиях английского парламента в правление Якова I

	Эконом. сфера	Фин. сфера	Соц.-экон. сфера	Полит. сфера	Церк.-религ. сфера	Юр. сфера	Итого (кол-во актов)
1603—1604	9 (27,3 %)	2 (6,1 %)	12 (36,3 %)	3 9 (%)	4 (12,1 %)	3 (9 %)	33
1605—1606	6 (22,2 %)	1 (3,7 %)	10 (37 %)	3 (11,1 %)	4 (14,8 %)	3 (11,1 %)	27

1606—1607	4 (30,7 %)		7 (54,2 %)	1 (7,7 %)		1 (7,7 %)	13
1609—1610	4 (16,6 %)	1 (4,1 %)	13 (54,1 %)	3 (12,5 %)	2 (8,3 %)	1 (4,1 %)	24
1620—1622		1 (50 %)			1 (50 %)		2
1623—1624	6 (17,1 %)	2 (5,7 %)	15 (42,3 %)	2 (5,7 %)	3 (8,6 %)	7 (20 %)	35
Итого	29 (21,6 %)	7 (5,2%)	57 (42,2 %)	11 (8,9 %)	14 (10,5 %)	15 (11,2 %)	134

Первые два статута, принятые на первой сессии парламента, имели ярко выраженный политический аспект: 1-й акт был направлен на легитимацию прав Якова I на английский престол, а 2-й касался создания комиссии из членов палаты Лордов и Общин по поводу союза двух королевств. Конечно, это был естественный шаг со стороны короля для решения самых первоочередных политических вопросов. Однако на этой же сессии в 13-м статуте парламент принял акт против нарушений его привилегий. Эти три акта отражали политические тренды в законодательстве. Следующими после первых двух статутов политического характера были приняты акты в отношении церковно-религиозной политики: 3-й статут был направлен на поддержание епископальной церкви, а 4-й акт — против иезуитов и рекузантов. И.И. Шарифжанов отмечал, что Яков I в своих сочинениях и речах выступал за подчинение национальной церкви монарху и за верховенство короля в религиозных делах [Шарифжанов: 256]. 12-й акт был направлен против колдовства, а 30-й статут касался восстановления конкретного приходского храма. Таким образом, на первой сессии было принято 4 статута, которые регулировали религиозную политику.

Не менее важным для королевской власти и парламента было регулирование судебной системы. На этой сессии было принято 3 статута (5, 8, 10), которые были направлены против коррупции в судах. Эти правовые акты свидетельствуют о том, что судебная система нуждалась в регулировании. Для короны это было особенно важно, ибо деятельность судебных органов отражалась на статусе и легитимности самой королевской власти. Поэтому эти статуты были среди первоочередных в законодательстве английского парламента.

Социально-экономический блок занимает ведущее место в законодательной практике английского парламента. В начале обратимся к актам, регулирующим различные отрасли промышленности и торговли. Таких статутов мы выделили 9. Три из них (17, 20, 24) касались производства сукна и его продажи. Такое внимание к сукноделию говорит о важности этой отрасли промышленности для экономического развития государства и его социального благополучия. 22-й статут регулировал кожевенное производство.

Два статута (23-й и 29-й) были направлены на поддержание рыболовства и флота. Такое внимание к данной проблеме свидетельствует о значимости этого вида экономической деятельности. Два акта (18-й и 19-й) — о запрете ввоза хмеля и о ввозе пряностей — регулировали заморскую торговлю.

Очень важные акты экономической направленности касались финансов. 26-й статут определял роль казначейства в сборе налогов, а 33-й акт объявлял о сборе субсидии для короны.

Следующий раздел социально-экономических статутов имел более широкий охват социальных вопросов, нежели акты чисто экономического регулирования. В частности, 3 акта регулировали финансовые отношения среди мелких должников, кредиторов и брокеров в Лондоне (14-й, 15-й и 21-й статуты). Эти акты говорят

не только о важности столицы как финансового центра страны, но и несут социальную нагрузку. Охотничьи угодья и охота в них регулировалась в 27-м статуте. 28-й акт подтверждал королевскую хартию Бервика-на-Твиде. Для Якова I это был важный стратегический город на границе Англии и Шотландии. 32-й статут был посвящен восстановлению гавани в Дурве. Достаточно трудно провести грань между социальными и экономическими проблемами, ибо они обычно переплетаются между собой. В частности, 6-й и 7-й статуты ссылаются на знаменитый акт Елизаветы I от 1563 г., который регулировал найм рабочей силы и отношение к нищим и бродягам. Фактически оба эти статута его повторяли. 31-й акт касался регулирования благотворительности в отношении заразных больных. Конечно, все эти акты имели и экономическую составляющую.

Можно констатировать, что такого рода законы включали в свое содержание вопросы социального, экономического и даже политического характера. В целом статуты социально-экономической направленности составляли 69,7 % от всех принятых на первой сессии парламента, т. е. почти 2/3. Эти законодательные акты отражали насущные реалии тех социальных и экономических проблем, которые стояли перед страной и обществом в начале правления Якова I.

Вторая сессия первого парламента собралась уже на следующий год. На ней было принято 27 публичных законодательных актов. Как и на предыдущей сессии, среди первых были статуты, которые отражали политические вопросы. 1-й акт был посвящен проведению благодарственных служб в честь восшествия на престол Якова I, а 3-й статут опять касался работы комиссии по объединению Англии и Шотландии. Оба эти акта вполне вписываются в тот круг политических проблем, которые стояли перед Яковом I в начале его правления. 27-й статут касался всеобщего прощения и был направлен на поддержание статуса королевской власти.

Церковно-религиозная политика также была первоочередной для Якова I. Три статута (2-й, 4-й и 5-й) касались преследования иезуитов и рекузантов (папистов). 25-й акт касался субсидий для епископальной церкви. Таким образом, на данной сессии было принято 4 акта церковно-религиозной направленности. На грани религиозной и социальной политики стоит отметить 21-й статут о регулировании содержания постановок, где упоминается имя Бога. Фактически, это цензура театральных и иных постановок в угоду официальной церкви и соответственно воле властей.

Следующее направление законодательной деятельности, которое было важным для короны и общества в целом — это судебная система. Эти три акта (7-й, 8-й, 10-й) юридической направленности составляли 11,1 %.

Экономические проблемы занимали важное место в парламентском законодательстве. На второй сессии было принято 6 статутов, которые напрямую регулировали различные отрасли промышленности и торговли. По-прежнему на первом месте стояло сукноделие, которому было посвящено два статута — 16-й и 17-й. Не забыто было и кожевенное производство, которому был посвящен 9-й статут. 11-й акт регулировал транспортировки пива за море, а 12-й касался улучшения морского рыболовства. 6-й статут регулировал торговлю с Испанией, Португалией и Францией. 26-й акт о налогах в пользу короны был принят в конце второй сессии. Фактически все это экономическое законодательство повторяло или дополняло акты, принятые на предыдущей сессии парламента.

Самый большой блок законов занимали социально-экономические проблемы. К ним мы отнесли 10 статутов. Эти акты были очень разнообразны, ибо касались различных сфер жизни английского общества. На этой сессии было

4 статута, которые касались дорожного строительства. В дальнейшем столько актов (19-й, 22-й, 23-й, 24-й) по этой теме не принималось. Два статута (14-й, 18-й) касались водоснабжения Лондона. 20-й акт регулировал судоходный путь по Темзе от Лондона до Оксфорда. Все эти акты затрагивали коммунальную сферу. Они составляли 25,9 % от всех принятых на данной сессии. На следующих сессиях парламента такого внимания к данным вопросам более не наблюдалось.

В этом же блоке социально-экономической политики следует отметить ещё ряд статутков. В частности, 13-й акт регулировал охоту на оленей. 5-й статут касался поддержки бедняков в Лондоне. Подобные темы затрагивались и на первой сессии парламента. Можно констатировать, что, как и на предыдущей сессии, почти 2/3 законов (62,9 %) были посвящены социально-экономическим вопросам.

Поздней осенью 1606 г. была открыта третья сессия парламента. На ней было принято всего 13 актов, в два раза меньше, чем на предыдущей. Эту ситуацию достаточно трудно объяснить, ибо сами законодательные акты не дают на этот счет более или менее четких указаний. Анализируя законы данной сессии, можно сказать, что 1-й статут имел политический тренд, ибо он касался союза между Англией и Шотландией и отменял акты предыдущих королей, направленные против Шотландии. Отличительной чертой данной сессии было отсутствие актов по церковно-религиозной политике. На всех остальных созывах парламента такие статуты принимал. Не было на этой сессии и актов о налогах. Возможно, это было связано с той внутривластной обстановкой, которая сложилась в отношениях между парламентом и королем.

Юридический блок отражен только в 3-м статуте, который регулировал работу судов по прекращению исков ответчиков против истцов.

Экономическое регулирование было в четырех статутах. Оно начиналось со 2-го акта о правильном производстве сукна. 6-й статут обращался к регулированию кожевенной отрасли и притом ссылался на предыдущий парламентский акт от 1604 г. 4-й статут регулировал производство пива и его продажу. Пивоварение было также достаточно важной отраслью, ибо имело широкое распространение в стране, поэтому оно требовало особого внимания. 19-й статут регулировал торговлю с Испанией, Португалией и Францией и поддерживал инкорпорацию Компании Купцов-Авантюристов, которая была главным торговым агентом на рынках этих стран.

Блок социально-экономических статутков, как всегда, был очень разнообразен. Следует отметить три акта, которые касались различного рода огораживаний (8-й, 11-й, 13-й). Все эти статуты носили региональный аспект. Такое внимание к проблеме огораживаний со стороны государства вполне обосновано, ибо этот процесс, начавшийся еще с начала эпохи Тюдоров, продолжился и при ранних Стюартах. Два статута (5-й и 7-й) носили социальный характер. Первый касался наказаний за пьянство, а второй был посвящен основанию и инкорпорации грамматической школы. 10-й акт возобновлял хартию инкорпорации г. Саутгемптон. 12-й статут снова обратился к проблеме водоснабжения Лондона. Эти 7 статутков социально-экономической направленности с добавлением актов экономического регулирования составляют 85 %. Показатели третьей сессии дают самые высокие проценты по данному направлению законотворческой деятельности.

Четвертая сессия продолжалась с февраля 1609 г. по июль 1610 г. В списке публичных актов, предваряющих текст статутков, было напечатано 23 названия, но в самом тексте было опубликовано 24 законодательных акта. Издатель оговаривает это изменение в нумерации статутков [Statutes: 1153].

При анализе отдельных законодательных актов очень трудно определить основное направление действия данного статута. В некоторых актах можно выделить два основных тренда. Такие сюжеты проявились и при анализе статута четвертой сессии. На предыдущих сессиях первыми принимались акты чисто политического толка. На данной сессии первые два статута имели некоторое смешение направлений своего воздействия. 1-й акт был направлен на улучшение судопроизводства и подавление нарушителей на англо-шотландской границе, т. е. в нем совмещались политические и юридические сюжеты. Вместе с тем принятие этого акта говорит о том, что проблемы объединения Англии и Шотландии еще не были решены. 2-й статут тоже имел двойственный характер. Это был акт о натурализации иностранцев в королевстве, они должны были присягнуть и дать клятву на Библии. Это политический акт, но с религиозным оттенком. Самый последний статут, принятый на четвертой сессии, о всеобщем прощении короля, имел явно выраженный политический сюжет.

Церковно-религиозное направление отражено в двух статутах на данной сессии. 6-й акт регулировал текст клятвы и преданности Реформации со стороны лиц, которые женятся на рекузантках. 22-й статут касался субсидий церкви. 5-й акт против обвиняемых, преследуемых юстицией, был направлен на улучшение системы судопроизводства.

Среди законодательных актов, которые регулировали различные отрасли экономики, как всегда, на первом месте стояли акты, относящиеся к сукноделию. Таких было два — 7-й и 16-й. 8-й статут возобновлял акт Филиппа и Марии о поддержании молочного животноводства, т. е. регулировал сельскохозяйственное производство. Достаточно трудно интерпретировать 14-й акт о запрете торговли рогами для иностранцев в радиусе 24 миль от Лондона. Фактически он регулирует экспортную торговлю. Эти 4 акта регулировали экономику. 22-й статут был посвящен финансам — сбору субсидии в пользу короны.

Как уже отмечалось ранее, социально-экономическое направление включало очень большой перечень различных проблем. Из всего многообразия этих вопросов можно постараться выделить отдельный блок, связанный с сельским хозяйством. Например, 3-й статут регулировал поддержание земледелия. Этот акт в первую очередь касался поддержки сельского населения. 11-й статут был направлен против порчи урожая и зерна при охоте с соколом. Три статута касались улучшения системы земледелия (17-й, 18-й, 20-й) — сжигания вересковых пустошей, перевозку морского песка для улучшения земли, мелиорации. 21-й статут был направлен на поддержание копигольдеров. Можно констатировать, что пятая часть всех актов (20,8 %), принятых на четвертой сессии, затрагивала различные сюжеты сельской жизни.

На этой сессии принимались акты и с явной социальной направленностью. 4-й статут регулировал надлежащее исполнение законов против нищих и бродяг. 10-й акт касался работы пивных. 9-й статут снова обращался к проблеме водоснабжения столицы. 13-й акт возобновлял статут от 1606 г. о регулировании охоты на оленей, но это говорит о том, что этот закон не очень соблюдался. 12-й статут регулировал долговые отношения. Судоходству по реке Экс был посвящен 19-й акт. На четвертой сессии почти 3/4 всех актов (74,8 %) были посвящены экономическим и социальным вопросам.

Пятая сессия первого парламента Якова I продолжалась всего семь недель — с 16 октября по 6 декабря 1610 г., т. е. ее собрали буквально через два с половиной месяца после окончания работы четвертой сессии. Наверное, у королевской власти были причины такого срочного созыва Палаты Общин. Ещё одна особенность этой

сессии состояла в том, что не ней не было принято ни одного закона. По всей видимости, и срочность созыва парламента, и безрезультатность его заседаний, имели своей причиной какие-то противоречия с короной. И.И. Шарифжанов отметил обострение конфликта Якова I с парламентом. Он указывал на «Петицию палаты общин о существующих недовольствах» (1610 г.) и речь самого короля в парламенте 21 марта 1610 г., где он выдвинул тезис о единоличной власти короля [Шарифжанов: 257].

Второй парламент Якова I был созван 14 апреля 1614 г и распущен уже 7 июня, т. е. тоже заседал всего 7 недель. На нем, как и на предыдущей сессии, не было принято ни одного законодательного акта. Фактически повторилась ситуация 1610 г.

16 января 1620 г. был созван третий парламент Якова I, который заседал до 22 марта 1622 г. Хотя он и был длительным по своему существованию, но на нем было принято всего 2 статута. Однако они не были записаны в парламентских свитках и, соответственно, не были опубликованы. Издатель отмечает, что обе палаты предложили несколько законов, но они не были одобрены королем, кроме двух актов. Первый касался сбора налогов, а второй — субсидии церкви [Statutes: 1208]. Конфликт короля и парламента продолжался.

Четвертый парламент Якова I был созван 19 февраля 1623 г. и заседал до 29 мая 1624 г. На нем было принято 35 статута. Анализ законов, принятых на заседаниях данного парламента, опять начнем со статута политической направленности. Они оказались не в числе первых, как и на предыдущей сессии. Их было всего два. 10-й статут восстанавливал 16-й акт Генриха VIII от 1543 г. о лояльности и покорности Уэльса. Для Якова I, наверное, это тоже был необходимый законодательный акт для укрепления единства государства, как и в первые годы его правления, когда среди первых были статуты об объединении с Шотландией. 35-й акт о всеобщем прощении, который был принят на данной парламентской сессии, был, конечно, направлен на поддержание статуса королевской власти.

Религиозная политика короны отражена в трех актах. 6-й статут касался женщин, обвиняемых в мелких проступках против церкви. 20-й акт был направлен против произнесения богохульств и проклятий в судах. 34-й статут подробно расписывал субсидии церкви.

Достаточно большой блок вопросов на данной сессии парламента заняли вопросы, связанные с юридическими сюжетами. Таких статута было 7. Это составляло почти половину всех актов юридической направленности за все правление Якова I. Такое внимание к данной теме сложно объяснить, ибо сами акты (4-й, 5-й, 8-й, 12-й, 13-й, 15-й, 23-й) касались разных вопросов организации судопроизводства (информации об уголовных законах, административной службы шерифов, судебных ошибок со стороны мировых судей, их полномочий и т. д.). Все эти статуты были направлены на улучшение работы судебной системы, особенно на местном уровне, где, наверное, были более частые нарушения в судопроизводстве.

Вопросы экономического регулирования четвертым парламентом Якова I были затронуты в 6-ти статутах. Сукноделие опять стояло на первом месте в экономической политике парламентского законодательства — было принято 2 акта. 11-й статут регулировал добычу рыбы в Девоне и Корнуолле. 21-й акт касался работы гостиниц, ибо они становились важной составной частью жизни английского общества и требовали соответствующего регулирования. 22-й статут был посвящен торговле маслом и сыром. 31-й статут регулировал деятельность изготовителей ножей.

Вопросы финансов были отражены в двух актах четвертого парламента. 2-й статут был направлен против утаивания налоговых поступлений с королевских земельных владений. Однако самым главным для короля был 33-й акт — о взимании трех субсидий.

Социально-экономические проблемы из-за их разнообразия, конечно, занимали самое большое место в законодательстве английского парламента. Таких актов на заседаниях 1623—624 гг. было принято 15. Некоторые акты имели явную социальную направленность. Таких мы можем выделить три, или 8,3 % от всех принятых данным парламентом. 1-й статут касался возведения госпиталя и работных домов для бедных. 7-й акт был посвящен репрессиям против пьянства. 27-й статут касался предотвращения убийств незаконнорожденных. В этом акте была не только социальная, но и юридическая составляющая. Одним из первых актов, принятых на этом парламенте, оказался 3-й статут, который касался деятельности монополий. Эта проблема появилась еще в последние годы царствования Елизаветы I по поводу выдачи монопольных патентов, когда парламент выступил за ограничение этой системы.

На заседаниях последнего парламента Якова I был принят достаточно большой блок законов, которые касались самых различных вопросов, связанных с землевладением, в основном, с королевскими землями. Таких актов было принято пять (14-й, 16-й, 25-й, 29-й, 30-й), или 14,3 %.

Оставшиеся четыре статута затрагивали очень разные темы. 24-й акт касался облегчения от кредиторов и наказаний от долгов. 26-й статут, посвященный ограничению взимания штрафов, фактически перекликался по смыслу с предыдущим, регулируя финансовые взаимоотношения. 32-й акт был посвящен организации судоходства по Темзе от Лондона до Оксфорда. 28-й статут касается повторения различных актов социально-экономического характера (флот, рыболовство, сукноделие, зерновое производство, скотоводство, наказание бродяг и т. д.). Перечислено более 60-ти актов от правления Эдуарда III и до Якова I. Добавляя к актам социально-экономического характера статуты экономического и финансового регулирования, мы получим цифру в 65,1 % от всех принятых на последнем парламенте Якова I. Все это свидетельствует о важности данных вопросов для жизнедеятельности государства.

Заключение

Предварительный анализ законодательных актов английского парламента в правление Якова I позволяет сделать следующие выводы. Основное направление законодательства было сосредоточено на социально-экономическом блоке вопросов. Это было вполне естественно, ибо центральные власти, включая парламента, должны были реагировать на те процессы, которые составляли основу жизни всего английского общества. В этот блок входили: 1) экономическое регулирование различных отраслей (промышленность, торговля, сельское хозяйство) — 21,6 %; 2) финансовое законодательство и, в первую очередь, налогообложение — 5,2 %; 3) широкий круг проблем, сочетающих в себе социальную и экономическую направленность — 42,5 %. Эти три взаимосвязанных между собой подраздела составляли 69,3 %, т. е. более 2/3 всех законодательных актов. Большинство статуты по этому направлению принималось по инициативе Палаты Общин парламента.

Среди вопросов регулирования различных отраслей экономики на первом месте стояло сукноделие — 10 актов, или 7,5 % от всех принятых актов. Такое внимание к данной отрасли со стороны парламента вполне обосновано, ибо она являлась ведущей в стране и, конечно, требовала постоянного регулирования ее деятельности. На втором месте с 6-ю актами, или 4,5 %, стояла торговля, особенно

зарубежная. Третье место занимали сельскохозяйственные отрасли (животноводство, земледелие) — 5 статута, или 3,7 %. На четвертом месте было пивоварение — 4 акта, или 3 %; пятое место было занято рыболовством — 3 статута, или 2,25 %; кожевенное производство, несмотря на его значимость, занимало шестое место — 2 акта, или 1,5 %. Остальные упомянутые в законодательных актах отрасли — судостроение и металлопроизводство — имели по одному статуту.

Из широкого спектра проблем социально-экономического направления важное место занимали акты, связанные с регулированием поземельных отношений. Таких статутах зафиксировано 6, или 4,5 %. Пять из них было принято на последнем парламенте Якова I, и они касались земельных владений короля. Очень важное место в законодательной деятельности парламента занимали акты, которые регулировали различные аспекты транспортной и коммунальной инфраструктуры. 5 статутах было посвящено судоходству — 3,7 %. В основном они касались судоходства от Лондона до Оксфорда по Темзе, которая была важнейшей транспортной речной артерией. Не менее важными были и сухопутные пути, особенно строительство мостов. На их долю приходилось 4 акта, или 3 %. Причем все они были приняты на второй сессии первого парламента. Столько же статутах (4) было посвящено водоснабжению Лондона. Коммунальная инфраструктура столицы привлекала внимание властных органов различного уровня, ибо в городе в начале XVII в. проживало около 200 тыс. жителей [Wrigley: 160], а это требовало организации достаточного снабжения водой. Поэтому эти акты по совершенствованию водоснабжения Лондона принимались регулярно на второй, третьей и четвертой сессиях первого парламента. Ещё один аспект социально-экономического плана, который оказался в поле внимания парламентского законодательства в правление Якова I, это акты, посвященные кредиторам и должникам. Таких насчитывалось 5, или 3,7 %. Кредитно-денежные отношения были важной составной частью деловой жизни Лондона. Поэтому эти статуты в основном касались столичных жителей. Из актов с явной социальной направленностью можно отметить 3 статута против пауперов (2,2 %) и по 2 акта против пьянства и огораживаний — по 1,5 %.

На следующем месте после социально-экономического блока стояли акты юридической направленности, связанные с системой судопроизводства — 11,2 % всех статутах. Почти половина статутах этого направления была принята на последнем парламенте Якова I. Такое внимание королевской власти и парламента к этому вопросу вполне обосновано, ибо судебная система являлась одной из важнейших составляющих властных структур государства. Совсем немного уступает юридическому направлению церковно-религиозное законодательство, которое составляет 10,4 % от всех принятых законов. Здесь тоже следует отметить, что 8 из 14-ти актов было принято на первых двух сессиях парламента, т. е. в самом начале правления Якова I. Это тоже вполне обоснованный сюжет, ибо король был ярким сторонником епископальной церкви и, взойдя на английский престол, сразу решил претворить эту идею в жизнь. На содержание церкви выделялись значительные суммы, которые должен был вотирировать парламент. Статуты, имеющие политическую направленность, составляли 8,9 %. В первую очередь эти акты были нужны для легитимизации королевской власти как внутри страны, так и за ее пределами. Инициатором принятия законов, особенно по последним двум направлениям (церковному и политическому), выступала королевская власть, отправляя примерно до 1/3 всех статутах.

Подводя итог анализа основных направлений законодательства английского парламента в правление Якова I, можно констатировать, что оно отражало реакцию на реальные тренды в различных сферах жизни страны в первой четверти XVII в.

Список источников

Statutes of the Realm of England, ed. by A. Luders, T. Tomlins, London, 1819, vol. 4, pt. 2, 1303 p.

Список литературы/References

- Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 400 с.
(Barg M.A. The Great English Revolution in portraits of its leaders, Moscow, 1991, 400 p. — In Russ.)
- Брандт М.Ю. Парламентские дебаты по вопросу объединения Англии и Шотландии в начале XVII века // Средние века. 1989. Вып. 52. С. 115—129.
(Brandt M.Yu. Parliamentary Debates on the Unification of England and Scotland in the Early 17th Century, *The Middle Ages*, 1989, iss. 52, pp. 115—129. — In Russ.)
- Воробьева Е.Д. Политическая борьба в Англии в парламентах Якова I Стюарта (1603—1625 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГПИ, 1962. 12 с.
(Vorobieva E.D. Political struggle in England during the parliaments of James I Stuart (1603—1625): abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 1962, 12 p. — In Russ.)
- Кондратьев С.В. Английская революция XVII века. М.: Издательский центр Академия, 2010. 192 с.
(Kondratiev S.V. The English Revolution of the 17th century, Moscow, 2010, 192 p. — In Russ.)
- Магаков Г.Ю. Шотландия и англо-шотландская «уния корон» начала XVII века // Проблемы социальной структуры и культуры средних веков. Л.: ЛГУ, 1987. С. 101—109.
(Magakov G. Yu. Scotland and the Anglo-Scottish “Union of the Crowns” of the early 17th century, *Problems of social structure and culture of the Middle Ages*, Leningrad, 1987, pp. 101—109. — In Russ.)
- Себринович Л.Ю. Джеймс I Стюарт (1603—1625 гг.) и парламентская оппозиция в Англии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.
(Sebrinovich L. Yu. James I Stuart (1603—1625) and the parliamentary opposition in England: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (History), Rostov-on-Don, 2003, 26 p. — In Russ.)
- Шарифжанов И.И. Корона и парламент в Англии в XVII века: Королевская прерогатива или суверенитет парламента? // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155, кн. 3, ч. I. С. 256—262.
(Sharifzhanov I.I. The Crown and Parliament in England in the 17th Century: royal prerogative or parliamentary sovereignty? *Academic Records of Kazan University*, 2013, vol. 155, book 3, pt. I, pp. 256—262. — In Russ.)
- Штокмар В.В. Религиозно-политический и национальный аспекты объединения Англии и Шотландии в начале XVII века // Проблемы идеологии и структуры средневекового общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 92—103.
(Shtokmar V.V. Religious, political, and national aspects of the unification of England and Scotland at the beginning of the 17th century, *Problems of Ideology and Structure of Medieval Society*, Leningrad, 1978, iss. 2, pp. 92—103. — In Russ.)
- Штокмар В.В. Особенности пуританского движения конца XVI — первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л.: ЛГУ, 1980. Вып. 3. С. 93—104.
(Shtokmar V.V. Features of the Puritan Movement of the late 16th — first third of the 17th century and the beginning of the conflict between the Puritans and the Absolute Monarchy, *Problems of social structure and ideology of Medieval Society*, Leningrad, 1980, iss. 3, pp. 93—104. — In Russ.)

- Croft P. King James. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2003, 214 p.
- Smith D. Politics in Early Stuart England: a companion to Stuart Britain, ed by Coward B., Massachusetts: Blackwell Publishing, 2003, 564 p.
- Stewart A. The Gradie King: a life of James VI and I and the first monarch of the United Great Britain, London: Catto and Windus, 2003, 438 p.
- Wrigley E.A. People, cities and wealth: The transformation of traditional society, London: Blackwell, 1987, 348 p.

MAIN TRENDS OF LEGISLATION OF THE ENGLISH PARLIAMENT DURING THE REIGN OF JAMES I (according to the statutes of the Kingdom)

Vladimir A. Evseev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyv@mail.ru

Abstract. The first quarter of the 17th century was an important period for the subsequent development of England. James I faced difficult issues of governing the country, which concerned various aspects of the kingdom. These include the relationship between the Crown and Parliament, religious conflicts, issues of social and economic development, and foreign policy aspects. The legislative practice of the English Parliament reflects these main directions. An analysis of the legislation of the English Parliament during the reign of James I allows us to identify 6 main areas that cover all aspects of the kingdom's life — economics, finance, socio-economic problems, political aspects, church and religious policy and the regulation of legal issues. The main area of lawmaking was focused on the socio-economic block of issues that formed the basis of the life of the entire English society. This block included: 1) economic regulation of various industries; 2) financial legislation and, first of all, taxation; 3) a wide range of problems combining social and economic orientation. They accounted for more than 2/3 of all legislative acts. The next place was occupied by legal acts related to the judicial system. Then came the church-religious legislation. The politically oriented statutes occupied the last position. The legislation of the English Parliament during the reign of James I reflected the reaction to real trends in various spheres of the country's life in the first quarter of the 17th century.

Keywords: James I, legislation of the English Parliament, main trends

For citation: Evseev V.A. Main trends of legislation of the English Parliament during the Reign of James I (according to the statutes of the Kingdom), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 82—94.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 31.01.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 16.05.2026.

Информация об авторе / Information about author

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yevseyev@mail.ru, SPIN: 9945-1190

Evseev Vladimir Aleksandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yevseyev@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 95—103.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 95—103.

Научная статья

УДК: 94(436+439)“18/19”:070(436)

EDN <https://elibrary.ru/tqyhzk>

DOI: 10.46726/H.2026.3.11

ЧЕШСКО-НЕМЕЦКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА *DIE FACKEL* КАРЛА КРАУСА

Александр Владимирович Мартюшев

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,

г. Москва, Россия, al.martiushev@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов проблемы, связанной с чешско-немецким противостоянием в Австро-Венгрии на рубеже XIX—XX вв. На основе материалов популярного венского журнала «Факел» автор попытался определить позицию его издателя и основного автора Карла Крауса по национальному вопросу. Несмотря на имеющийся интерес исследователей к интеллектуальному наследию Крауса, как в отечественной, так и в зарубежной историографии этот вопрос оказался изучен мало. В ходе исследования было выявлено, что пик интереса Крауса к чешской проблеме пришелся на 1899—1901 гг., после чего упоминания чехов практически исчезают со страниц журнала, что примерно совпадает с дебатами в обществе вокруг языковых законов Бадени. В рамках противостояния двух народов Краус пытался занять позицию над схваткой, критикуя как немецких, так и чешских националистов, хотя критики немцев было значительно больше. Само по себе это противостояние не было ему интересно. Он выступал не против какой-либо стороны, а скорее против аргументов, которые чехи и немцы приводили в свою пользу.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Карл Краус, периодическая печать, национализм, языковой вопрос

Для цитирования: Мартюшев А.В. Чешско-немецкое противостояние в Австро-Венгерской империи на страницах журнала *Die Fackel* Карла Крауса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 95—103.

К началу XX в. Австро-Венгерская монархия подошла, находясь в состоянии затяжного политического кризиса, вызванного стремительным развитием национальных движений. Как известно, население центральноевропейского региона было этнически неоднородным и при этом было очень сильно перемешано, и это, в свою очередь, по мере роста национального самосознания народов приводило к неизбежным столкновениям. При этом стоит понимать, что австро-венгерское восприятие нации и национальности отличалось от западноевропейского или американского. Как отмечает австрийский историк К. Воцелка, если в Западной Европе принадлежность к нации определялась из соотнесения себя с ней, а соответственно и с государством, т. е. субъективно, то в монархии Габсбургов было необходимо учитывать множество факторов, таких как язык, культура, территория, религия. Соответственно это приводило к неприятию идеи наднационального государства [Воцелка: 297]. По мнению другого исследователя Ф. Мунца, для Австро-Венгрии была характерна одновременно вертикальная (вызванная изменениями рыночной

конъюнктуры, перераспределением ресурсов между различными отраслями народного хозяйства и «центростремительными» миграционными процессами) и горизонтальная (по этнокультурному и языковому признаку) формы расслоения общества [Мунц: 9]. Французская исследовательница К. Орель, в свою очередь, пишет, что «в Габсбургской империи, за исключением внутриавстрийских или внутривенгерских городов, едва ли можно было найти одноязычный город» [Horel: 349]. Соответственно, основная проблема, с которой столкнулись Габсбурги, заключалась в обеспечении лояльности подданных различных национальностей и их взаимодействия между собой.

Достаточно ярко это проявилось в чешско-немецком противостоянии, наиболее активно разгоревшемся в последней четверти XIX в. Связано это было с тем, что на протяжении долгого времени эти народы проживали совместно: в Вене имелись кварталы, населенные преимущественно чехами, а Прага была в значительной степени немецкой, и в целом население провинций Богемия и Моравия было очень германизировано. Однако начиная с 1848 г., а особенно после австро-венгерского компромисса 1867 г., ситуация меняется. Чехи стали подчеркивать свою самобытность, акцентировать внимание на своих правах и требовать политической и языковой автономии по аналогии с венграми. Прежде всего это касалось языкового вопроса. Как отмечает британский историк А. Тейлор, чехи в качестве образца в своей борьбе за национальную свободу взяли в качестве примера Венгрию, не учитывая, что, в отличие от венгров, исторические права чехов были иллюзорными [Тейлор: 177].

В 1864 г. в пражском сейме был поднят вопрос об уравнивании статуса чешского и немецкого языков. Ответом с немецкой стороны послужил имперский закон о народных школах 1869 г. Регулярные обструкции и акции протеста после Австро-Венгерского компромисса заставили Франца Иосифа начать искать возможности компромисса. Однако первая попытка договориться в 1871 г. провалилась [Зуппан: 106]. Тем не менее, правительство Эдуарда Тааффе пошло навстречу чехам. Это проявилось в том, что в 1880 г. были изданы языковые распоряжения Тааффе — Штремайра, а в 1882 г. Карлов университет в Праге был разделен на чешскую и немецкую части [Там же: 114]. Однако это не успокоило чехов, но заставило мобилизоваться богемских немцев, опасавшихся ассимиляции. А. Тейлор приводит слова одного из немецких либералов чешского происхождения, которые очень хорошо характеризуют ситуацию: «Если чехов в Богемии превратить в немцев, то это ... не будет смертным грехом, ибо они поднимутся с низшего уровня на сияющую солнцем высоту высокоцивилизованной нации. Но стремиться чехизировать немцев в Богемии — это совсем другое дело: это стало бы неслыханным позором на страницах мировой истории» [Тейлор: 201].

Следующая попытка достигнуть компромисса и разрешить конфликт славян с немцами была предпринята в 1897 г. министром-президентом Цислейтании графом Казимиром Бадени. Заручившись поддержкой младочехов, он издал знаменитые декреты о языке, которые предусматривали постепенное внедрение на территории Богемии и Моравии обязательного ведения делопроизводства на двух языках: чешском и немецком. Этот шаг вызвал всплеск недовольства среди австрийских немцев, поскольку, по их мнению, он давал существенное преимущество чехам, которые и так были в большинстве своем двуязычными. В Вене начались крупнейшие с 1848 г. уличные выступления, а на заседаниях рейхсрата доходило даже до рукоприкладства [Воцелка: 315]. Ситуацию усугубляли попытки ландтага Нижней Австрии, частью которой была Вена, еще в 1896 г. принять так называемые законы Колиско (Lex Kolisko), согласно которым планировалось закрепить навечно

немецкий язык в качестве единственного языка обучения в регионе. Попытки смягчить законы преемниками Бадени ни к чему не привели, и в итоге в октябре 1899 г. эти законы были отменены, а проблема осталась нерешенной.

При изучении национального вопроса в монархии Габсбургов одним из важных источников является периодическая печать, которая активно освещала данную проблему и формировала общественное мнение. Одним из ключевых изданий Вены рубежа XIX—XX вв. являлся журнал «Факел» (*die Fackel*) издателем и основным автором которого был поэт, сатирик и журналист Карл Краус. Работы отечественных исследователей, посвященные Краусу, рассматривают его наследие преимущественно с точки зрения филологии [Науменко; Сишук; Шалганова], либо же разбирают какие-то отдельные аспекты его жизни и творчества [Клюев]. Что касается зарубежной историографии, то здесь стоит отметить работы крупного специалиста по Карлу Краусу Э. Тиммса, Ф. Филда и других авторов, рассматривающих деятельность Карла Крауса в контексте эпохи [Timms; Field; Karl Kraus und...]. Анализу интеллектуального наследия Крауса посвящена одна из глав монографии У. Джонстона, впервые опубликованной в 1972 г. и с тех пор неоднократно переиздававшейся [Johnston].

Карл Краус родился в 1874 г. в чешском городе Йичин в семье еврейского предпринимателя, однако уже в 1877 г. его отец из коммерческих соображений переехал в Вену, и вся последующая жизнь и карьера писателя неразрывно были связаны со столицей империи. Именно здесь в 1899 г. он приступает к делу всей своей жизни — изданию собственного журнала «Факел», который выходил вплоть до смерти своего издателя в 1936 г.

Данный журнал нельзя в полной мере назвать периодическим изданием. Хотя у него и была заявлена периодичность — раз в три месяца — она, по разным причинам, соблюдалась далеко не всегда. То же можно сказать и об объеме, который мог варьироваться от 4—5 страниц до полутора сотен [Клюев: 132]. Тем не менее, он быстро стал очень популярным: его читали даже те, кто избегал чтения периодики [Kohn: 49]. О популярности журнала и авторитете самого Карла Крауса можно судить и по тому факту, что он оказал влияние на появление аналогичных периодических изданий в Германии (*Sturm*) [Альмс: 65] и королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (*Vijavica, Plamen*) [Marjanić: 369].

Формат «Факела» также со временем менялся. Изначально по форме он был близок к классическим журналам, на страницах которых могли публиковаться такие идеологически разные авторы, как Хьюстон Стюарт Чемберлен или Вильгельм Либкнехт, однако основным автором оставался сам Краус [Kohn: 40, 42]. Постепенно, начиная с 1904 г., он все больше обращается к сатире, сочетая реальные задокументированные факты с вымыслом [Zohn: 47]. А после 1911 г. «Факел» окончательно превратился в площадку для личного авторского высказывания Карла Крауса, становясь все радикальнее [Arntzen: 33].

Основную задачу своего журнала Краус видел в подсвечивании и высмеивании главных недостатков общественной жизни Австрии: коррупции, кумовства, продажности прессы и упадка культуры. Краус нападал на владельцев банков и бирж, спекулянтов и чиновников. Его нападки всегда носили личный характер, за что он однажды, в самом начале своей издательской карьеры, даже был избит в одном из венских кафе, однако его это не остановило [Schick: 39]. Живя и работая большую часть своей жизни в Вене, Краус был очень привязан к ее контексту и текущей повестке дня, за что как автор и издатель регулярно подвергался критике [Kohn: 66]. По словам российского исследователя А.В. Михайлова, под огонь едкой сатиры Крауса попадала «личность — как целая стихия, где присутствует

и самое высокое и драгоценное, и откуда не выпадает ничто обыденное прозаическое, низкое и ужасное» [Михайлов: 30—31]. Острый язык и наблюдательность превратили Крауса в итоге в главного критика эпохи [Мунц: 10].

Не мог он игнорировать и национальную борьбу между славянами и немцами, ставшую к началу XX в. одной из ключевых проблем империи, хотя данная тема никогда не интересовала его сама по себе. Основная масса материалов, посвященных национальному вопросу, приходится на первые годы выхода «Факела» (1899—1901), в дальнейшем данная тема с его страниц практически исчезает. Связано это было, по-видимому, с тем, что именно на этот период пришлось обострение межнациональной вражды, которая к концу десятилетия несколько притупилась. Поскольку чешско-немецкое противостояние активно освещалось в прессе, Краус, активно боровшийся с ней, не мог игнорировать этот факт.

Как отмечает российский исследователь В.Г. Ключев, Краус стремился максимально дистанцироваться как от какого-либо политического влияния, так и от различных художественных течений и объединений, от религии (перешел из иудаизма в католицизм, но в итоге вовсе потерял интерес к религии), и, даже в личной жизни [Ключев: 133]. Тем не менее, на основании материалов журнала все же можно проследить динамику изменения политических взглядов автора в рассматриваемый период. Так, в начале своей издательской деятельности Краус придерживался скорее либеральных взглядов (при этом он нещадно критиковал австрийских либералов), однако уже к 1910 г. его взгляды эволюционировали в сторону монархизма и поддержки Габсбургов как гаранта стабильности. В основе мировоззрения Крауса лежали три уровня идентичности: австрийская, еврейская и идентичность представителя среднего класса [Zohn: 38]. Исходя из этого выстраивается и позиция Крауса в национальном вопросе. Фактически он не занимает ничью сторону, критикуя позиции обеих народов, прежде всего являясь противником глупых фраз и действий, а не чехов и немцев самих по себе.

Как уже упоминалось ранее, первый номер журнала «Факел» вышел в апреле 1899 г., когда австрийское общество еще сотрясали волнения, вызванные законами Бадени. Краус обратился к национальной проблеме уже во втором номере журнала, на страницах которого он критически отозвался на выступление генерал-губернатора Нижней Австрии графа Эриха фон Килмансегга в ландтаге. В своей заметке Краус саркастически отмечает, что фактически позиция правительства по национальному вопросу сводится к тому, что власти не будут ничего предпринимать, пока народы сами не решат свои споры. С неодобрением автор отзывается о скандальных языковых преобразованиях: законах Колиско и новом венском городском уставе, принятом Карлом Люгером и закреплявшем «немецкий характер» города. По мнению Крауса, для Вены языковой вопрос еще не стал актуальной проблемой, а на повестку дня она вышла, поскольку ее искусственно раздували [Die Fackel 1899a: 23—24].

Одним из основных оплотов немецкого языка в империи являлась армия [Sheichl: 76]. Немецкий был языком командования, и в рамках языковой борьбы чехи не могли игнорировать этот факт. Именно их успехи на данном фронте, по мнению Крауса, привели, в числе прочего, к падению правительства Франца Туна (1898—1899). Он подчеркивает это фразой “Zde ruht das Ministerium Thun” (здесь покоится министерство Туна) [Die Fackel 1899b: 5]. Характерно, что Краус использует в данном случае чешское слово “zde” вместо немецкого “hier”, чтобы показать успехи чехов. В сущности, в данном случае наблюдается игра слов: помимо демонстрации успехов чехов и чешского языка, далее Краус

пишет о так называемой кампании “Zde”, в рамках которой в чешских городах, в которых были расквартированы части австрийской армии, повсеместно были расклеены плакаты с этим словом. Однако в следующем году со стороны Крауса критике, хотя и достаточно мягкой, подверглись уже чешские представители, которые пошли на уступки, позволив осуществить набор новобранцев в австрийскую армию [Die Fackel 1900a: 14].

Стоит отметить, что в рассматриваемый период на страницах журнала регулярно критикуется печально известная статья № 14 закона об имперском представительстве, которая предоставляла императору право в случае чрезвычайных обстоятельств принимать временные законы в обход рейхсрата [Die Fackel 1899b: 12; 1899c: 2; 1900c: 8—9]. Негативное отношение Крауса проявляется, в частности, в сожалении о том, что младочехи не смогли в союзе с социал-демократами отменить эту статью. А сам факт ее существования для него служит признаком того, что Австрия находится по уровню политического развития, хотя и выше Венгрии, но ниже Англии [Die Fackel 1899b: 3].

Отдельно стоит упомянуть отношение Крауса к чешским евреям, которые буквально оказались между двух огней. В 23 номере журнала, вышедшем в ноябре 1899 г., после окончательной отмены законов Бадени, Краус обращается к проблеме межнационального насилия в Богемии и Моравии. С одной стороны, он отмечает, что в этом виноваты носители немецкой культуры, которые посредством языковых ограничений препятствовали чехам в распространении образования среди народа и повышению его культурного уровня. С другой стороны, он, сам будучи евреем, критикует еврейские общины Богемии и Моравии, которые, по его мнению, своим нежеланием ассимилироваться провоцировали чехов на проявления антисемитизма [Die Fackel: 1899c: 5]. В целом, основную проблему австрийских евреев Краус видел в их стремлении к обособленности и именно в этом видел корень антисемитизма.

В сущности, Краус поддерживал идею двуязычия в чешских землях, видя в ее реализации единственный способ разрешения межнационального конфликта. Он отмечает, что чешским языком пользовались преимущественно представители пролетариата и низших слоев населения, т. е. те, кто нуждался в правовой защите, в то время как немецкий был языком промышленников и капиталистов. Таким образом, национальные противоречия пересекались с социальными [Die Fackel 1900b: 2]. Краус постоянно подчеркивает, что с чехами необходимо договариваться ради блага империи, необходимо делать это на законодательном уровне, а не посредством двусторонних соглашений между чехами и немцами, которые ни к чему не приводят [Die Fackel 1900d: 43]. На протяжении 1900 г. Краус на страницах своего журнала регулярно обращается к чешско-немецкому противостоянию в сфере языка, и это однозначно говорит о том, что данная тема была крайне актуальной и болезненной.

При этом критике со стороны Крауса в равной мере подвергаются и чехи. По мнению писателя, одной из ключевых проблем, связанных с чешско-немецким противостоянием, являлся тот факт, что в него вовлекались и внешние игроки, что точно не соответствовало интересам государства. Немецкие националисты, согласно Краусу, ориентировались на Германию, и вся их политика проводилась с оглядкой на позицию Берлина и надеждой на поддержку. Что касается чехов, то им в укор ставился их панславизм и ориентация на Россию. Краус подчеркивает, что это не соответствует интересам чехов, поскольку Петербург их просто использует. Он пишет, что «что у чешских лидеров сформировался настолько грубый племенной эгоизм, настолько дикое и мелочное национальное самолюбование,

что они теряют даже представление о ближайших жизненных интересах своего государства. <...> самая мудрая политика чешского народа — австрийская...» [Die Fackel 1900e: 2—3].

В целом Краус на страницах «Факела» обвиняет в разжигании межнациональной розни политиков и журналистов обеих наций. Он подчеркивает их бестактность и бесцеремонность, указывая, что для них было самым важным, «на каком языке написаны приглашения на званый вечер князя Лобковица, какого цвета флаги красуются на здании студенческого клуба и в какой одежде мэр Праги появился при дворе...» [Die Fackel 1901c: 1].

Однако показателен еще и тот факт, что в своей критике австрийской культуры (это было одно из направлений деятельности журнала) Краус даже сравнивает ее с чешской, причем в пользу последней. По его мнению, превосходство чехов в музыке, поэзии и даже изобразительном искусстве (автор поставил художников венского сецессиона существенно ниже чешских) было связано с деятельностью как немецких националистов, основной целью которых было провозглашение величия немецкой культуры вместо создания условий для ее развития, так и засильем критиков, заполонивших все культурное пространство своими статьями [Die Fackel 1901a: 12—13]. Равно и демонстративный уход чехов с оперетты, вызванный их оскорбленным национальным чувством, представляется Краусом как их культурное превосходство над венской богемой [Die Fackel 1901d: 30].

Даже в критике австрийской прессы, что, в сущности, было одной из основных целей «Факела», можно найти упоминания чешской проблематики. Так, например, в 53 номере Краус, характеризуя Neue Wiener Tagblatt, отмечает, что его авторы даже в похвальном слове императора в адрес поляков увидели укол в сторону чехов, а в отсутствии упреков в адрес какой-либо партии — похвалу немцам [Die Fackel 1900f: 29].

При этом на страницах «Факела» отмечаются и точки соприкосновения между чехами и немцами — это хозяйственные вопросы, например, вопрос о строительстве каналов [Die Fackel 1901b: 8—9]. Таким образом, экономические интересы обоих народов, а точнее их крупной буржуазии, имели большее значение, чем национальные споры. Этот факт, в свою очередь, подчеркивающий искусственность языковых споров, высмеивается Краусом.

Вообще национальная самоидентификация выходцев из Богемии и Моравии была крайне запутанной. Даже в рамках одной семьи она могла различаться. Отсутствовали какие-либо четкие критерии, позволяющие отделить чеха от немца [King: 320]. Данную проблему хорошо иллюстрирует ситуация, описанная в одном из номеров «Факела» за 1902 г. Профессор Пражского университета Алоис Цукер принадлежал к старочешской партии и, следовательно, идентифицировал себя как чеха, в то время как его брат Вильгельм сотрудничал с Neue Freie Presse и считал себя немцем [Die Fackel 1902: 21]. Акцентируя на этом факте внимание, Краус показывает бессмысленность чешско-немецкого противостояния и античешской пропаганды в немецкоязычной прессе. Об абсурдности немецкого национализма говорит и следующий пассаж Карла Крауса, высмеивающий славянские фамилии немецких националистов и немецкие — славянских: «Родство бурского народа с племенем господ Попелака, Индерки, Молинека, Хонсика, Галушки, Миклаучича, Кудельки, Прочаски и Вискозила не лишено очевидности. Это имена лучших немцев <...> взяты из списка участников национального праздника настоящих немцев, который отмечался много лет назад в Иглау...» [Die Fackel 1904: 15].

Говоря о журнале «Факел», стоит учитывать факт, что в первые годы его существования на его страницах публиковался не только сам Краус. Временами

он предоставлял свой журнал в качестве трибуны для других авторов, которые желали высказаться по тому или иному важному поводу. Одним из таких поводов стало анонимное письмо известного немецкого историка Теодора Моммзена, опубликованное на страницах *Neue Freie Presse* еще 31 октября 1897 г. на пике обострения языкового вопроса и до начала издания «Факела». В этом тексте крайне шовинистического характера Моммзен говорит о цивилизационной роли немцев и буквально пишет «Разума чешский череп не воспринимает, но и для ударов он тоже доступен» [*Neue Freie Presse*: 1]. Несмотря на тот факт, что письмо было значительно урезано цензурой, оно произвело эффект разорвавшейся бомбы и, ожидаемо, вызвало бурную полемику в прессе, прежде всего чешской. Спустя несколько лет в 1901 г. в «Факеле» под авторством Хьюстона Стюарта Чемберлена был опубликован своеобразный ответ на него. К этому времени из-за своих расистских взглядов Чемберлен являлся крайне одиозной фигурой, с которой не хотели сотрудничать респектабельные издания. Поэтому уже сам факт его публикации на страницах «Факела» являлся вызовом общественному мнению, а сам Краус после этого, будучи евреем, был обвинен в антисемитизме [Schick: 40]. В своей статье Чемберлен выступил с разгромной критикой националистических взглядов Моммзена, фактически защищая чехов. Он отмечает, что «он [Моммзен. — А. М.] ни словом не упоминает о тяжком грехе немцев перед чехами: что именно немецкий университет осудил Гуса в его борьбе за свободу и религию, что именно немецкая династия растоптала храбрый народ почти до полного истребления грубыми гусарскими сапогами; но с неразумной чрезмерностью он бросает в лицо славянам дерзости и подстрекает и без того почти ошеломленных немцев к насильственным действиям. Его громкое слово посеяло в сердцах новую ненависть, новую непримиримость, а доброе благородное немецкое дело — дело культуры — он низвел до бабьей ссоры на продуктовом рынке» [*Die Fackel* 1901e: 3]. Сам факт появления подобного текста на страницах «Факела», крайне персонализированного журнала, может говорить о том, что схожую позицию занимал и Карл Краус.

Стоит отметить, что уже начиная с 1902 г. чешская тематика практически исчезает со страниц «Факела», появляясь лишь эпизодически. Можно утверждать, что Краус потерял интерес к чешско-немецкому противостоянию после того, как оно прошло свой пик. Важно понимать, что данная тема никогда не была центральной на страницах «Факела» и волновала Крауса не столько в плане его личных симпатий и антипатий, сколько абсурдностью аргументов сторон.

Таким образом, можно сделать вывод, что в противостоянии чехов и немцев Карл Краус на страницах своего журнала стремился занять позицию над схваткой, критикуя как одну, так и другую сторону. При этом очевидно, что в целом аргументы чешской стороны казались ему более обоснованными, хотя это и не спасало их от критики. Сама же борьба интересовала его лишь как один из признаков упадка общественной жизни Австрийской империи, и как только ее накал спал, Краус перестал обращаться к данной теме.

Список источников

- Die Fackel*. 1899. № 2. 32 s.; № 22. 32 s.; № 23. 32 s.
Die Fackel. 1900. № 35. 32 s.; № 37. 32 s.; № 40. 32 s.; № 43. 32 s.; № 44. 32 s.; № 53. 32 s.
Die Fackel. 1901. № 74. 28 s.; № 78. 28 s.; № 80. 31 s.; № 86. 32 s.; № 87. 32 s.
Die Fackel. 1902. № 96. 24 s.
Die Fackel. 1904. № 158. 24 s.
Neue Freie Presse. 1897. 31 Oktober.

Список литературы / References

- Альмс Б. «Der Sturm» во втором десятилетии XX века. Интернационализация одного художественного проекта // Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма. М.: РОССПЭН, 2014. С. 63—65.
- (Alms B. «Der Sturm» in the second decade of the 20th century. Internationalization of one art project, *Herwarth Walden and the legacy of German Expressionism*, Moscow, 2014, pp. 63—65. — In Russ.)
- Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М.: Весь мир, 2007. 497 с.
- (Vocelka K. History of Austria. Culture, Society, Politic, Moscow, 2007, 497 p. — In Russ.)
- Зуппан А. Тысяча лет соседства австрийцев и чехов: взгляд из Австрии. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 416 с.
- (Suppan A. A thousand years of neighborhood between Austrians and Czechs: a view from Austria, Moscow; St. Petersburg, 2021, 416 p. — In Russ.)
- Клюев В.Г. Карл Краус и его трагедия «Последние дни человечества» // Художественные центры Австро-Венгрии 1867—1918. СПб.: Алетейя, 2009. С. 127—146.
- (Kliuev V.G. Karl Kraus and his tragedy “Die letzten Tage der Menschheit”, *Art centers of Austria-Hungary 1867—1918*, St. Petersburg, 2009, pp. 127—146. — In Russ.)
- Михайлов А.В. Из источника великой культуры // Избранное: Феноменология австрийской культуры. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2007. С. 7—34.
- (Mikhailov A.V. From the source of great culture, *Selected: The Phenomenology of Austrian Culture*, St. Petersburg, 2007, pp. 7—34. — In Russ.)
- Мунц Ф. Вена на рубеже веков: философская мысль и художественная культура // Художественные центры Австро-Венгрии 1867—1918. СПб.: Алетейя, 2009. С. 9—18.
- (Munz F. Fin-de-siècle Vienna: philosophical thought and artistic culture, *Art centers of Austria-Hungary 1867—1918*, St. Petersburg, 2009, pp. 9—18. — In Russ.)
- Науменко А.К. Творческий метод Карла Крауса — драматурга: дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 183 с.
- (Naumenko A.K. The creative method of Karl Kraus, the playwright: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 1975, 183 p. — In Russ.)
- Сищук Ю.М. Лингвостилистические особенности публицистических текстов Карла Крауса: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 166 с.
- (Sishchuk Yu.M. Linguistic and stylistic features of Karl Kraus' journalistic texts: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), St. Petersburg, 2002, 166 p. — In Russ.)
- Тейлор А. Габсбургская монархия. История Австрийской империи, Германского союза и Австро-Венгрии. 1809—1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2025. 351 с.
- (Taylor A. The Habsburg Monarchy. A history of the Austrian empire and Austria-Hungary 1809—1918, Moscow, 2025, 351 p. — In Russ.)
- Шалганова Н.С. Художественный мир Карла Крауса: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 141 с.
- (Shalганova N.S. The art world of Karl Kraus: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Nizhny Novgorod, 2007, 141 p. — In Russ.)
- Arntzen H. War “Die Fackel” eine Zeitschrift?, *Karl Kraus Beitrage 1980—2010*, Frankfurt am Main, 2011, s. 30—38.
- Field F. The Last Days of Mankind: Karl Kraus and His Vienna, 1967, 280 p.
- Horel C. Multi- und Plurikulturalismus in urbaner Umwelt. Nationale und soziale Vielfalt in den Städten der Habsburger-Monarchie 1867—1914, *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*, 2005, bd. 113, s. 349—361.
- Johnston W.M. The Austrian mind: an intellectual and social history, 1848—1938, Oakland: University of California Press, 2023, 540 p.
- Karl Kraus und Die Fackel. Aufsätze zur Rezeptionsgeschichte, ludicium, 2001, 246 S.

- King J. Who is Who? National Classification in Imperial Austria, 1867—1914, *The Journal of Modern History*, vol. 96, 2024 (2), pp. 291—331.
- Kohn H. Karl Kraus, Arthur Schnitzler, Otto Weininger: Aus dem jüdischen Wien der Jahrhundertwerde, Tibungen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1962, 72 s.
- Marjanić S. Antun Branko Šimić i Krleža: točke susreta — anarhoindividualizam i Karl Kraus, *Bosanskohercegovački slavistički kongres*, 2019, no. 2, s. 363—372.
- Scheichl S. P. Die einsprachige Haupt- und Residenzstadt des vielsprachigen Reichs, *Temeswarer Beiträge zur Germanistik*, bd. 16, Temeswar: Mirton Verlag, 2019, s. 71—87.
- Schick P. Karl Kraus: mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten, Hamburg: Rowohlt Taschenbuch, 1989, 165 s.
- Timms E. Karl Kraus: apocalyptic satirist. Culture and catastrophe in Habsburg Vienna, New Haven; London: Yale University Press, 1989, 443 p.
- Zohn H. Karl Kraus and the critics, Columbia: Camden House, 1997, 161 p.

THE CZECH-GERMAN CONFRONTATION IN THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE ON THE PAGES OF KARL KRAUS' *DIE FACKEL* MAGAZINE

Alexander V. Martyshev

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
Russian Federation, al.martiushev@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the problem related to the Czech-German confrontation in Austria-Hungary at the turn of the XIX—XX centuries. Based on the materials of the popular Viennese magazine *die Fackel*, the author tried to determine the position of its publisher and main author Karl Kraus on the national issue. Despite the interest of researchers in the intellectual legacy of Kraus, this issue has been little studied in both Russian and foreign historiography. The study revealed that Kraus' peak interest in the Czech problem occurred in 1899—1901, after which mentions of Czechs practically disappear from the pages of the magazine, which roughly coincides with the debate in society around the language laws of Badeni. As part of the confrontation between the two nations, Kraus tried to take a stand above the fray, criticizing both German and Czech nationalists, although there was much more criticism from the Germans. In itself, this confrontation was not interesting to him. He was not speaking out against any side, but rather against the arguments that the Czechs and Germans were making in their favor.

Keywords: Austro-Hungary, Karl Kraus, periodical press, nationalism, the language issue

For citation: Martyshev A.V. The Czech-German confrontation in the Austro-Hungarian Empire on the pages of Karl Kraus' *die Fackel* magazine, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 95—103.

Статья поступила в редакцию 23.02.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 23.02.2026; approved after reviewing 26.03.2026; accepted for publication 16.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Мартюшев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, al.martiushev@yandex.ru, SPIN: 3714-3426

Martyshev Alexander Vladimirovich — Candidate of Sciences (History), senior Lecturer of the department of history and philosophy Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, al.martiushev@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 104—112.

Ivanovo State University Bulletin Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 104—112.

Научная статья

УДК 94(470.314)“18”:929.6(470.314)“18”

EDN <https://elibrary.ru/qotjqt>

DOI 10.46726/И.2026.3.12

ПРОЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕРБОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аркадий Андрианович Корников

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Аннотация. В статье на основе неопубликованных архивных материалов Департамента герольдии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, ставится задача проанализировать проекты реформирования гербов Владимирской губернии, разработанные во второй половине XIX века управляющим Гербового отделения Департамента герольдии Сената Борисом Васильевичем Кёне (1817—1886). Рассматриваются основные направления изменения существовавших гербов, детально анализируются внешние украшения и гербовые фигуры проектов гербов уездных городов и посадов губернии. Отмечаются типичные черты творческого стиля Кёне как геральдиста. В статье обобщаются результаты реформирования Б.В. Кёне российской геральдики в целом и геральдики Владимирской губернии в частности. Показываются возможности использования разработанных проектов в современной муниципальной геральдике.

Ключевые слова: Департамент герольдии Сената, Б.В. Кёне, Владимирская губерния, проекты гербов, геральдика городов и посадов, символика эмблем

Для цитирования: Корников А.А. Проекты изменения гербов Владимирской губернии во второй половине XIX века // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 104—112.

В конце XVIII — начале XIX века в Российской империи складывается система территориальной геральдики. Благодаря достаточно активной деятельности государственной Герольдии многие губернии, уезды и посады получают свои гербы. Однако к середине XIX века выявился ряд недостатков в процедуре организации разработки и утверждения городских гербов [Соболева: 132]. Правительство выражало недовольство тем, что многие гербы составляются «не по правилам геральдики» [Там же: 133]. А многие города не имели своих гербов.

В связи с этим в 1857 году создается специальное Гербовое отделение Департамента герольдии Сената, которое должно было решить все проблемы, возникшие в процессе создания и утверждения территориальных гербов России. Во главе Гербового отделения был поставлен образованный и очень энергичный геральдист барон (с 1862 года) Борис Васильевич (Бернгард Карл) Кёне (1817—1886) [Плотников; Лавренов; Пчелов; Голованова; Прокопьев; Фахрутдинова; Закутнов].

С целью упорядочения российской геральдики им были разработаны правила составления гербов, утвержденные правительством [ПСЗРИ. Собр. 2, т. XXXII, ч. 1: 580—581]. Б.В. Кёне также предложил проект реформирования всей российской геральдики — как государственной, так и территориальной. В области государственной геральдики Б.В. Кёне принадлежит авторство Большого государственного

герба Российской империи (1857 г.), чёрножёлто-белого государственного российского флага (1858 г.). Но, наверное, самым масштабным проектом, задуманным Б.В. Кёне, была работа по реформированию всего корпуса российских территориальных гербов путём приведения их в соответствие с правилами европейской геральдики.

Рис. 1. Барон Борис Васильевич (Бернгард Карл) Кёне (1817—1886)

В результате грандиозной работы Кёне и сотрудников Гербового отделения Департамента Герольдии Сената были разработаны проекты новых губернских и городских гербов многих губерний России. В их числе были и гербы Владимирской губернии. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге сохранилось дело, связанное с разработкой проектов гербов Владимирской губернии в Гербовом отделении [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144].

Рис. 2. Архивное дело о разработке проектов гербов Владимирской губернии в Гербовом отделении Департамента Герольдии Сената

Цель данной статьи: проанализировать проекты гербов Владимирской губернии, разработанные Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената под руководством барона Б.В. Кёне во второй половине XIX века. В частности, будут поставлены следующие задачи: во-первых, показать основные направления реформирования гербов бароном Б.В. Кёне; во-вторых, проанализировать предложенные проекты уездных гербов и посадов губернии, использованные эмблемы, украшения за пределами геральдического щита; в-третьих, обобщить итоги проведенной реформы.

Большинство проектов гербов были выполнены в 1859 году. Исключение составляют проект города Киржача, датируемый 1863 годом, а также Гаврилова Посада и Вознесенского посада, датируемые 1877 годом. Все проекты гербов были подписаны Б.В. Кёне. Только гербы 1859 года подписывались с титулом «коллежский советник», герб Киржача 1863 года уже с титулом «барон действительный статский советник», а гербы Гаврилова Посада и Вознесенского посада 1877 г. — «барон тайный советник». Эти изменения отражали рост геральдиста по карьерной чиновничьей лестнице.

Что касается художественного исполнения гербов, то их авторство принадлежало известному художнику — геральдисту Александру Александровичу Фадееву (1811—1889), который в течение длительного времени (с 1848 года) сотрудничал с Б.В. Кёне. А.А. Фадеев был образованным художником, закончившим Санкт-Петербургскую императорскую академию художеств с дипломом «неклассного (свободного) художника» [Иванов; Медведев; Голованова]. В результате сотрудничества Б.В. Кёне и А.А. Фадеева были созданы родовой герб императорской семьи, группа знаков и флагов к коронационным торжествам Александра II в 1856 году, Государственный герб, Государственная печать и гербы членов императорской фамилии. Позднее ими были разработаны несколько сотен гербов русских дворянских родов. С первого декабря 1857 года и до конца своей жизни А.А. Фадеев работал художником в Гербовом отделении Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Находясь на службе в этом учреждении, художник в 1861 году получил чин коллежского регистратора, а в 1875 году — коллежского асессора.

Рассматривая проекты гербов, созданных Б.В. Кёне, необходимо отметить в первую очередь то общее, что было внесено во все проекты гербов Владимирской губернии. Во-первых, геральдист изменил саму композицию гербов. Он отказался от двухчленного деления уездных гербов по горизонтали, принятой по предложению барона И. Эндена в 1770-х годах, когда в верхней части изображали герб наместничества, а в нижней — собственно герб уездного города. Борис Васильевич предложил геральдически более правильное изображение губернского герба — в вольной части гербового щита (то есть в левом верхнем углу от зрителя). Поэтому во всех проектах владимирский губернский герб изображен именно таким способом.

Во-вторых, Б.В. Кёне внедрил систему территориальных и городских корон, символизирующих статус этой территории и города. Гербы губернских городов и столиц увенчивались императорской короной, поэтому на новом гербе Владимирской губернии мы видим такую корону. Гербы древних русских городов геральдист предложил увенчивать венцом в виде шапки Мономаха. Эту корону мы видим в проекте герба города Владимира. Для уездных городов им была разработана серебряная корона с тремя зубцами. Именно эта корона изображается во всех проектах гербов уездных городов губернии. Для гербов посадов предлагалась червлёная корона с двумя зубцами. Данная корона была введена в проекты гербов Гаврилова Посада и Вознесенского посада.

Еще одной новацией, введенной Борисом Васильевичем, была система внешних украшений гербового щита. Гербы губерний украшались Андреевской лентой с дубовыми листьями, что мы и видим в новом гербе Владимирской губернии. [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 8, 48]. Уездные города с развитой промышленностью получали в герб Александровскую ленту с двумя золотыми молотками. Это украшение было введено в проекты гербов Александра, Вязников, Коврова, Покрова, Суздаля, Шуи (см.: рис. 3 [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 35]), Гаврилова Посада и Вознесенского посада.

Рис. 3. Проект герба города Шуи с губерньским гербом в вольной части, серебряной короной с тремя зубцами и Александровской лентой с двумя золотыми молотками

В гербы уездных городов, известных земледелием и хлебной торговлей, вводились Александровская лента и два золотых колоса. Эти украшения были включены в проекты гербов Владимира, Гороховца, Киржача, Меленки, Муром, Переславля-Залесского, Судогды, Юрьев-Польского.

Следующим направлением реформирования гербов со стороны Б.В. Кёне было изменение в самом гербовом щите. Реформирование здесь шло в следующих направлениях. Во-первых, в гербах шла замена фигур, которые, по его мнению, не являлись геральдическими, на фигуры геральдические. Так, в старом гербе Шуи был изображен кусок мыла, символизировавший развитое в городе мыловаренное производство. По мнению Б.В. Кёне, кусок мыла, изображающий мыльные заводы, не может быть гербом города, и поэтому он предложил заменить эту фигуру золотым ромбом с отверстием, сопровождаемым четырьмя золотыми монетами. Эта композиция должна была символизировать развитую промышленность и богатства данного города [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 8, 33]. То же самое было проделано со старым гербом Муром, где были изображены «три крупитчатых калача». Борис Васильевич счел их негеральдическими фигурами и предложил заменить «золотым стропилом, сопровождаемым тремя золотыми колосьями» [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 8, 18].

Вторым направлением реформирования фигур в гербовом щите было изменение их с точки зрения более точного геральдического изображения или описания, то есть Кёне оставлял прежние геральдические фигуры, но давал им более

правильное, с точки зрения классической геральдики, изображение и более точное геральдическое описание. В первую очередь это коснулось владимирского льва на губернском и городском гербах. Если в описании наместнического герба 1781 года фигура называлась «в красном поле стоящий на задних лапах лев», то в новом варианте, утвержденном в 1856 году в качестве титульного герба Владимирской губернии, фигура была названа более точно с геральдической точки зрения — «в червлёном поле золотой львиный леопард» [Там же: л. 8, 47]. Такое же описание было дано и в проектах губернского и городского гербов. Позднее это описание было зафиксировано в вышедшем официальном сборнике гербов губерний и областей Российской Империи [Гербы губерний...: 8]. В этом же описании было официально закреплено и описание короны на голове льва как «железной, украшенной золотом и цветными камнями короны» [Там же].

Подобные изменения были произведены еще в ряде гербов. Так, в старом гербе города Меленки была изображена мельница. Б.В. Кёне предложил более точную с геральдической точки зрения фигуру — «в лазоревом щите золотые мельничные крылья в виде Андреевского креста» [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 15—17].

Рис. 4. Проект герба города Меленки

В проекте герба Суздаля геральдист оставил прежнюю фигуру сокола. Но только изобразил сокола не с короной на голове, а под короной, подчеркнув тем самым, что корона принадлежит не соколу, а символизирует Суздаль как бывшую столицу удельных князей [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 27—28].

Иногда эти изменения касались каких-то деталей гербовых фигур, их расположения. Так, в гербе Коврова 1781 года основным фигурам давалось следующее описание: «Сидящие два зайца в зеленом поле». В новом проекте Б.В. Кёне уточнил: «В зеленом поле два серебряных зайца с червлеными глазами и языками, стоящие на задних лапах и обращенные друг к другу спинами» [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 12—14]. То же самое он сделал в проекте герба Покрова. Старый герб выглядел следующим образом: «В синем поле две выходящие из облака руки, держащие золотой покров». В проекте нового герба Б.В. Кёне предложил следующее описание: «В лазоревом щите серебряный с золотой бахромой покров,

поддерживаемый выходящими из углов щита серебряными руками в золотых одеждах». Это изменение он объяснил тем, что старое изображение было похоже не на священный Покров, а на занавесь [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 24—26].

В ряде случаев геральдист вместо старых гербов предлагал совершенно новый вариант герба, объясняя это важными историческими событиями, связанными с этим населённым пунктом. Так, рассматривая старый герб Переславля-Залесского, где были изображены «золотые сельди, в черном поле», он отмечал, что подобные гербы с изображением рыб очень часто встречаются в российской геральдике. Вместе с тем он обратил внимание на то, что город расположен на Плещеевом озере, «где Петр Великий положил начало Русского Флота». Поэтому он предложил новый вариант герба: «В зеленом поле золотой ботик, а над ним золотой же вензель Петра Великого» [РГИА: ф. 143, оп. 15, д. 144, л. 21—23].

Работая над серией проектов гербов Владимирской губернии, Б.В. Кёне пришлось заново разрабатывать гербы для двух посадов — Гаврилова Посада и Вознесенского посада, которые не имели гербов. На основе тех данных, которые имелись в Гербовом отделении о развитии промышленности и торговли в Гавриловом Посаде, геральдист предложил следующий вариант герба: «Щит четверчастный с золотом и чернью, с четырьмя веретенами, выходящими из середины к углам щита, переменные металлом и финифтью. Щит украшен червлёною башенною о двух зубцах короною. В вольной части герб Владимирской губернии. За щитом два золотых молотка, соединённых Александровской лентой» [Там же: л. 41—43].

Для обоснования герба Вознесенского посада Б.В. Кёне написал следующее: «Имея в виду, что Шуйский уезд, в котором находится означенный посад, замечателен приготовлением в огромном количестве ситцев и холста, я полагаю поместить в герб для Вознесенского посада прялку и два прядильных колеса». Геральдическое описание герба было дано такое: «В золотом щите червлёная прялка, сопровождаемая червлёными же прядильными колесами. В вольной части герб Владимирской губернии. Щит украшен червлёною башенною о двух зубцах короною. За щитом два золотых молотка, соединённых Александровской лентой» [Там же: л. 44—46].

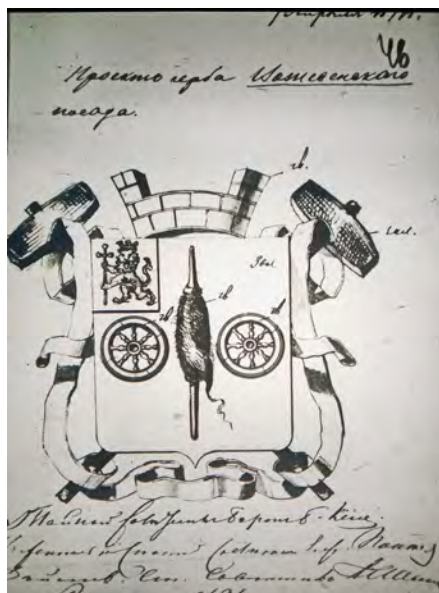

Рис. 5. Проект герба Вознесенского посада

В отношении проекта герба Вознесенского посада необходимо отметить следующее. Проект, как уже отмечалось, был утвержден 7 апреля 1877 года. Однако к тому времени Вознесенского посада как самостоятельной административно-территориальной единицы не существовало. В 1871 году посад был объединен с селом Иваново, и на их основе был образован город Иваново-Вознесенск. В данном случае, по-видимому, произошла бюрократическая неувязка. Связана она была с тем, что, выполняя предписание Государственного герольдмейстера от 28 августа 1858 года о разработке гербов для всех губерний и уездов, Гербовое отделение руководствовалось устаревшими данными, присылавшимися в департамент Герольдии Сената из Центрального статистического Комитета Министерства внутренних дел России о городах и посадах, которым нужно было создать гербы [Соболева: 137].

Таким образом, подводя итоги анализа рассматриваемых проектов, необходимо отметить, что Гербовое отделение Департамента Герольдии Сената под руководством Б.В. Кёне проделало огромную работу по разработке и приведению в порядок территориальных гербов Российской империи, в том числе для всех уездных городов и посадов Владимирской губернии. Однако довести до конца эту работу барону Б.В. Кёне удалось только по отношению к гербам Московской губернии. Серия московских гербов была официально утверждена императором Александром III в 1883 году [ПСЗРИ. Собр. 3, т. VI: 40]. Проекты гербов остальных губерний остались не утвержденными по целому ряду причин. Но, как нам представляется, данные проекты стали очень интересными источниками по истории развития теории и практики геральдики России второй половины XIX века.

Вместе с тем наработки, выполненные Кёне, могут быть использованы в практике создания современных муниципальных гербов. Это тем более актуально для разработки муниципальной геральдики современной Владимирской области, которая является преемницей Владимирской губернии. В настоящее время в области, по нашим подсчетам, около половины муниципальных образований (городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений) не имеют своих гербов. И, как нам представляется, наработки выдающихся геральдистов и геральдических художников середины XIX века могут послужить основой для разработки современных гербов. Естественно, с учетом действующих рекомендаций Геральдического Совета при президенте Российской Федерации.

Список источников

- Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXII. Ч. 1. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1858. 1066 с. (ПСЗРИ. Собр. 2, т. XXXII, ч. 1)
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI. Дополнение к III т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1888. 47 с. (ПСЗРИ. Собр. 3, т. VI)
- Российский государственный исторический архив (РГИА)

Список литературы / References

- Гербы губерний и областей Российской Империи. СПб.: Картогр. заведение А.А. Ильина, тип. М-ва путей сообщ., 1880. 83 с.
(Coats of arms of the provinces and regions of the Russian Empire, St. Petersburg, 1880, 83 p. — In Russ.)

- Голованова М.П. Б.В. Кёне и развитие геральдической теории и практики в коронационных церемониях российских императоров второй половины XIX века // Гербоведение. Т. II. М.: Старая Басманная, 2012. С. 9—21.
- (Golovanova M.P. B.V. Kone and the development of heraldic theory and practice in the coronation ceremonies of the Russian emperors in the second half of the 19th century, *Heraldry*, vol. II, Moscow, 2012. pp. 9—21. — In Russ.)
- Голованова М.П. «Рисовал Александр Фадеев». Коронации, гербы и многое другое в биографии художника Гербового отделения Департамента герольдии А. А. Фадеева (1811—1889) // Московский Кремль в государственной жизни России. Четыре столетия истории. Тезисы докладов юбилейной научной конференции. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2013. С. 25—26.
- (Golovanova M. P. “Drawn by Alexander Fadeyev”. Coronations, coats of arms, and much more in the biography of the artist of the Coat of Arms Department of the Department of Heraldry, A.A. Fadeyev (1811—1889), *The Moscow Kremlin in the State Life of Russia. Abstracts of the Jubilee Scientific Conference, 2013*, Moscow, 2013, pp. 25—26. — In Russ.)
- Закутнов О.И. Реформы российской геральдической системы барона Б.В. Кёне // Каспийский регион: политика, экономика, культура: научный журнал. 2019. № 1 (58). С. 9—13.
- (Zakutnov O.I. Reforms of the Russian Heraldic System by Baron B.V. Kone. *The Caspian Region: Politics, Economics, and Culture: A Scientific Journal*, 2019, no. 1 (58), pp. 9—13. — In Russ.)
- Иванов Д., Медведев М. Александр Фадеев: герб князя Воронцова и проект для Павловска. URL: <https://sovet.geraldika.ru/article/1700?ysclid=lto45zmxsp781000613> (дата обращения: 12.12.2025).
- (Ivanov D., Medvedev M. Alexander Fadeev: Prince Vorontsov's Coat of Arms and a project for Pavlovsk. — In Russ.)
- Лавренев В.И. «Дело» о тверских гербах и Б.В. Кёне // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 122—137.
- (Lavrenov V.I. The Case of the Tver' Coat of Arms and B.V. Koen, *Biography as a type of historical research*, Tver, 1993, pp. 122—137. — In Russ.)
- Плотников С.Л. Кёне Б.В., барон..., управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената, археолог, нумизмат, геральдик // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 313—314.
- (Plotnikov S.L. Kone B.V., Baron, Head of the Coat of Arms Department of the Senate Heraldry Department, Archaeologist, Numismatist, and Herald, *The Tenth All-Russian Numismatic Conference: abstracts of reports and presentations*, Moscow, 2002, pp. 313—314. — In Russ.)
- Прокопьев С.М., Фахрутдинова Д. Барон Б.В. Кёне и его геральдические реформы // Вестник Московского государственного университета печати. 2016. № 2. С. 47—51.
- (Prokop'ev S.M., Fahrutdinova D. Baron B. V. Kone and his heraldic reforms. *Bulletin of the Moscow State University of Press*, 2016, no. 2, pp. 47—51. — In Russ.)
- Пчелов Е.В. Создатель герба Российской империи (Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету) // Российский государственный герб: композиция, стилистика и семантика в историческом аспекте. М.: РГГУ, 2005. С. 80—86.
- (Pchelov E.V. The Creator of the Coat of Arms of the Russian Empire (Baron B.V. Kone: Strokes to the Portrait), *The Russian State Coat of Arms: Composition, Style, and Semantics in Historical Perspective*, Moscow, 2005, pp. 80—86. — In Russ.)
- Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.
- (Soboleva N.A. Russian city and regional heraldry of the 18th—19th centuries, Moscow, 1981, 263 p. — In Russ.)

PROPOSED CHANGES TO THE COATS OF ARMS OF THE VLADIMIR PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Arcady A. Kornikov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Abstract. Based on the unpublished archival materials of the Heraldry Department stored in the Russian State Historical Archive, the article aims to analyze the projects for reforming the coats of arms of the Vladimir province, developed in the second half of the 19th century by Boris Vasilyevich Kone (1817—1886), the head of the Heraldry Department of the Senate. The article examines the main directions of changes to the existing coats of arms and provides a detailed analysis of the external decorations and heraldic figures of the projects for the coats of arms of the county towns and settlements of the province. The article also highlights the typical features of Kone's creative style as a herald. The article summarizes the results of B.V. Kone's reform of Russian heraldry in general and the heraldry of the Vladimir province in particular. It shows the possibilities of using the developed projects in modern municipal heraldry.

Keywords: Department of Heraldry of the Senate, B.V. Kone, Vladimir Province, projects of coats of arms, heraldry of cities and settlements, and symbolism of emblems

For citation: Kornikov A.A. Proposed changes to the coats of arms of the Vladimir Province in the second half of the 19th century, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*. 2026, iss. 3, pp. 104—112.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 16.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru, SPIN: 5208-6532

Kornikov Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 113—121.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 113—121.

Научная статья

УДК 614.4:343.812(470.322)"1908/1909"

EDN <https://elibrary.ru/refygb>

DOI: 10.46726/H.2026.3.13

БОРЬБА С ТИФОМ В КУРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТЮРЬМЕ В 1908—1909 гг.

Александр Сергеевич Карачевцев

Курский государственный университет, г. Курск, Россия, alekkara99@yandex.ru

Аннотация. Наш мир, начиная с 2020 г., переживал потрясения, связанные с появлением новой коронавирусной инфекции и её развитием до масштабов пандемии. На этом фоне стали более пристально обращать внимание и на другие инфекционные заболевания, вспышки которых периодически случаются в том или ином мировом регионе. В период пандемии наиболее уязвимыми стали группы лиц, находящиеся долгое время в замкнутом пространстве без возможности длительного пребывания на свежем воздухе. Одной из таких социальных групп стали заключённые тюрем. В своей статье автор обратился к опыту прошлого в борьбе с эпидемией в рамках одной отдельно взятой тюрьмы. Проанализированы дела Государственного архива Курской области (ГАКО), содержащие сведения о ходе тифозной эпидемии в Курской губернской тюрьме в 1908—1909 гг., а также номера «Тюремного вестника» за тот же временной отрезок. Установлены временные отрезки прохождения эпидемии через последовательные фазы, выделяемые современной эпидемиологией, преобладание сыпного тифа над другими его формами; вычислены показатели летальности. Выделены основные группы рекомендаций по борьбе с эпидемией тифа Главного тюремного управления и местных чинов, связанных с системами здравоохранения и пенитенциарных учреждений. Обнаружено, что временные ограничения на прохождение этапов через Курскую губернию стали лишь второстепенной мерой в деле борьбы с тифозной эпидемией 1908—1909 гг.

Ключевые слова: сыпной тиф, возвратный тиф, брюшной тиф, эпидемия, Курская губернская тюрьма, Главное тюремное управление

Для цитирования: Карачевцев А.С. Борьба с тифом в Курской губернской тюрьме в 1908—1909 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 113—121.

Недавняя пандемия COVID-19 напомнила человечеству о его неполной защищённости перед лицом невидимых глазу противников — вирусов, бактерий. Среди самых уязвимых оказались люди, находящиеся длительное время, по тем или иным причинам, в закрытых помещениях, без возможности достаточное количество времени проводить на свежем воздухе. К ним относились и лица, отбывавшие наказания в местах лишения свободы. В ответ на вызовы времени Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) достаточно оперативно опубликовала перечень мер, направленных на предотвращение развития эпидемии в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации [Насреддинова: 58]. Их реализация на практике, согласно официальной статистике, позволила минимизировать ущерб от новой болезни в местах лишения свободы [Агабекян: 6], но при этом была подчас сопряжена с ограничением прав и свобод заключённых, что выливалось в жалобы, подаваемые в соответствующие российские и европейские органы, стоящие на страже прав человека [Брылякова: 142—145].

© Карачевцев А.С., 2026

В прошлом нашей страны тюрьмы не раз становились рассадниками эпидемических заболеваний. Так, в 1910 г., согласно годовому отчёту тюремного ведомства, в целом в Российской империи был зарегистрирован 51 851 случай заразных заболеваний, из которых 22 % составлял туберкулез, 19 % — лихорадка, 17 % — грипп, 9 % — сифилис, 9 % — цинга, 8 % — тиф [Шаламов: 22]. Опыт борьбы с эпидемией последнего мы изучили в нашей работе по материалам, относящимся к самой крупной тюрьме региона — Курской губернской.

Предварительно отметим, что слово «тиф» происходит от древнегреческого слова, означавшего «дым», «туман», «помрачение сознания». Оно объединяет три группы заболеваний: сыпной, возвратный и брюшной тиф:

— сыпной тиф — острое инфекционное заболевание, вызываемое патогенной бактерией риккетсия Провачека и передаваемое платяными вшами. Проявляется оно на 9—16 сутки лихорадкой, головной болью, сыпью, увеличением печени и селезёнки. Летальность без современного лечения, в основе которого лежит терапия с применением антибиотиков, которых не знали в начале XX в., составляет (в среднем) около 10 %, но могла достигать и до 50 % [Богомолов];

— возвратный тиф — острое инфекционное заболевание, протекающее в виде приступов лихорадки. Возбудителем является спирохета Обермейера, передаваемая платяными (изредка головными) вшами. Инкубационный период длится от 3 до 14 дней (в среднем — 7—8). Спирохеты размножаются в печени, селезёнке, костном мозге, затем выходят в кровь и гибнут, выделяя эндотоксин, вызывающий общую интоксикацию, повышение проницаемости сосудов. Распад спирохет под воздействием антител крови сопровождается приступом лихорадки. Часть возбудителей сохраняется в центральной нервной системе, костном мозге, селезёнке и после размножения вновь попадает в кровь, вызывая очередной приступ болезни (отсюда и название данной формы тифа). Обычно после четырёх-пяти приступов наступает выздоровление, с сохранением в течение нескольких недель слабости, быстрой утомляемости, головокружения, болей в области сердца, бессонницы. Летальность без современного лечения — от 10 до 40 процентов [Санин];

— брюшной тиф — инфекционная болезнь, характеризующаяся поражением желудочно-кишечного тракта, общей интоксикацией, одновременным увеличением печени. Возбудитель — граммотрицательная палочка *Salmonella typhi*. Распространяется обычно через загрязнённые пищевые продукты или воду [Тюремный вестник: 1909, № 3, с. 365] (в результате чего можно говорить о значительном отличии данной формы тифа от двух других). Инкубационный период длится от 7 до 25 дней, после чего появляются слабость, недомогание, сильное повышение температуры. Летальность без современного лечения — 10—20 % [Брюшной тиф].

В случае с каждой из форм можно говорить о высоком уровне заболеваемости, если болен хотя бы 1 человек из 1000.

Тиф периодически появлялся в Курской губернской тюрьме; так, к началу 1907 г. остановили последнюю из эпидемий, предшествующую рассматриваемому нами периоду [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 12627, л. 19]. Болезнь вернулась в данное место заключения в марте 1908 г. в виде регулярных, но единичных случаев (тогда как в целом по тюрьмам Российской империи с марта по июль произошёл двукратный прирост случаев заболевания тифом, а по сыпному тифу был зафиксирован прирост сразу в три раза [Тюремный вестник: 1908, № 10, с. 688]). В начале же ноября с трактов стали поступать лихорадящие пересыльные арестанты (т. е. такие, которые должны были находиться в тюрьме лишь временно, а именно: ссыльнопоселенцы; лица, высылаемые по приговорам обществ и распоряжениям административных властей; лица, добровольно следующие за ссыльными; арестанты всех категорий, препровождаемые куда-либо по распоряжениям судебных или административных властей, не исключая и тех из ссыльнокаторжных, относительно высылки которых в другое место заключения начальником тюрьмы уже получено соответствующее распоряжение [Четвертакова: 204]). После врачебного

осмотра у таких арестантов признавали наличие тифа. С начала заболеваний по 28 ноября 1908 г. было зафиксировано 162 заболевания сыпным тифом, на которые пришлось 133 случая выздоровления и 23 смерти (летальность — 14 %), и 145 — возвратным (136 выздоровевших и 2 умерших; летальность — 1 %) [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 1]. Такое развитие событий в целом совпадало с общероссийской картиной [Тюремный вестник: 1909, № 1, с. 45].

В этот момент тиф перешёл с пересыльных арестантов на надзирателей тюрьмы, а чуть позже, в начале декабря, заболевания стали выявлять в главном корпусе, причём сразу от 9 до 18 случаев за сутки [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 18]. При общем числе арестантов и проследовавших с ними в места заключения лиц в пределах 450—550 (значение колебалось вследствие ухода и прихода партий пересыльных), с учётом уже приведённых данных о том, что высоким уровнем заболеваемости является 1 выявленный случай на 1000 человек, мы можем говорить о том, что эпидемическая ситуация в Курской губернской тюрьме стала крайне напряжённой.

Для выяснения причин, способствовавших данному событию, 13 декабря был произведён осмотр тюремной больницы и исправительных помещений [Там же: л. 14], по результатам которого и. о. губернского тюремного инспектора направил рекомендации начальнику Курской губернской тюрьмы:

- произвести тщательную дезинфекцию всех тюремных помещений, а также дезинфицировать бельё тифозных больных, отхожие места;

- увеличить на время эпидемии число больничных служителей (например, фельдшер Лясин не имел достаточного опыта работы для текущих условий и потому не мог действовать в случаях отсутствия на месте врача [Там же: л. 75 об.]);

- проветривать все камеры во время прогулок арестантов (притом заключённых выводили на прогулки лишь один раз в день в течение десяти минут, а в праздничные дни и в дни посещения бани, которые случались три раза в две недели, они оставались вообще без прогулок [Там же: л. 30]);

- помощнику начальника тюрьмы производить с фельдшером ежедневные обходы всех камер для выделения подозрительных по тифу;

- не допускать общения пересыльных арестантов, находящихся в отдельном корпусе, с арестантами других категорий;

- ни в коем случае не отправлять больных на этап;

- выдать постельное бельё в больницу [Там же: л. 16 об. — 17] (бельё было выделено из запаса; также на заготовку принадлежностей для больницы было экстренно отпущено 500 р. [Там же: л. 19]).

Накануне предписания были даны и тюремному врачу М.С. Семёнову. Пункты в большинстве своём совпадали; из отличного мы выделим следующее:

- необходимость перевода всех больных в губернскую земскую больницу ввиду совершенного переполнения тюремной больницы (при 10 койках в заразном отделении на 16 декабря — 28 больных сыпным тифом, 33 подозрительных по нему и 27 выздоравливающих [Там же: л. 6 об.]) (почти сразу же смогли перевести 20 больных [Там же: л. 19]);

- производство всех дезинфекционных мероприятий осуществлять только в присутствии врача.

В целом данные рекомендации соответствовали циркуляру Главного тюремного управления о правилах проведения санитарных мероприятий и способах предупреждения эпидемий, разосланному ещё 22 августа 1884 г. в связи с опасностью проникновения в Россию холеры вместе с инструкцией по дезинфекции помещений российских тюрем, платья, белья, мягких постельных принадлежностей заключённых [Хабриев, Спасенников, Пертли, Копыткин: 791], и «Правилам для борьбы с сыпным тифом», утверждённым Высочайше учреждённой комиссией о мерах предупреждения и борьбы с чумной заразой (с 22 апреля 1904 г. занималась также принятием мер по предупреждению и борьбе с тифом, дизентерией,

оспой и другими острозаразными болезнями в случае их развития до масштабов эпидемии) ещё 28 июля 1908 г. Пятый параграф данного документа был специально посвящён мерам против сыпного тифа в тюрьмах [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 15350, л. 41]. Периодически выходили циркуляры Главного тюремного управления губернаторам, начальникам областей и градоначальникам, повторявшие о необходимости немедленного разделения больных и здоровых арестантов, обязательных дезинфекций тюремных помещений и медосмотров пересыльных перед отправкой и после прибытия [Тюремный вестник: 1909, № 3, с. 264—265; Тюремный вестник: 1909, № 6—7, с. 686—688]. Последнее было крайне необходимо из-за частых случаев пересылки арестантов, не прошедших перед отправкой на этап медицинский осмотр, о чём можно судить по отсутствию в их открытых листах соответствующих отметок, из-за нерадения медработников на местах и из-за скрытности заключённых, у которых уже появлялись первые, слабо заметные, признаки заболевания, но которые предпочитали по каким-либо личным причинам покинуть своё текущее место пребывания вместе с группой пересыльных [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13285, л. 61, об. 62].

18 декабря курский губернатор экстренно сообщил Главному тюремному управлению о принятии мер, дополнительных к указанным:

— 10 незаразных больных переведены в особое помещение, а 30 коек этого отделения добавлены к десяти местам в инфекционной части;

— вместо воды утром и вечером стали выдавать чай [Там же: д. 13284, л. 19] (хотя, как мы видим из характеристики форм болезни, это могло как-то помочь только для остановки распространения брюшного тифа, в то время как в тюрьме его вообще не было, а доминирующим был тиф сыпной).

22 декабря начальник тюрьмы рапортовал курскому губернскому тюремному инспектору о выполнении предписанных мер. Также было добавлено сжигание соломы из арестантских тюфяков, т. к. там могли остаться вши (кстати, их роль в переносе возбудителей тифа была окончательно установлена только в следующем, 1909-м, году отечественным микробиологом и эпидемиологом Н.Ф. Гамалеей [Позднякова: 19]). Число коек в больнице было увеличено до пятидесяти, а ещё 60 коек выделили в нижних этажах главного корпуса для подозрительных по тифу и выздоравливающих [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 42, об. 43].

В этих же числах состоялась переписка по поводу ещё одного важного фактора, влияющего на распространение тифа — рациона арестантов (информации по этому поводу за более позднее время не сохранилось) — между тюремным врачом, в чьи обязанности входил приём продуктов питания, поступающих в тюрьму [Косиков: 63—64], и курским губернским тюремным инспектором. Первый жаловался на то, что заключённым готовят из мёрзлой капусты, и просил заменить её качественной [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 46, 46 об.], а также просил разрешение заменить пшённую кашу гречневой хотя бы на две недели ввиду того, что при эпидемии необходимо усиленное питание, но достаточного количества пшеницы в тюрьме не имеется. На последнюю просьбу поступил ответ, что начальник тюрьмы имеет право на такую замену и что она не выходит за рамки табели [Там же: л. 48—49]. Таким образом, данный вопрос решался в пользу количественного увеличения выдаваемой пищи, а не его качественного разнообразия (в тюрьме в принципе поступали только пшённая и гречневая крупы, а из овощей — картофель и капуста [Косиков: 64]; сокращения произошли в рамках общих ограничительных изменений в пенитенциарной системе после завершения революции в 1907 г. [Косиков: 85], и, как мы видим, из-за эпидемии никакой добавки к этому скудному набору продуктов не произошло).

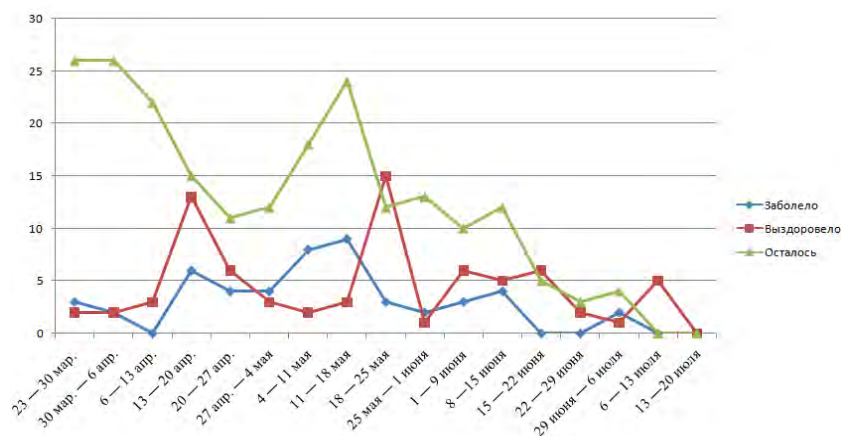
Январь 1909 г. стал для Курской губернской тюрьмы очень напряжённым месяцем, причём не только из-за взрывного роста числа заболевших, но и из-за кадровой чехарды, которая не могла не повлиять на данный процесс. Так, 15 января 1909 г. был нанят ротный фельдшер Изосим Денисович Амсин. Данная

необходимость возникла из-за неявки на работу по неустановленной причине фельдшера Газина, принятого на работу вместо двух штатных фельдшеров, заболевших тифом [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 75—75 об.]. 17 января коллежский советник Семёнов, который, как уже было отмечено, замещал должность врача Курской губернской тюрьмы, ушёл по собственному желанию, не выдержав текущего момента, оставшись по месту своей основной работы помощником курского губернского врачебного инспектора. Его сменил человек, также пришедший из военной сферы (других желающих не находилось) — младший врач 123-го пехотного Козловского полка коллежский асессор Жданов [Тюремный вестник: 1909, № 2, с. 132] (т. е. специалист более низкой категории по сравнению со своим предшественником). 20 января тюрьма лишилась руководства из-за смерти своего начальника, коллежского советника Колмакова (нет сведений о том, что она была вызвана тифом) и ухода по собственному желанию его помощника, коллежского регистратора Басевича. Вместо последнего, правда, был сразу назначен сверхштатный помощник начальника Курской губернской тюрьмы Олимпиев [Тюремный вестник: 1909, № 2, с. 132]; первого же лишь спустя две недели сменил помощник I разряда начальника Полтавского исправительного арестантского отделения титулярный советник Троцкий [Тюремный вестник: 1909, № 3, с. 248].

Лишь 29 января было принято решение относительно пересылки арестантов в тюрьмы Курской губернии (в это время завозные случаи тифа отмечались также в Дмитриевской [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13285, л. 13] и Льговской [Там же: д. 13284, л. 16] уездных тюрьмах). Однако перевод арестантов в местные тюрьмы не ограничивался полностью: оставлялась возможность осуществлять его «в исключительных случаях» [Там же: л. 93].

23 февраля 1909 г. вышел циркуляр Главного тюремного управления на имя губернаторов, начальников областей и градоначальников за № 5 «О доставлении в Главное тюремное управление срочных сведений о тифозных заболеваниях в местах заключения, предписывавший начальникам мест заключений доставлять каждый понедельник по прилагаемым формам сведения о ходе тифозной эпидемии (особенно подробно — о вновь заболевших (с указанием Ф.И.О., категорий арестантов и мест, где произошло их заражение)). Сведения по тюрьмам Курской губернии доставлялись в Главное тюремное управление и, одновременно, губернскому тюремному инспектору [Тюремный вестник: 1909, № 3, с. 265—269]. В Государственном архиве Курской области первый отложившийся по данным формам отчёт датируется 30 марта [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 169—169 об.].

*Динамика развития эпидемии сыпного тифа
(по данным еженедельных отчётов
начальника Курской губернской тюрьмы)*

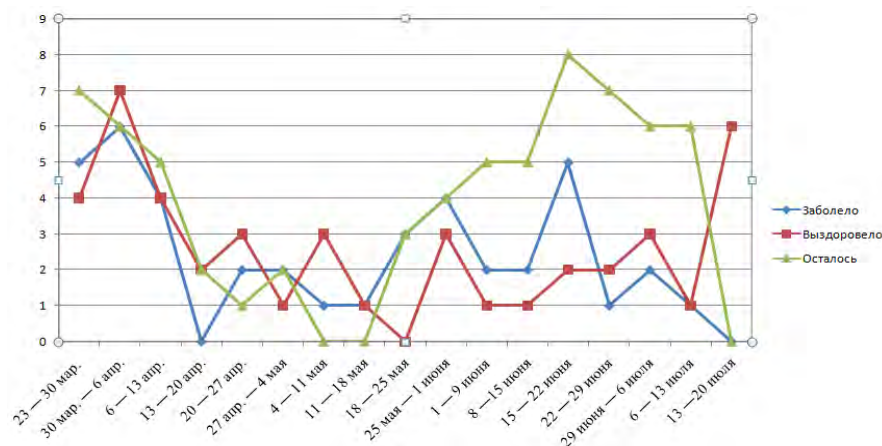
Из диаграммы видно, что в течение апреля эпидемия шла на спад, но в период с 4 по 11 мая вновь заболело 9 человек (только четвёртого числа — четыре новых случая [Там же: л. 208]), что в полтора раза превысило уровень заболеваемости трёх предшествующих недель; общее количество заболевших сыпным тифом выросло за этот период в два раза.

Данное событие вызвало ответную реакцию тюремного отделения Курского губернского правления, которое 13 мая обязало начальника Курской тюрьмы более тщательно относиться к уже давно предписанной дезинфекции камер [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 211]. Мера возымела действие, и положительная тенденция победила: последние 4 заключённых заболели на неделе с 8 по 15 июня, после чего четыре недели подряд не фиксировалось ни одного случая. К 20 июля данная эпидемия сыпного тифа завершилась. Летальность с середины марта по середину июля составила 6 %, что было более чем в 2 раза меньше по сравнению с данными с марта по 28 ноября 1908 г. и со средними показателями при терапии без применения антибиотиков.

Одновременно с этим подошла к концу и история распространения возвратного тифа. У заболеваний данной формы тоже фиксировался всплеск после затухания, но произошёл он чуть позже (в середине мая — середине июня) и не вызвал применения особых мер ввиду небольшого количества текущих случаев (не более 8 за отчётный период). Летальность с середины марта по середину июля составила <5 %, т. е. тоже примерно в два раза была меньше средних значений при терапии без антибиотиков (однако это означало, что в случае с возвратным тифом, наоборот, произошёл почти пятикратный рост данного показателя по сравнению с данными с марта по 28 ноября 1908 г.).

Завершение эпидемии в Курской губернской тюрьме, как и её начало, совпало по времени с теми же процессами, происходившими в тюрьмах в масштабах всей Российской империи [Тюремный вестник: 1909, № 8—9, с. 824—825].

*Динамика развития эпидемии возвратного тифа
(по данным еженедельных отчётов
начальника Курской губернской тюрьмы)*

Что касается надзирателей, которые начали заболевать тифом раньше, чем местные арестанты, то эпидемия в их среде, достигнув пика ещё в середине января (14 текущих случаев на 18-е число при двух задокументированных смертях 12 и 13 января соответственно [ГАКО: ф. 33, оп. 2, д. 13284, л. 67—68]), пошла на спад. Со второй половины апреля по начало июня в отчётах фигурировал один больной данной категории, к которому затем присоединились ещё два, но они быстро поправились. К концу июня заболевания тифом среди надзирателей прекратились.

[Там же: л. 279]. Статистика с разделением заболеваний надзирателей по формам тифа не велась.

К факторам, способствовавшим более быстрому перелому в течении эпидемии среди надзирателей по сравнению с арестантской эпидемией, мы относим их более качественное обеспечение предметами первой необходимости и продуктами питания и тот факт, что для оказания медицинской помощи надзиратели изначально переводились в Курскую губернскую земскую больницу без предварительного помещения в малое по размерам заразное отделение тюремной больницы.

Анализ недельных отчётов также позволил приблизительно (ввиду неполноты сведений такого рода) установить, что до середины марта 1909 г. подавляющее большинство вновь заболевших составляли пересыльные арестанты (из 12 подробно описанных случаев лишь два (около 17 %) пришлось на арестантов, пересланных в пределах губернии), после чего ситуация резко начала меняться: до конца эпидемии — около 14 % завозных случаев от их общего числа, из которых один произошёл с арестантом, пересланным из Курского полицейского управления.

Передышка продлилась три с половиной месяца. 9 ноября у пересыльного арестанта Стефана Андреевича Лахтионова был обнаружен тиф. Однако в Курской губернской тюрьме были вновь осуществлены противотифозные мероприятия, которые были даже несколько строже, чем раньше, например, во время эпидемии 1908—1909 гг., особенно в отношении пересылок арестантов, которые периодически прекращались. В конечном итоге это помогло удержать ситуацию под контролем.

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что эпидемия тифа в Курской губернской тюрьме прошла через все фазы, выделяемые в современной эпидемиологии: от фазы резервации, в которой фиксируются лишь единичные завозные случаи (март — конец ноября 1908 г.), через фазы эпидемического преобразования, когда происходит экспоненциальный рост количества случаев (и они имеют в основном местное происхождение) и эпидемического распространения, когда прирост количества новых заболевших постепенно замедляется и прекращается (декабрь 1908 — март 1909 г.), к фазе резервационного преобразования, в которой происходит деградация эпидемии [Суцевич, Линкевич: 48—49] (с некоторым отклонением в виде вспышки, произошедшей в начале мая 1909 г.). При этом сроки протекания эпидемии в Курской губернской тюрьме в целом совпали со сроками общероссийской тюремной эпидемии тифа. Преобладающей формой стал сыпной тиф. Летальность держалась ниже средних значений при терапии без антибиотиков, но при этом по сыпному тифу она постепенно снижалась, а вот по возвратному выросла незадолго до окончания эпидемии. Рекомендации по борьбе с эпидемией тифа Главного тюремного управления и местных чинов были ориентированы на скорейшее отделение больных арестантов от здоровых, тщательную дезинфекцию всех тюремных помещений и обязательный осмотр заключённых, прибывающих с этапов и уходящих на них. При этом временные ограничения на прохождение этапов через Курскую губернию стали лишь второстепенной мерой в деле борьбы с тифозной эпидемией 1908—1909 гг.

Список источников

- Богомоллов Б.П. Сыпной тиф // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/sypnoi-tif-f964a0> (дата обращения: 31.10.2025).
Брюшной тиф. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/typhoid> (дата обращения: 31.10.2025).
Государственный архив Курской области (ГАКО).

Санин Б.И. Вшинный возвратный тиф // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vshinyi-vozvratnyi-tif-4d6db4> (дата обращения: 31.10.2025).

Тюремный вестник.

Список литературы / References

- Агабекян А.Л. Пандемия COVID-19 в местах лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 5—19.
(Agabekian A.L. The COVID-19 pandemic in prisons, *Bulletin of Tomsk State University. Law*, 2021, no. 42, pp. 5—19. — In Russ.)
- Брылякова Е.С. Практика обращений лиц, заключённых под стражу, и осуждённых, отбывающих наказание в виде лишения свободы, о нарушении гражданских и иных частных прав в связи с COVID-19 // Вестник Кузбасского института. 2020. № 4 (45). С. 141—148.
(Bryliakova E.S. The practice of complaints from persons in custody and convicts serving sentences of imprisonment about violations of civil and other private rights in connection with COVID-19, *Bulletin of Kuzbass Institute*, 2020, no. 4 (45), pp. 141—148. — In Russ.)
- Косиков А.Н. История и особенности арестантского быта в тюрьмах Российской империи в межреволюционный период (1907—1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 187 с.
(Kosikov A.N. The history and peculiarities of convict life in prisons of the Russian Empire in the interrevolutionary period (1907—1917): dis. ... Candidate of Sciences (History), Mytishchi, 2020, 187 p. — In Russ.)
- Насреддинова К.А. Сравнительный анализ работы пенитенциарных учреждений в Великобритании и России в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 2 (43). С. 57—63.
(Nasreddinova K.A. Comparative analysis of the work of penal institutions in the UK and Russia during the spread of coronavirus infection (COVID-19), *Bulletin of Samara Law Institute*, 2021, no. 2 (43), pp. 57—63. — In Russ.)
- Позднякова А.С. Организация борьбы с эпидемией сыпного тифа в Вятке в 1918—1920 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 17—28.
(Pozdniakova A.S. Organization of typhus epidemic control measures in Vyatka in 1918—1920, *Historical Journal: Scientific Researches*, 2018, no. 6, pp. 17—28. — In Russ.)
- Сущевич В.В., Линкевич А.А. Популяционный иммунитет к вирусу SARS-COV-2 в рамках теории саморегуляции эпидемического процесса // Здоровоохранение. 2022. № 12. С. 42—51.
(Sushchevich V.V., Linkevich A.A. Population immunity to SARS-COV-2 virus in the framework of the theory of self-regulation of the epidemic process, *Healthcare*, 2022, no. 12, pp. 42—51. — In Russ.)
- Хабриев Р.У., Спасенников Б.А., Пертли Л.Ф., Копыткин С.А. Развитие гигиены и санитарии в пенитенциарной системе России (конец XVIII — начало XX века) // Гигиена и санитария. 2017. № 8 (96). С. 789—792.
(Khabriev R.U., Spasennikov B.A., Pertli L.F., Kopytkin S.A. Development of hygiene and sanitation in the Russian penitentiary system (late 18th — early 20th century), *Hygiene and Sanitation*, 2017, no. 8 (96), pp. 789—792. — In Russ.)
- Четвертакова И.В. Порядок и условия отбывания наказания в местах лишения свободы в конце XIX — начале XX в. (на примере Калужской губернии) // Образование и право. 2024. № 3. С. 202—205.
(Chetvertakova I.V. The order and conditions of completion in places of deprivation of liberty in the late XIXth — early XXth century. (on the example of Kaluga province), *Education and Law*, 2024, no. 3, pp. 202—205. — In Russ.)

Шаламов В.А. Роль пенитенциарной системы в распространении заразных заболеваний в Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2025. Т. 52. С. 19—25.

(Shalamov V.A. The role of the penitentiary system in the spread of infectious diseases in Eastern Siberia in the late 19th — early 20th centuries, *Izvestiya of Irkutsk State University. Series: History*, 2025, vol. 52, pp. 19—25. — In Russ.)

THE FIGHT AGAINST TYPHUS IN THE KURSK PROVINCIAL PRISON IN 1908—1909

Aleksandr S. Karachevtsev

Kursk State University, Kursk, Russian Federation, alekkara99@yandex.ru

Abstract. Since 2020 our world has been experiencing upheavals associated with the emergence of a new coronavirus infection and its development to the scale of the pandemic. Against this background they began to pay more attention to other infectious diseases whose outbreaks periodically occur in a particular region of the world. During the pandemic groups of people who have been in an enclosed space for a long time without the possibility of prolonged exposure to fresh air have become the most vulnerable. Prisonmates have become one of these social groups. In his article the author turned to the experience of the past in epidemic control measures within a single prison. The files of the State Archive of Kursk Oblast (SAKO) containing information about the course of the typhoid epidemic in Kursk governoratal prison in 1908—1909 as well as issues of *Turemny Vestnik (Prison Bulletin)* for the same time period are analyzed. The time intervals of the epidemic's passage through successive phases identifying by a modern epidemiology and the predominance of typhus over its other forms are established; mortality rates are calculated. The main groups of recommendations for control of the typhus epidemic by the General Prison Administration and local officials associated with health care system and penitentiary institution are identified. It was found that the time restrictions on the passage of stages through Kursk Governorate became only a secondary measure in typhoid epidemic control measures in 1908—1909.

Keywords: typhus, relapsing fever, typhoid fever, epidemic, Kursk governoratal prison, General Prison Administration

For citation: Karachevtsev A.S. The fight against typhus in the Kursk Provincial Prison in 1908—1909, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 113—121.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 16.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Карачевцев Александр Сергеевич — аспирант, Курский государственный университет, Курск, Россия, alekkara99@yandex.ru

Karachevtsev Aleksandr Sergeevich — Postgraduate student, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, alekkara99@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 122—135.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 122—135.

Научная статья

УДК 343.21:340.13:94(47)“1920”

EDN <https://elibrary.ru/sqxlrsv>

DOI 10.46726/И.2026.3.14

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА (К 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР 1926 г.)

Ирина Борисовна Степанова, Ольга Владимировна Соколова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,

Россия, kiddy2006@yandex.ru, sokolovaov@ivanovo.ac.ru

Аннотация. К 100-летию юбилею Уголовного кодекса РСФСР 1926 года авторы настоящей статьи осуществили историко-правовой анализ второго в истории нашей страны кодифицированного уголовного закона. На основании изучения нормативных документов, материалов публикаций и стенограмм 1920-х годов, а также современной литературы обозначены политические, социально-экономические, идеологические и правовые причины и предпосылки принятия данного кодекса. В статье дана краткая характеристика концептуальных положений, повлиявших на содержание УК РСФСР 1926 года; описан процесс его разработки и принятия.

Авторы приходят к выводу, что оценка данного исторического документа весьма противоречива. С одной стороны, он имел очевидные отрицательные черты: был чрезмерно идеологизирован, направлен на осуществление классово-дифференцированной уголовной политики; допускал применение закона по аналогии; отрицал традиционные понятия вины, наказания; основанием ответственности считал не только совершение преступления, но и опасное состояние личности. Все это создало легальную основу для политических репрессий 1930-х годов. С другой стороны, констатируются безусловные достоинства уголовного кодекса: модернизация законодательной техники, прогрессивный характер норм о малозначительности деяния, необходимой обороне, смягчающих и отягчающих обстоятельствах, защите прав женщин и др. Отмечается большое значение УК РСФСР 1926 года для становления и развития советского уголовного законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс 1926 года, меры социальной защиты, опасное состояние личности, социологическая школа, уголовная ответственность

Для цитирования: Степанова И.Б., Соколова О.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства в 20-х годах XX века (к 100-летию принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 122—135.

В 2026 году исполняется 100 лет со дня принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Этот нормативный акт стал вторым кодифицированным уголовным законом в истории нашей страны. Работа над его разработкой началась через весьма короткое время (всего спустя три года) после принятия первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, в связи с чем закономерно возникает вопрос о причинах и предпосылках, вызвавших необходимость столь скорого реформирования уголовного закона. Какие экономические, политические и законотворческие события повлияли на принятие такого решения и содержание нормативного акта?

На уголовно-правовую политику государства, в первую очередь, оказывают влияние политические и социально-экономические условия, сложившиеся в стране, которые определяют приоритетные задачи уголовно-правового регулирования, особенности криминализации деяний, систему средств уголовно-правового воздействия.

Вопрос о реконструкции кодекса в середине 20-х годов XX века встал, прежде всего, в связи с изменением политической и экономической ситуации в государстве. Завершилась гражданская война, политика военного коммунизма, схлынула волна террора, были подавлены стихийные народные восстания. Задачи, которые стояли перед Уголовным кодексом РСФСР 1922 года, а именно подавление свергнутых классов и оборона страны от внешних противников, были решены. Актуальными для государства стали другие цели, связанные с укреплением политического строя, обеспечением крупномасштабных экономических проектов. Поэтому необходима была и трансформация уголовной политики страны.

С введением в 1921 году новой экономической политики начались преобразования в индустриальной сфере: финансовая реформа, которая восстановила в стране нормальное денежное обращение, началось кооперативное движение. Новая экономическая политика позволила к 1926 году достигнуть довоенного уровня выпуска промышленной продукции, преодолеть разруху, улучшить условия жизни, повысить уровень благосостояния населения страны, которое «перестало находиться в состоянии перманентного стресса» [Калашникова: 61]. Была отменена всеобщая трудовая повинность и введен свободный наем рабочей силы.

На фоне улучшения экономического положения и относительной стабилизации социально-политических процессов криминогенная обстановка в стране меняется в лучшую сторону. Период с 1920 г. по 1923 г. характеризуется «сравнительной стабильностью общей кривой преступности» [Герцензон: 17—18]. Изменилась и качественная характеристика преступности: сокращается число преступлений государственных, хозяйственных и имущественных, растут должностные преступления и мелкие деликты. «Динамика и структура преступности свидетельствовали об общем снижении опасности криминогенной ситуации» [Калашникова: 62].

Жесткая карательная политика, которая была заложена в УК РСФСР 1922 г., уже была неприемлема — она привела к переполнению мест лишения свободы. В подтверждение данного тезиса И.В. Упоров приводит следующие цифры: «на ноябрь 1919 года в РСФСР в лагерях содержалось 16 тысяч заключенных; ... а к октябрю 1924 года в местах заключения находилось 78 тысяч человек» [Упоров: 354, 390]. На такое количество заключенных, отмечает автор, имеющихся мест в исправительных учреждениях не хватало [Там же: 390].

Широкое применение лишения свободы дорого обходилось государству, причиняло серьёзный ущерб хозяйственной жизни страны, так как вырывало из нее работоспособных людей. Постепенно в политических кругах приходило понимание необходимости применения принципа экономии уголовной репрессии.

Е.Г. Ширвиндт (начальник Главного управления мест заключения Центрального исправительно-трудового отдела Наркомюста РСФСР, Главного управления конвойной стражи НКВД РСФСР) отмечал, что для решения проблемы чрезмерного переполнения мест заключения было задействовано условно-досрочное освобождение, введенное УК РСФСР 1922 г. и дававшее право специальным комиссиям освобождать вставших на путь исправления осужденных по отбытии ими определенного минимального срока. Вместо поощрительной меры условно-досрочное освобождение превратилось в механически применяемое общее правило. Еще

одной мерой борьбы с проблемой переполнения мест заключения Е.Г. Ширвиндт называл амнистию и относился к такому ее применению критически. В действительном смысле слова амнистия, с точки зрения государственного деятеля, должна быть политическим актом, связанным с «определенными моментами продвижения государства по пути социалистического строительства» [Ширвиндт 1926].

Заместитель народного комиссара юстиции РСФСР, заместитель прокурора РСФСР Н.В. Крыленко указывал, что назначаемые на практике длительные сроки оказывались фиктивными, а процессы, происходящие в пенитенциарной системе, представляли собой «систематическую загрузку и систематическую же разгрузку тюрем постановлениями административных органов» [Крыленко 1925b]. Места лишения свободы, отмечал председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров, были переполнены, несмотря на проводимые амнистии и условно-досрочное освобождение осужденных [Винокуров].

Положение в пенитенциарных учреждениях к середине 1920-х гг. сложилось настолько сложное, что государство не могло на это не реагировать. Нужна была законодательная либерализация уголовно-правового воздействия на преступность, что и было осуществлено в УК РСФСР 1926 г.

Принятие УК РСФСР 1926 года, отмечал Е.Г. Ширвиндт, должно было нанести серьезный удар «перепроизводству наказаний», «фетишизму решеток» [Ширвиндт 1926], смягчить карательную политику.

Объективной предпосылкой разработки нового Уголовного кодекса стало создание в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик [Договор об образовании Союза...] и последовавшее за этим принятие в 1924 г. Основного Закона (Конституции) СССР, в котором была заложена идея о «необходимости обеспечения единства уголовно-правовой борьбы с важнейшими категориями преступлений, а также установление в законодательном порядке общих принципов и положений советского уголовного права, единых для всего Советского Союза» [Уголовное право...: 129].

Конституция СССР предусматривала принятие основ уголовного законодательства Союза, что было отнесено к предмету ведения верховных органов СССР (п. «п» ст. 1) [Об утверждении Основного Закона...]. 31 октября 1924 года Постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (далее — Основные начала) [Основные начала уголовного законодательства...]. Это был первый общесоюзный нормативный акт, регулировавший уголовно-правовые отношения. С этого момента советское уголовное законодательство состояло из общесоюзного и республиканского.

Основные начала регламентировали вопросы исключительно Общей части уголовного права, т. е. определяли базовые понятия, институты, основания уголовной ответственности и другие значимые положения. Этот документ не содержал перечня видов преступлений и мер уголовно-правового воздействия, применяемых за их совершение. Эти вопросы относились к компетенции республиканского законодательства, за исключением государственных и воинских преступлений, которые считались наиболее общественно опасными (ст. 3 Основных начал). Отдельные положения УК РСФСР 1922 года не соответствовали содержанию Основных начал. Поэтому необходим был пересмотр Уголовного кодекса, согласование его норм с общесоюзным законодательством [Ширвиндт 1925].

Кроме того, видные государственные деятели и известные ученые того времени обвиняли УК РСФСР 1922 года в том, что его содержание было идеологически невыдержанным, он был наполнен буржуазными понятиями, чуждыми

советскому уголовному праву (наказание, вина, кара) [Крыленко 1925b]. Кодекс был эклектичным, некоторые его положения базировались на противоположных идеях социологической и классической школ уголовного права. Объяснялось это тем, что УК 1922 года принимался в короткие сроки, и это был первый опыт создания кодифицированного нормативного акта в области уголовного права. Шла напряженная работа по «ревизии» дореволюционных уголовно-правовых теорий, по обобщению и упорядочению нормативной базы, созданной в спешке после революции. Необходимость переработки УК РСФСР 1922 г. диктовалась и тем обстоятельством, что «кодекс был написан языком в высшей степени тяжелым и мало понятным широким трудовым массам» [Крыленко 1925b].

Все вышеназванные факторы повлияли на принятие решения о переработке Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Сначала планировалось принять новую редакцию действовавшего уголовного закона, но масштаб внесённых изменений был настолько велик, что фактически получился новый кодекс, по ряду положений существенно отличавшийся от предыдущего.

Проект нового Уголовного кодекса был разработан коллегией Народного комиссариата юстиции РСФСР под руководством Д.И. Курского к декабрю 1924 года, в первой половине 1925 года дорабатывался и к июлю был окончательно одобрен и опубликован. В целом работа над ним продолжалась более полутора лет. В октябре 1925 года Совет народных комиссаров РСФСР внес данный проект на рассмотрение второй сессии ВЦИК РСФСР XII созыва [Крыленко 1925а: 1239].

После обстоятельного обсуждения проект был утвержден, но некоторые его положения противоречили Основным началам 1924 года, поэтому Президиуму ВЦИК РСФСР было поручено войти в ЦИК СССР с предложением об изменении ряда статей Основных начал. Введение в действие УК РСФСР было отложено. И только спустя год постановлением ВЦИК РСФСР от 22 ноября 1926 г. новый Уголовный кодекс был введен в действие с 1 января 1927 года [О введении в действие Уголовного Кодекса...].

Вновь принятый кодекс так же, как и УК РСФСР 1922 года, сохранил пандектную систему построения, то есть состоял из Общей и Особенной частей, несмотря на то, что перед его принятием некоторые государственные деятели и ученые предлагали отказаться от Общей части, в связи с принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. [Прения по докладу тов. Крыленко...].

Большое влияние на отечественное уголовное законодательство начала XX века, в том числе на Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, оказала социологическая школа, появившаяся в зарубежной уголовно-правовой науке в 70-е годы XIX века, сместившая акценты с преступления на преступника и воспринимавшаяся в тот период времени как прогрессивное направление. Итальянский ученый Энрико Ферри создал теорию социальной защиты, согласно которой главным очагом опасности для общества, причиной преступного поведения является опасное состояние личности. Устранить это состояние с помощью уголовного наказания, являющегося по сути карой, воздаянием за совершенное преступление, невозможно. Поэтому усилия общества в противодействии преступности должны быть сконцентрированы на мерах социальной защиты от опасных элементов. Орудиями такой защиты ученый избирает традиционные, давно известные уголовному праву средства (лишение свободы, ссылку и т. п.), однако цель их применения кардинально меняется: не устрашение и исправление, а изоляция совершивших преступление лиц, лишение их возможности совершить новые преступления и причинить вред обществу [Иншаков: 64].

В отечественной уголовно-правовой доктрине теория социальной защиты взяла верх в 20-х годах XX века. Поэтому в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года для обозначения мер уголовно-правового воздействия наряду с наказанием было введено понятие «меры социальной защиты». А из Уголовного кодекса РСФСР 1926 года уже полностью был исключен термин «наказание», который прочно ассоциировался с возмездием, признававшимся буржуазным атавизмом, чуждым социалистическим взглядам. Эта замена терминов считалась большим прогрессом и интерпретировалась как окончательный переход от карательного правосудия к социальной защите.

Н.В. Крыленко основную руководящую идею Уголовного кодекса РСФСР 1926 года определял следующим образом: «... наш суд есть орудие самозащиты пролетарского государства от классовых врагов, с одной стороны, и неустойчивых элементов из своей среды — с другой.... Эта идея вложена в самый термин “меры социальной защиты”, которым мы заменили термин “наказания”» [Крыленко 1928b: 661].

Категорически отрицались возмездие, кара, устрашение. Н.В. Крыленко писал, что даже расстрелом преследуется задача самозащиты путем уничтожения врага. «Практика столетий показала, в том числе практика всех революций, и практика инквизиций, что действительный классовый враг не боится репрессий, он только уходит в подполье, а это только усложняет борьбу с ним... Устрашение в известной мере нужно для обывателя, но не нужно переоценивать его значение... Для воздействия на шатающиеся, колеблющиеся элементы из среды трудящихся можно и должно найти иные пути общественно-политического воздействия» [Там же: 662]. Государственный деятель считал, что «в основу уголовной политики должна быть положена задача достижения двух целей: 1) обезопасения общества от его врагов и деклассированных преступных элементов из своей среды и 2) исправление поддающихся таковому и общественного воздействия на остальных путем принятия воспитательно-политических мер» [Там же].

УК 1926 г. предусматривал три вида мер социальной защиты: судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. Меры медицинского характера применялись в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии душевной болезни или заболевших психическим расстройством к моменту вынесения приговора, меры медико-педагогического характера — в отношении несовершеннолетних. К иным лицам, совершившим преступные деяния или представлявшим опасность для общества, следовало применять меры социальной защиты судебно-исправительного характера.

В статье 20 УК 1926 г. была выстроена иерархическая система из четырнадцати мер судебно-исправительного характера, начиная с «объявления врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и обязательным изгнанием из его пределов» (самая строгая мера) и заканчивая «возложением обязанности загладить причиненный вред» (самая мягкая мера). Большинство из этих мер имели карательный элемент и содержательно воспроизводили наказания (лишение свободы, принудительные работы, конфискация имущества, денежный штраф и др.). Расстрел не был включен в систему этих мер и именовался в статье 21 УК как «исключительная мера охраны государства трудящихся».

Следует заметить, что сами разработчики Уголовного кодекса 1926 г., отвечая на упреки в приверженности идеям итальянской школы Энрико Ферри, отмечали, что «дело обстоит не так. Разница нашей постановки от постановки Ферри в том, что под нашу практическую систему мы подводим все-таки совершенно иную теоретическую марксистскую базу. Никогда Ферри и итальянская школа

не разделяли идеи классовой борьбы; никогда они не рассматривали репрессии и системы уголовной политики как средство политического воздействия одного господствующего класса на другой... Отсюда различие и в практических методах ее построения у нас и у Ферри... Мы допускаем расстрел; ... отнюдь не возлагаем больших надежд на результаты исправительного воздействия в отношении классовых врагов...» [Крыленко 1928b: 663]. Между строк приведенного высказывания, на наш взгляд, явно читается мысль о том, что разработчиками Уголовного кодекса 1926 г. была осуществлена компиляция идей марксистско-ленинской теории с некоторыми положениями социологической школы уголовного права, в частности концепции социальной защиты.

История свидетельствует, что законодательный эксперимент по созданию новой правовой конструкции в виде мер социальной защиты не увенчался успехом. Это понятие не прижилось в отечественном уголовном законодательстве, не выдержало проверку временем. Несмотря на кардинальное решение об удалении из УК РСФСР 1926 года понятия «наказание», этот термин продолжал применяться в отдельных нормативных актах Союза ССР и союзных республик в 30-е годы [О дополнении Положения...; О судостроительстве СССР...]. А в конце 50-х — начале 60-х годов в советское уголовное законодательство был окончательно возвращён институт наказания. Как справедливо заметил С.В. Розенко, «попытка “отрицания” наказания продемонстрировала его обязательность и незаменимость» [Розенко: 226].

По мнению Ю.В. Грачёвой и А.И. Чучаева, главная причина замены наказания мерами социальной защиты состояла в том, что «на практике в силу различных обстоятельств появилась необходимость применять принудительные меры к лицам, которые не совершали преступления, но являлись по тем или иным причинам общественно опасными» [Грачёва, Чучаев: 46].

Новый уголовный кодекс сохранил некоторые отрицательные черты УК РСФСР 1922 года.

Прежде всего, УК РСФСР 1926 года, как и предыдущий, был чрезмерно политизирован, идеологизирован, направлен на осуществление классово-дифференцированной уголовно-правовой политики. По справедливому замечанию Ю.В. Грачёвой и А.И. Чучаева, «идеология в нём преобладала над теорией криминализации и пенализации деяний» [Грачёва, Чучаев: 33]. К понятию преступления сохранился классовый подход: преступлением признавалось «общественно опасное действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее общественный порядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК РСФСР). Признак противоправности в дефиниции преступления не упоминался.

Избирательный классовый подход пронизывал и положения УК 1926 г., посвященные назначению мер социальной защиты. Так, в статье 47 указывалось, что отягчающими обстоятельствами являлись «принадлежность в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд», «совершение преступления в целях восстановления буржуазии». А в статье 48 в качестве смягчающего обстоятельства называлось совершение преступления рабочим или трудовым крестьянином.

Руководствуясь идеологическими соображениями, разработчики УК 1926 года пытались отмежеваться от «буржуазного наследия», отказаться от дореволюционного уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины прошлого столетия. Происходила ломка старого буржуазного и создание принципиально нового советского социалистического права. По сути такие действия разрывали

преемственность в развитии законодательства и научной мысли. По оценке современных исследователей, попытка разработать с чистого листа новый социалистический кодекс, в котором бы отсутствовали такие вековые понятия, как «вина» и «наказание» была обречена на провал [Калашникова: 80; Землюков: 69].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, как и в предыдущем, предусматривалась возможность применения уголовного закона по аналогии. Статья 16 нового кодекса закрепляла положение, согласно которому основание и пределы ответственности за общественно опасные действия, прямо не запрещённые кодексом, определялись статьями, которые предусматривали «наиболее сходные по роду преступления». Данная норма предоставляла представителям власти практически безграничные возможности по определению круга преступных посягательств. Институт аналогии противоречил принципу законности, но отменен он был лишь в 1958 году с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Негативной чертой Уголовного кодекса 1926 года, как и предыдущего, было то, что основанием уголовной ответственности он считал не только совершение преступления, но и опасное состояние личности. Согласно статье 7 нового УК меры социальной защиты применялись как в отношении лиц, совершивших общественно опасное действие, так и в отношении тех, кто представлял опасность «по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Данным положением «была создана легальная основа для грядущих репрессий 30-х годов в отношении лиц, преступлений не совершавших, но общественно опасных по различным произвольным оценкам» [Грачёва, Чучаев: 44].

В основу деления Особенной части нового уголовного закона на главы был положен объект посягательства. В соответствии с системой ценностей, заложенной в Конституции СССР 1924 года, фокус был сделан на приоритет уголовно-правовой охраны интересов государства. В первой главе устанавливалась уголовная ответственность за контрреволюционные преступления, во второй — за преступления против порядка управления. Общественно опасные деяния против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности были размещены законодателем в главе шестой кодекса после должностных и хозяйственных преступлений, нарушений правил об отделении церкви от государства. За преступления против личности предусматривались менее строгие виды наказаний, чем за преступления против интересов государства.

УК РСФСР 1926 года, безусловно, имел и позитивные черты.

В борьбе с «гипертрофией наказания» и переполнением мест лишения свободы новый кодекс в более чем 50 случаях вместо лишения свободы устанавливал в качестве меры социальной защиты принудительные работы, расширилась область применения штрафа. По мнению народного комиссара юстиции РСФСР Д.И. Курского, принудительные работы и штраф стали самыми распространенными мерами уголовно-правового воздействия, тогда как по УК РСФСР 1922 года преобладало лишение свободы [Курский].

В целом ряде статей нового уголовного закона были снижены сроки лишения свободы, вместо формулы «на срок не ниже ...» широко применялась другая — «на срок до ...» [Ширвиндт 1925]. В УК 1926 г. иным стало решение вопроса о минимальных сроках лишения свободы (в УК 1922 г. было 6 мес., теперь эту меру социальной защиты можно было назначить на срок от одного дня до десяти лет). Указанные пределы лишения свободы представляли собой самый мягкий вариант из всех уголовных законов, существовавших в истории России. Это обстоятельство, как нам представляется, говорит, хотя бы и формально, об определенной гуманизации уголовно-правовой политики в тот период времени.

УК РСФСР 1926 г. содержал ряд новелл, которые внесли вклад в развитие отечественного уголовного законодательства.

«Укращением» Уголовного кодекса А.В. Наумов считает норму о малозначительности деяния. В примечании к статье 6 было впервые закреплено, что «не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». Наличие такого нормативного предписания делает «честь» уголовному закону любой страны [Наумов: 29]. Оно позволяет не возбуждать уголовные дела о проступках, не имеющих серьезного значения. Данное положение было настолько удачно сформулировано, что осталось практически неизменным в современном уголовном законодательстве.

Шаг вперед, по сравнению с предыдущим кодексом, был сделан в регламентации обстоятельств, которые необходимо было учитывать при определении меры социальной защиты. Данные обстоятельства впервые были дифференцированы на смягчающие и отягчающие (ст. 47 и 48 УК), при этом перечень смягчающих обстоятельств существенно расширен.

Важное дополнение внесено в нормы о необходимой обороне и крайней необходимости: теперь они объявлялись правомерными не только при защите интересов личности и прав обороняющегося или другого лица, но и при защите от посягательств на Советскую власть (ст. 13 УК).

Условное осуждение в новом Уголовном кодексе обоснованно было выведено из числа мер социальной защиты, так как по своей природе таковой не являлось (ст. 53 УК).

Безусловно прогрессивный характер имели нормы Уголовного кодекса, ориентированные на защиту прав женщин. УК 1926 года предусмотрел некоторые особенности уголовной ответственности лиц женского пола. Впервые был установлен запрет на применение расстрела к женщинам, находящимся в состоянии беременности (ст. 22 УК), беременность признана смягчающим обстоятельством, которое необходимо было учитывать при определении меры социальной защиты (ст. 48 УК).

Расширен перечень преступлений, посягающих на права женщин. Впервые введена уголовная ответственность за «понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой» (ст. 154 УК). Чуть позже в 1928 году Уголовный кодекс 1926 г. был дополнен самостоятельной десятой главой, регламентирующей ответственность за преступления, составляющие пережитки родового быта. Большинство статей данной главы также были направлены на защиту интересов женщин. Например, были криминализированы принуждение женщины к вступлению в брак, похищение ее для вступления в брак (ст. 197 УК), вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста или половой зрелости (ст. 198 УК), двоеженство и многоженство (ст. 199 УК) [Веселова: 139].

Советские ученые того периода времени высказывали слова особой похвалы законодательной технике конструирования уголовно-правовых запретов за «небольшие формулировки, избегающие казуистики и дающие простор судейскому усмотрению, а также хороший язык кодекса, без использования специфических терминов» [Чельцов-Бебутов: 545].

Действительно, УК РСФСР 1926 года продолжил модернизацию техники уголовного закона, которая была начата предыдущим кодексом. До 1922 года

законодателем использовался казуистический подход к формулированию видов преступлений. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года насчитывалось более двух тысяч статей, в деталях описывавших преступные деяния. В первых советских уголовных кодексах произошел переход от казуистического способа описания диспозиций уголовно-правовых норм к абстрактному (обобщающему) приему изложения. В итоге в УК РСФСР 1926 года статей Особенной части было в десять раз меньше.

Через два года после принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года был поставлен вопрос о необходимости его переработки, так как уже первый опыт реализации положений нового закона продемонстрировал его очевидные недостатки. Курс на либерализацию уголовной политики, снижение уголовной репрессии, заложенный в УК 1926 г., привёл к тому, что суды часто назначали краткосрочное лишение свободы за незначительные деяния, когда можно было ограничиться другими мерами воздействия. Н.В. Крыленко заметил, что итоги такой уголовной политики свелись к тому, что, «во-первых, подавляющее большинство обитателей наших домов заключения оказалось принадлежащим к трудящему классу», т. е. они не были классовыми врагами, а, «во-вторых, 43 % оказались приговоренными на короткие сроки лишения свободы до 6 месяцев, до года» [Крыленко 1928b: 663]. Такая уголовная политика была названа в корне неправильной. Назначение лишения свободы на несколько месяцев, а иногда даже на несколько недель за незначительные деяния было не только нецелесообразно, но и вредно. «Ни о каком исправительном воздействии в такой срок думать серьезно не приходилось. Никакой конкретной практической цели этим... не достигалось: тюрьмы переполнялись, освобождались, опять переполнялись; определенный процент трудящегося населения, случайно попавшего в тюрьму, переходил в группу явно деклассирующихся элементов, и, кроме социального вреда, такая политика ничего не принесла» [Там же]. Таким образом, практическое применение Уголовного кодекса 1926 года показало, что проблему переполнения мест лишения свободы и «перепроизводства наказаний» он не решил.

Кроме того, новая реформа уголовного законодательства инициировалась для того, чтобы создать Уголовный кодекс, отвечающий практическим потребностям социалистического строительства, помогающий решать новые экономические и хозяйственные задачи. В тот период времени нарастали темпы индустриализации советского государства, нуждающегося в рабочих руках. В отношении лиц, впервые совершивших преступления, предлагалось расширять практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, в частности, принудительными работами, денежным штрафом и др.

Выходом из сложившейся ситуации виделось принятие нового УК. В юридической литературе говорится о трёх проектах, подготовленных в 1928-1930-х годах. Один из них был предложен заместителем наркома юстиции РСФСР, заместителем прокурора РСФСР Н.В. Крыленко; другой разрабатывался Государственным институтом по изучению преступности и преступника, который возглавлял в тот период Е.Г. Ширвиндт; третий создавался группой авторов, в которую входили председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров, Прокурор Верховного Суда СССР П.А. Красиков [Яшук: 214—215].

Все три проекта базировались на социологической школе уголовного права, «откуда проистекало отрицание важнейших принципов уголовного закона, предусматривающих строго формализованные предписания и ограничения» [Яшук: 216]. В двух проектах предлагалось принципиально иное построение системы Особенной части кодекса, при котором санкций в статьях нет, есть лишь типовые меры

воздействия на преступления определенной категории, которые суд мог варьировать по своему усмотрению. Звучала идея полного отрицания «принципа дозирования репрессии», согласно которому, говоря современным языком, в каждой статье Особенной части Уголовного кодекса должны быть определены пределы наказания за конкретное деяние. По мнению Н.В. Крыленко, такой подход «позволял исключить концептуальное расхождение Общей и Особенной частей УК РСФСР 1926 г., возникшее вследствие того, что уголовный закон, отрицая задачу возмездия и кары, заложил при этом в санкции статей принцип соответствия («эквивалента») репрессий тяжести преступления» [Крыленко 1928а: 1177]. Уголовный кодекс, по его мысли, должен быть построен «без аптекарских взвешиваний “сколько заслужил”, без споров и толкований по вопросу о том, сколько кому дать» [Крыленко 1928b: 663]. Проект Н.В. Крыленко предлагал усилить меры репрессии за тяжкие преступления, ввести институт неопределенных приговоров за совершение «социально-опасных преступлений», предоставить пенитенциарным учреждениям право варьировать меры воздействия на осужденных в зависимости от их поведения и личности. Учёные того времени, Н. Немцев и Д. Карницкий отметили, что претворение этого проекта в жизнь создаст реальные гарантии, пресекающие для осужденных возможность продолжения преступной деятельности. Авторы писали: «Вполне понятно, почему привычные сидельцы наших исправительных учреждений очень интересовались содержанием тезисов тов. Крыленко и сложили даже песню о том, что, «от тезисов Крыленки дрожат у нас коленки» [Немцев, Карницкий: 450].

Изложенным выше идеям и проектам не суждено было приобрести форму закона и воплотиться в жизнь. По идейному содержанию и юридической технике проекты были шагом назад по сравнению с УК РСФСР 1926 г. В результате проходивших в тот период времени дискуссий стала очевидной научная несостоятельность и даже вредность концепций, пытавшихся кардинально изменить структуру Уголовного кодекса, отказаться от санкций уголовно-правовых норм. Ю.В. Грачёва и А.И. Чучаев отмечают, что после того обсуждения к вопросу о структуре кодифицированного уголовного закона в уголовно-правовой науке больше никогда не возвращались [Грачёва, Чучаев: 39].

Уголовному кодексу РСФСР 1926 года была предначертана долгая жизнь, он действовал в течение тридцати пяти лет до 1 января 1961 года. На протяжении своего существования кодекс был подвергнут многочисленным изменениям, связанным в основном с усилением уголовной репрессии, так как оказался недостаточно жестким для правящей в тот период времени власти.

Список источников

- Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917—1936. Т. III. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 386 с.
- О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине: постановление ЦИК СССР от 08.06.1934. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16.08.1938. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.
- Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204.
- Прения по докладу тов. Крыленко. Вторая сессия ВЦИК (заседание 21 октября) // Известия Центрального исполнительного комитета Союза С.С.Р. и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1925. 22 окт. № 242 (3173). С. 2.

Список литературы / References

- Веселова А.П. Гендерные аспекты уголовного законодательства советской России в период сталинской диктатуры // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 136—141.
- (Veselova A.P. Gender aspects of criminal legislation of Soviet Russia during the Stalinist dictatorship, *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3 (22), pp. 136—141. — In Russ.)
- Винокуров А.Н. Доклад на пленарном заседании ЦИК Союза ССР 19 апреля 1926 г. // Известия. 1926. 20 апр. № 90 (2721). С. 2.
- (Vinokurov A. N. Report at the plenary session of the Central Executive Committee of the USSR on April 19, 1926, *Izvestia*, 1926, no. 90 (2721), p. 2. — In Russ.)
- Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР: по материалам обследования НК РКИ СССР. М.: Юридическое изд-во, 1928. 162 с.
- (Gerzenzon A.A. The Fight Against Crime in the RSFSR: Based on a Survey by the USSR People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection, Moscow, 1928, 162 p. — In Russ.)
- Грачёва Ю.В., Чучаев А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926: преобладание идеологии над наукой // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конференции с межд. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 33—47.
- (Grachyova Yu.V., Chuchaev A.I. The Criminal Code of the RSFSR of 1926: the predominance of ideology over science, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 33—47. — In Russ.)
- Землюков С.В. Советский УК РСФСР 1926 г. — новаторство или отступление от права // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 60—69.
- (Zemlyukov S.V. The Soviet Criminal Code of the RSFSR of 1926 — innovation or deviation from the law, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 60—69. — In Russ.)
- Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1997. 374 с.
- (Inshakov S.M. Foreign criminology, Moscow, 1997, 374 p. — In Russ.)
- Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 192 с.
- (Kalashnikova A.I. Kalashnikova A. I. Criminal Code of the RSFSR 1926: dis. ... Candidate of Sciences (Law), Ulyanovsk, 2009, 192 p. — In Russ.)

- Крыленко Н.В. Объяснительная записка к проекту Уголовного кодекса // Ежедельник советской юстиции. 1925. № 38—39. С. 1232—1239.
(Krylenko N.V. Explanatory note to the draft Criminal Code, *Weekly of Soviet Justice*, 1925, no. 38—39, pp. 1232—1239. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Перед II сессий ВЦИК. Новый проект уголовного кодекса // Известия. 1925. 9 окт. № 231 (2564). С. 3.
(Krylenko N.V. Before the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee. New draft criminal code, *Izvestia*, 1925, no. 231 (2564), p. 3. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР (Тезисы доклада тов. Крыленко на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР) // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 46/47. С. 1177—1778.
(Krylenko N.V. Basic principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR (Theses of the report of Comrade Krylenko at the VI Congress of prosecutorial, judicial and investigative workers of the RSFSR), *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 46/47, pp. 1177—1778. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 23. С. 661—663.
(Krylenko N.V. Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR, *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 23, pp. 661—663. — In Russ.)
- Курский Д.И. Новый Уголовный кодекс // Правда. 1926. 26 нояб. № 274 (3503). С. 5.
(Kurskij D.I. New Criminal Code, *Pravda*, 1926, no. 274 (3503), p. 5. — In Russ.)
- Наумов А.В. УК РСФСР 1926 г. — модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 27—32.
(Naumov A.V. The Criminal Code of the RSFSR of 1926 — modernization of legislative technique based on the models of Romano-Germanic law as a prospect for reforming the Criminal Code of the Russian Federation, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Kon-yakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 27—32. — In Russ.)
- Немцев Н., Карницкий Д. Принципы построения Уголовного кодекса // Ежедельник советской юстиции. 1929. № 20. С. 449—450.
(Nemcev N., Karnickij D. Principles of the construction of the Criminal Code, *Weekly of Soviet Justice*, 1929, no. 20, pp. 449—450. — In Russ.)
- Розенко С.В. Система мер социальной защиты УК РСФСР 1926 года как альтернатива наказанию // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 224—226.
(Rozenko S.V. The system of social protection measures of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 as an alternative to punishment, *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2016, no. 5, pp. 224—226. — In Russ.)
- Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. М.: Юридическое издательство Минюста СССР, 1948. 575 с.
(Criminal Law. General Part: Textbook, ed. by V.D. Menshagin, Moscow, 1948, 575 p. — In Russ.)
- Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII—XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 610 с.
(Uporov I.V. Penitentiary Policy of Russia in the 18th—20th Centuries: Historical and Legal Analysis of Development Trends, St. Petersburg, 2004, 610 p. — In Russ.)

- Чельцов-Бебутов М. Уголовный кодекс РСФСР в оценке западноевропейских криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18. С. 543—545.
(Chel'cov-Bebutov M. The Criminal Code of the RSFSR in the assessment of Western European criminologists, *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 18, pp. 543—545. — In Russ.)
- Ширвиндт Е.Г. Перед II сессией ВЦИК. Новый уголовный кодекс // Известия Центрального исполнительного комитета Союза С.С.Р. и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1925. 17 сент. № 212 (2545). С. 5.
(Shirvindt E.G. Before the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee. New criminal code, *News of the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics and the All-Russian central executive committee of Soviets*, 1925, no. 212 (2545), p. 5. — In Russ.)
- Ширвиндт Е.Г. «Перепроизводство наказаний» и борьба с ним (К введению в действие уголовного кодекса в редакции 1926 г.) // Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1926. 31 дек. № 303. С. 2.
(Shirvindt E.G. "Overproduction of Punishments" and the Fight Against It (On the Introduction of the Criminal Code in the 1926 Edition), *News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets*, 1926, no. 303, p. 2. — In Russ.)
- Яшук Т.Ф. Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 210—219.
(Yashchuk T. F. Codification projects of Soviet criminal legislation in the late 1920s — early 1930s. *Bulletin of Tomsk State University*, 2023, no. 492, pp. 210—219. — In Russ.)

EVOLUTION OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN THE 1920s (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR IN 1926)

Irina B. Stepanova, Olga V. Sokolova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kiddy2006@yandex.ru, sokolovaov@ivanovo.ac.ru

Abstract. In honor of the 100th anniversary of the 1926 Criminal Code of the RSFSR, the authors of this article conducted a historical and legal analysis of the second codified criminal law in the history of our country. Based on a study of regulatory documents, published materials, and transcripts from the 1920s, as well as contemporary literature, the political, socioeconomic, ideological, and legal reasons and prerequisites for the adoption of this code are identified. The article provides a brief description of the conceptual provisions that influenced the content of the 1926 Criminal Code of the RSFSR and describes the process of its development and adoption.

The authors conclude that the assessment of this historical document is quite contradictory. On the one hand, it had obvious negative features: it was excessively ideological, aimed at implementing a class-differentiated criminal policy; it allowed for the application of the law by analogy; it rejected traditional concepts of guilt and punishment; and it considered liability based not only on the commission of a crime, but also on a dangerous state of the individual. All this created the legal basis for the political repressions of the 1930s. On the other hand, the criminal code's undeniable merits are acknowledged: the modernization of legislative technique, the progressive nature of its provisions on the insignificance of an act, self-defense, mitigating and aggravating circumstances, the protection of women's rights, and others. The significant significance of the 1926 Criminal Code of the RSFSR for the establishment and development of Soviet criminal legislation is noted.

Keywords: Criminal Code of 1926, social protection measures, dangerous individual conditions, sociological school, criminal liability

For citation: Stepanova I.B., Sokolova O.V. Evolution of domestic criminal legislation in the 1920s (on the 100th anniversary of the adoption of the criminal code of the RSFSR in 1926), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 122—135.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 16.05.2026

Информация об авторах / Information about authors

Степанова Ирина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, заместитель декана юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kiddy2006@yandex.ru, SPIN: 4436-1777

Stepanova Irina Borisovna — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor in the Department of Criminal Law and Procedure, Associate Dean of the School of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kiddy2006@yandex.ru

Соколова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgasokolova.067@mail.ru, SPIN: 2482-6515

Sokolova Olga Vladimirovna — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the School of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olgasokolova.067@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 136—146.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 136—146.

Научная статья

УДК: 94(47):94(100)“1950/1960”:72.03:711.4

EDN <https://elibrary.ru/sruccm>

DOI 10.46726/И.2026.3.15

ПОИСК ПУТЕЙ СОХРАНЕНИЯ ГОРОДСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В 1950—1960-е гг.: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА И СОВЕТСКИЙ ОПЫТ

**Елена Владимировна Башмакова, Марина Александровна Гусева,
Владимир Вячеславович Комиссаров**

Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет,
г. Иваново, Россия, bash83@mail.ru, gmar@inbox.ru, cosh-kin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению использования и адаптации в СССР зарубежного опыта реконструкции старинных городов и сохранения городского архитектурного наследия. Анализируется британский опыт реконструкции и сохранения старых городов, таких как Ковентри, Норвич, Бат. Рассматриваются дискуссии в среде советской интеллигенции о музеефикации Ульяновска и Суздаля в 1960-е годы. Авторы статьи приходят к выводу, что проблема сохранения городского исторического наследия встала перед индустриально развитыми странами примерно в одно время. В связи с этим в XX столетии, а особенно в его второй половине данная проблематика стала предметом широкого обсуждения на различных уровнях. В силу того, что эти проблемы решались в СССР и западных странах параллельно, советские архитекторы и градостроители активно обращались к зарубежному опыту. В Великобритании и в СССР обсуждался примерно один и тот же комплекс проблем. Среди них — выбор между сохранением отдельных городских памятников или бережением целых архитектурных ансамблей и городской среды в целом. Другим предметом спора была полная консервация памятника или его адаптация в существующую инфраструктуру.

Ключевые слова: архитектурный памятник, музеефикация, реставрация, реконструкция, туризм, урбанистика

Для цитирования: Башмакова Е.В., Гусева М.А., Комиссаров В.В. Поиск путей сохранения городского исторического наследия в 1950—1960-е гг.: зарубежная практика и советский опыт // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 136—146.

Постановка проблемы. В последнее время в нашей стране отмечается рост интереса к вопросам исторической урбанистики. Действительно, архитектурный облик города несет печать различных исторических эпох, отражает периоды его расцвета и упадка, свидетельствует о судьбах жителей. Можно утверждать, что город с его архитектурой и историческими, культурными ландшафтами представляет собой своеобразное зеркало жизни региона, страны в целом.

Одной из стран, которые славятся своей любовью к национальной истории и традициям, считается Великобритания. Еще с конца XVIII века в этой стране начинает формироваться перечень исторических памятников архитектуры и археологических объектов, мест поклонения периода Римской империи и Средневековья. В XIX веке в Англии образуются местные исторические сообщества,

сосредоточившиеся в основном на популяризации локального историко-литературного, фольклорного богатства страны¹.

В дальнейшем были созданы частные общества, трастовые фонды по восстановлению архитектурного и культурного наследия, археологических и природных памятников Великобритании. Наиболее известный из них — National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty (Национальный фонд по охране объектов исторического значения и природной красоты), созданный в 1895 году известным филантропом Октавией Хилл.

В СССР о сохранении исторического наследия в современном городе стали широко говорить в период оттепели. В те годы начался пересмотр отношения к историческому наследию России и других республик Союза. В 1950—1960-х гг. раздалась робкая критика кампании по разрушению храмов, имевшая место на заре советской власти и продолжающейся практики перестройки старых городов. Писатель В.А. Солоухин писал по этому поводу: «Мы назвали бы варваром всякого человека, который на наших глазах сжег бы произведение живописи XVI, XVII, XVIII веков. ... Однако почему-то люди, уничтожающие архитектурные сооружения ... продолжают по-прежнему называться архитекторами» [Разговор об охране ...: 96].

В этом процессе активно проявили себя представители различных групп советской интеллигенции. Достаточно сказать, что известное название «Золотое кольцо» принадлежит журналисту газеты «Советская культура» Ю.А. Бычкову, который во второй половине 1960-х гг. предложил новый туристический маршрут. Достопримечательности старинных городов активно пропагандировали в печати.

Степень изученности проблемы. История сохранения городского наследия изучалась по нескольким направлениям. Вероятно, один из наиболее изученных аспектов проблемы — нормативное регулирование сохранения историко-культурного наследия. Этой теме посвящено несколько диссертаций, подготовленных в рамках истории права [Пронина; Чукова], и, как минимум одна культурологическая диссертация [Шестова]. О других сюжетах данной проблемы писали в основном архитекторы в своих специальных изданиях, где обсуждали специфические вопросы, лежащие в предметном поле архитектуры и градостроительства. В современной урбанистической литературе первостепенное внимание уделяется изучению теоретико-методологических вопросов развития городов [Козлова; Тиникова 2022], урбанистике отдельных регионов [Стась 2019; Тиникова 2024], историографическим аспектам исследования городского наследия [Карпов; Синявина; Стась 2022]. Много внимания современные авторы уделяют истории деятельности Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры (ВООПИК) [Мазалецкая; Неплюев]. В отдельных публикациях анализировался и зарубежный опыт сохранения архитектурных памятников [Шашель и др.]. В целом это является малоисследованной проблемой, что придает данной тематике научную актуальность.

Британский опыт реконструкции городов (Ковентри, Норвич, Бат). Знаковые исторические события, которые пережила Великобритания, внесли свой вклад в дело охраны исторического наследия страны. Считается, что первый в Англии список зданий, представляющих архитектурную ценность, был составлен после немецких бомбардировок страны в период Второй мировой войны. В его формировании принимали участие представители Королевского общества

¹ В частности, в 1864 году Фредериком Джеймс Ферниваллом было основано Early English Text Book Society, специализировавшееся на переводах и публикациях старинных текстов по истории Англии. Обществу принадлежит открытие для широкой публики «Рукописи о Гавейне» или «Жемчужной рукописи».

британских архитекторов (Royal Institute of British Architects) и Общества защиты античных зданий (Society for the Protection of Ancient Buildings), Инспекции древних памятников. В итоге в 1947 году был принят Закон о городском и сельском планировании; определен перечень поврежденных зданий для восстановления, установлена их культурная и историческая значимость.

Действительно, в период Второй мировой войны страна пережила ряд массированных бомбардировок, затронувших старинные города Великобритании: Бирмингем, Ковентри, Ливерпуль, Лондон. Важно было не просто вернуть прежнюю жизнь в города, но и сохранить для потомков память об этих варварских бомбежках.

Такой пример дает нам город Ковентри, расположенный в западном Мидленде в графстве Варвик. Всего в период Второй мировой войны немцы бомбили Ковентри 41 раз. Наиболее разрушительным стал налет 14 ноября 1940 года [Basil Collier: 209, 263—266]. Налеты не причинили большого вреда военной мощи Великобритании. Однако серьезно пострадал старинный центр Ковентри, повреждения получили около 60 тыс. зданий.

В соответствии с Законом о городском и загородном планировании, большая часть центра Ковентри была объявлена «зоной значительного военного ущерба» [A History of the County...: 15]. Встал вопрос о дальнейшей судьбе центра города: сохранить его старинное лицо или попытаться сочетать требования времени и историческое наследие места. Итоговый план развития Ковентри, охватывающий не только пострадавший от войны центр, но и весь район в черте старого города, был опубликован только в 1951 году и окончательно утвержден в 1957 году [Там же: 12—23].

Центром «старого города» стал район Бродгейт, который был перестроен в виде прямоугольного открытого пространства со статуей леди Годивы в главном саду. К западу от него сохранялся обширный торговый пешеходный район, в центре которого располагался уцелевший шпиль разрушенного кафедрального собора Святого Михаила. К востоку от Бродгейта можно увидеть большой «церковный квартал». Над ним возвышаются два высоких шпиля бывшего кафедрального собора и церкви Святой Троицы, а новый собор замыкает восточную границу. Были сохранены узкие старинные улочки вокруг церковных дворов, собора Святой Марии, а также георгианские дома на Прайори-роу и другие здания, представлявшие исторический интерес. В планировку квартала органично включен некрополь церкви Святого Михаила с его древними надгробиями.

В память о трагических бомбардировках Ковентри и в назидание потомкам горожане решили сохранить руины старинного собора Святого Михаила, а новый выстроить рядом. Впоследствии именно эти две церкви стали символом силы и воли английского народа в борьбе с фашизмом. Восстановление церкви стало знаком веры и надежды в будущее мира².

Старинная приходская церковь Святого Михаила была построена в конце XIV— начале XV века из местного красного песчаника и была одной из крупнейших в Англии. Ее шпиль высотой 87 метров до основания пятифутового флюгера являлся третьим по высоте соборным шпилем в стране (после Солсбери и Норвича).

Современный собор св. Михаила построен рядом со старыми руинами по проекту шотландского архитектора Бэзила Спенса. Именно он предложил сочетание разбомбленной церкви и нового собора как символа военных

² С 1944 года английский Ковентри и российский Волгоград (Сталинград) являются городами-побратимами. Появление данного союза послужило основой для всемирного движения «братства» городов. В знак дружбы в 2019 году в центре Ковентри появилась площадь, названная в честь Волгограда. В Волгограде существует улица Ковентри, которая соединяет улицы Советскую и Чуйкова.

разрушений, варварства, но и мира, примирения. А использование местного красного песчаника для строительства нового собора обеспечило архитектурное единство зданий церквей.

Здание является объектом культурного наследия I класса³. Закладка новой церкви состоялась в марте 1956 года с участием Елизаветы II. В настоящее время церковный комплекс является местом притяжения для горожан и туристов.

Также во время Второй мировой войны значительно пострадал Норвич. В 1945 году был разработан проект его масштабной реконструкции⁴. Хотя замысел и не был воплощен в жизнь целиком, уже к шестидесятым годам облик города преобразился до неузнаваемости, однако некоторые здания, представляющие историческую ценность, не уцелели.

Местные органы управления столкнулись с непростой задачей: необходимо сберечь уникальный облик города, в первую очередь отделив исторический центр, представляющий собой музей под открытым небом, от нарастающего объема автомобильного движения. В самом центре города сохранилась средневековая структура улиц и площадей, расположенных между замком, возвышающимся на холме, Кафедральным собором Святой и Неделимой Троицы XI века и торговой площадью с ратушей. Область, охватывающая около полутора километров в поперечнике, ограничена крепостной стеной и рекой.

Еще одной значительной проблемой для исторических городов-музеев является высокая интенсивность транспортных потоков. Чтобы свести к минимуму их воздействие, местные органы управления пытаются сократить автотранспортную инфраструктуру, однако избыточная плотность населения в ряде британских исторических городов — подобных городам-музеям — затрудняет практическую реализацию таких мер.

Впервые на эту проблему обратил внимание профессор Эдинбургского университета Колин Бьюкен, который предложил подход к проблеме организации транспортного движения с учетом сохранения городской исторической среды городов-музеев. Так, например, по проекту Бьюкена, транспортная система исторической части города Норвич была полностью изменена [Buchanan Colin: 1175]. Чтобы снизить интенсивность движения транспорта в центре города и сделать его более удобным для пешеходов, Бьюкен предложил схему с окружающим центр распределительным кольцом. Следовательно, историческое ядро города было отдано исключительно пешеходам, что способствовало поддержанию его первоначального облика [Там же].

Подобный опыт был заимствован и для города Бат. Этот город также представляет собой музей под открытым небом. В центре сочетаются здания XVI века, как, например, церковь Батского аббатства в готическом стиле (самая масштабная постройка средневековой Англии) и городской ансамбль, включающий памятники георгианской архитектуры: ратушу XVIII века с просторными залами и музеем римских древностей, театры и площади в виде «Королевского полумесяца», спроектированные архитектором Джоном Вудом. В 1950 году здание было внесено в список охраняемых I категории («представляющей исключительный интерес, имеющий международное значение»)⁵. Для поддержания целостности

³ См. об этом: <https://historicengland.org.uk/listing/the-list/list-entry/1342941> (дата обращения: 21.01.2026).

⁴ Insight into the finds of our Archaeologist — City of Norwich Plan 1945. URL: <https://www.parkerplanningservices.co.uk/case-studies/city-of-norwich-plan-1945/> (accessed: 21.01.2026).

⁵ The Royal Crescent in Bath, *Images of England*. URL: <https://web.archive.org/web/20221108132338/https://www.picturesofengland.com/England/Somerset/Bath/article/1044> (accessed: 21.01.2026).

исторической среды в центре города план Бьюкена сосредоточился исключительно

на реконструкции и модернизации транспортной сети. Основная задача заключалась в улучшении дорожной инфраструктуры, которое не затрагивало бы при этом архитектурный облик района. В рамках плана проводились работы по перепланировке перекрестков, строительству новых развязок и совершенствованию системы общественного транспорта. При этом первостепенное внимание уделялось сохранению исторически ценных зданий и элементов городской среды [Buchanan & partners: 1120].

Безусловно, требования времени вносят свои коррективы в дело охраны исторического наследия Великобритании. Так, нередко рядом со старинными замками оборудуются места для парковки, прогулочные зоны, и это не говоря о наличии в них электрического освещения и центрального отопления. Основная задача — сделать подобные нововведения как можно более незаметными для посетителей, не исказив исторический облик памятников.

Итак, в контексте британской системы механизмы сохранения культурного наследия включали, прежде всего, четкое разграничение полномочий. В частности, функции по сопровождению и включению объектов в охранный реестр были возложены на ведомство, отличное от того, которое отвечало за последующую охрану этих объектов. В стране сформировалась разноуровневая система охраны исторических памятников, ансамблей. Охрана территорий и объектов подразумевала выделение защищенных зон и находилась в ведении местных властей (на уровне графств, метрополитенских графств или меньших административных единиц). Реестр Historic England классифицировал объекты наследия по различным категориям, для каждой из которых применялась своя методика учета. При этом жители могли предложить свои локальные достопримечательности в качестве кандидатов для включения в перечень охраняемых объектов. Также британцы стремятся к комплексной оценке исторических объектов, подлежащих охране и реставрации. Здесь был важен не только конкретный элемент, но и его историко-ландшафтное окружение, связь с известными событиями или людьми. Примечательно, что исключение объектов из охранный перечень требовало прохождения многоуровневой согласовательной процедуры, достигающей высших эшелонов правительственной власти.

Также в этих процессах активно участвовали общественные организации. В качестве примера можно привести Национальный траст, который является крупнейшим владельцем исторических садов, парков, деревень, поместий и значительных территорий нетронутой природы. Довольно широко используется практика выкупа исторических владений частными благотворительными фондами, которые проводят реставрацию зданий, открывают их для экскурсий.

Обсуждение проблем исторической урбанистики в СССР. Обсуждению проблем сохранения городского исторического наследия в СССР оживилось в 1960-е гг. К 100-летию юбилею В.И. Ленина намеревались провести реконструкцию исторической части Ульяновска со строительством мемориального комплекса. Было предложено минимум шесть проектов данного комплекса, предполагавших различную степень сохранения исторических зданий [Исторический памятник...: 183]. В связи с этим в начале 1968 года редакция научного журнала «История СССР» организовала дискуссию по проблемам сбережения исторических памятников. Некоторые участники этой беседы открыто критиковали прежнюю градостроительную политику советской власти, повлекшую гибель многих исторических памятников. Например, доктор искусствоведения Кирилл

Михайлович Афанасьев говорил по этому поводу: «Снос памятника архитектуры — живого свидетеля истории — подобен убийству. Ничто не возместит нам потери снесенной Сухаревой башни, украшавшей большой, сейчас безликий район столицы. Зачем была разобрана Китайгородская стена с ее превосходными башнями? А сколько еще подобных ошибок сделано!» [Там же: 176]. Известный советский историк и археограф Сигурд Оттович Шмидт продолжал эту линию: «К сожалению, здание новой гостиницы “Россия” не помогает, прямо скажем, восприятию уникального кремлевского ансамбля и как эстетического, и как естественно-исторического центра нашей столицы и продолжает дурную традицию застройки высокими зданиями пространства, окружающего Кремль и храм Василия Блаженного» [Там же: 179].

В этой дискуссии была затронута проблема изучения зарубежного опыта. Доктор искусствоведения Михаил Андреевич Ильин приводил в качестве примера практику сохранения средневековых замков в Италии, С.О. Шмидт говорил о существующем во Франции запрете на возведение высоких зданий в центре Парижа [Там же: 174, 179]. Эти факты опровергают известный пропагандистский штамп о значительной изоляции советского общества. Даже в таких второстепенных сферах, как историческая урбанистика, эта изоляция носила весьма условный характер.

В ходе обсуждения поднимались и специфические архитектурные проблемы. Например, речь шла о сочетании исторических зданий и современных объектов, о степени их интеграции [Там же: 179].

Дискуссия о сбережении старинной застройки продолжилась в среде советской интеллигенции и далее. Так, в декабре 1969 года состоялось Всесоюзное научное совещание архитекторов по проблемам сохранения историко-архитектурного наследия в современном развивающемся городе. Оно прошло в Научно-исследовательском институте теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры, в нем приняли участие 150 человек из 10 союзных республик СССР и 20 крупнейших городов. На этом совещании обсуждалось много специальных вопросов. Например, руководитель сектора памятников архитектуры упомянутого выше НИИ Е.В. Михайловский говорил именно о зарубежном опыте сохранения старинных городов. В качестве удачных примеров он приводил Варшаву, Прагу, Геную, Венецию, Флоренцию, Рим, а также ряд английских городов, среди них Оксфорд, Честер, Бат [Михайловский: 187—188]. Это еще раз доказывает, что проблемы сбережения урбанистического наследия в СССР и в зарубежных странах решались параллельно. Многие участники совещания обсуждали дилемму: сохранять отдельные строения или целые ансамбли? Так, руководитель отдела реконструкции городов ЦНИИП градостроительства В.А. Лавров возражал против включения памятников как вставок в новую застройку, против уничтожения сопутствующей исторической застройки и необоснованного переноса старых зданий на новое место [Там же: 188].

Уже упоминавшийся Е.В. Михайловский подчеркнул, что задача градостроителей — сохранение не отдельных уникальных зданий, а исторической городской среды в целом. Начальник отдела планировки и застройки ЦНИИП генплана Москвы А.Ю. Беккер поставил вопрос о сохранении пространственной композиции старых городов [Там же]. Таким образом, вопрос о сбережении исторического наследия городов стал важным аспектом деятельности отечественной интеллигенции 1960-х гг.

От ленинского юбилея к русской старине. Параллельно с обсуждением будущего ленинского мемориала в Ульяновске начались споры о судьбе древнего

города Суздаля. Эта дискуссия имела и более широкое измерение в контексте планировавшегося туристического маршрута «Золотое кольцо». Следует заметить, что Суздаль стал выставочной витриной советской туристической отрасли, визитной карточкой процесса музеефикации городов. Авторы данной работы уже писали о реконструкции этого города в одной из своих прежних публикаций [Гусева, Комиссаров]. Также история музеефикации древнего города подробно рассмотрена в недавней монографии [Болтунова, Егорова]. Поэтому здесь имеет смысл повторить только общие моменты.

Судьба Суздаля стала предметом широкого обсуждения на страницах «Литературной газеты», газеты «Известия», на заседаниях Центрального совета Всероссийского общества по охране памятников. Тогда же и возникла идея объявить Суздаль заповедником [Сегодня в Суздале ...: 92], которая впоследствии реализовалась в официальном статусе «исторического города-заповедника». В 1966—1967 гг. были подготовлены проектные предложения и технико-экономическое обоснования строительства в городе туристического центра, а в августе 1967 г. Совет Министров СССР принял соответствующее постановление.

Но даже после принятия принципиального решения дискуссия о судьбах Суздаля продолжалась. Так, в начале 1968 г. редакция журнала «Наука и жизнь» обратилась к видным представителям советской интеллигенции с вопросами о путях сохранения культурного наследия.

В обсуждении на страницах журнала приняли участие известный историк, в то время директор Института археологии АН СССР Б.А. Рыбаков, архитектор, директор Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования (ЦНИИЭП) М.А. Орлов, писатель В.А. Солоухин, архитектор В. Выборный.

Следует заметить, что никто не выступил против самой идеи превращения старинных городов в музейные центры. Но у участников обсуждения были разногласия по частным вопросам. Так, М.А. Орлов ратовал за максимальное развитие развлекательной зоны, «ибо для того, чтобы памятник старины ... сохранять, нужны немалые средства для его реставрации, для содержания обслуживающего персонала. Это возможно лишь в том случае, если рядом будет предусмотрена зона отдыха — комфортабельные гостиницы, кафе и столовые, сувенирная торговля — в общем все то, что называется “сервисом” туризма» [Там же]. Однако такая постановка вопроса вызывала возражения Б.А. Рыбакова: «нужно соблюдать чувство меры и не превращать поэтический старинный город в зазвонистую ярмарку с плохо продуманными аттракционами» [Разговор об охране ...: 93]. Не полностью одобрял предлагаемый план музеефикации и В. Солоухин: «В существующем проекте речь идет не столько о реставрации Суздаля, сколько о его реконструкции, не о том, чтобы воссоздать старый Суздаль, а о том, чтобы приспособить к пропускаемости туристов по 8 тысяч человек в день при сохранении внешнего вида основ архитектурного сооружения». Но тут же писатель оговаривался: «Но это в миллион раз лучше, чем если бы Суздаль постепенно лишился даже внешне своего лица, как это уже произошло со многими древними городами, большими и малыми» [Разговор об охране ...: 96].

Не было полного единодушия в способах сохранения древних памятников. М.А. Орлов полагал, что старинные здания должны сохранять свою функциональность: «Только тогда памятник обретет вторую жизнь, если сюда будут приходить экскурсии, если будут развернуты музейные экспозиции, а в некоторых помещениях будут работать мастера, изготавливая те произведения искусства,

которыми славились местность и город» [Сегодня в Суздале...: 92]. С ним не соглашался В. Солоухин [Разговор об охране...: 96].

Реконструкция Суздаля стала только началом масштабного процесса. Музеефикация старинных городов в 1970—1980-е гг. затронула различные регионы СССР [Орлов].

Заключение. В финале нашего исследования можно подвести общие итоги. Во-первых, проблема сохранения городского исторического наследия встала перед индустриально развитыми странами примерно в одно время. В связи с этим в XX столетии, а особенно в его второй половине данная проблематика стала предметом широкого обсуждения на различных уровнях, полем для поиска различных вариантов сбережения памятников без ущерба для развития городов.

Во-вторых, в силу того, что эти проблемы решались в СССР и западных странах параллельно, советские архитекторы и градостроители активно обращались к зарубежному опыту. В качестве образцов заимствования опыта служили страны с развитой городской инфраструктурой. Это прежде всего Великобритания, а также Франция, Италия, Чехословакия, Польша и некоторые другие.

В-третьих, в поиске способов сохранения исторического наследия городов в СССР и в зарубежных странах были свои отличия. Так, мы видим, что в Великобритании была велика роль неправительственных организаций, например, различного рода частных фондов и органов местного самоуправления. В Советском Союзе эти процессы проходили под тщательным государственным и партийным контролем. Но даже здесь заметна инициативная деятельность различных групп советской интеллигенции. Именно историки, археологи, архитекторы, конструкторы журналисты и писатели выступали за сохранения городских памятников, критиковали прежнюю градостроительную политику уничтожения старой застройки. И их голос был услышан, что косвенно подтверждает высокий авторитет и общественную значимость интеллигенции в структуре советского общества.

В-четвертых, и в Великобритании, и в СССР обсуждался примерно один и тот же комплекс проблем исторической урбанистики. Среди них выбор между сохранением отдельных городских памятников или сбережением целых архитектурных ансамблей и городской среды в целом. Другим предметом спора была полная консервация и музеефикация памятника или его интеграция в существующую инфраструктуру. Серьезной проблемой стало выведение транспортных потоков из исторической застройки. В каждом отдельном случае выбор того или иного варианта решался исходя из местных условий и даже случайных факторов.

В-пятых, процесс сохранения городского исторического наследия и в Великобритании, и в Советском Союзе был неразрывно связан с развитием туристической индустрии. Большинство старинных памятников и целых ансамблей стали важнейшими туристическими объектами, что, с одной стороны, потребовало определенной их адаптации в современную среду, а с другой — вдохнуло в них новую жизнь и продлило срок активного функционирования.

Список литературы / References

- Болтунова Е.М., Егорова Г.С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
(Boltunova E.M., Egorova G.S. Territory and history: Late Soviet projects “Hero Cities” and “Golden Ring”, Moscow, 2022, 400 p. — In Russ.)
- Гусева М.А., Комиссаров В.В. Охрана и реконструкция средневековых городов: отечественные реалии и зарубежный опыт // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 90—96.

- (Guseva M.A., Komissarov V.V. Protection and reconstruction of medieval cities: domestic realities and foreign experience, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 1, pp. 90—96. — In Russ.)
- Исторический памятник и современное зодчество // История СССР. 1968. № 2. С. 174—184. (Historical monument and modern architecture, *The history of the USSR*, 1968, no. 2, pp. 174—184. — In Russ.)
- Карпов А.В. Изучение городского пространства и его структурных составляющих в отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 5 (133). С. 60—64.
- (Karpov A.V. Study of urban space. and its structural components in Russian historiography, *Proceedings of the Altai State University*, 2023, no. 5 (133), pp. 60—64. — In Russ.)
- Козлова Ю.В. Урбанистика в России: междисциплинарные основы и этапы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 291—294.
- (Kozlova YU.V. Urbanism in Russia: interdisciplinary foundations and stages of development, *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2023, no. 4, pp. 291—294. — In Russ.)
- Мазалецкая Е.Н. Организация и деятельность отделений ВООПИиК Верхнего Поволжья в 1965—1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. 26 с.
- (Mazaletskaya E.N. Organization and activity of departments of the VOOPIiK of the Upper Volga region in 1965—1985: abstract of the diss. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 2024, 26 p.)
- Михайловский Е.В. Историко-архитектурное наследие в структуре современного города // История СССР. 1970. № 3. С. 187—188.
- (Mikhajlovskij E.V. Historical and architectural heritage in the structure of a modern city, *The history of the USSR*, 1970, no. 3. pp. 187—188. — In Russ.)
- Неплюев П.А. ВООПИК в дискуссиях о 250-лети Перми как феномен советской публичной сферы // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 2 (34). С. 159—169.
- (Neplyuev P.A. VOOPIK in discussions about the 250th anniversary of Perm as a phenomenon of the Soviet public sphere, *Bulletin of Humanitarian Education*, 2024, no. 2 (34), pp. 159—169. — In Russ.)
- Орлов М.А. Крупные туристские центры. М.: Стройиздат, 1983. 159 с.
- (Orlov M.A. Large tourist centers, Moscow, 1983, 159 p. — In Russ.)
- Пронина Е.Н. Правовая деятельность Российского государства в сфере сохранения и охраны культурного достояния в XIX — XX вв.: (историко-теоретическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 230 с.
- (Pronina E.N. Legal activity of the Russian state in the field of preservation and protection of cultural heritage in the XIX — XX centuries: (historical and theoretical research): dis. Candidate of Sciences (Law), Tambov, 2009, 230 p. — In Russ.)
- Разговор об охране архитектурных памятников // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 92—96.
- (A conversation about the protection of architectural monuments, *Science and life*, 1968, no. 1, pp. 92—96. — In Russ.)
- Сегодня в Суздале ... // Наука и жизнь. 1968. № 1. С. 92—93.
- (Today in Suzdal..., *Science and life*, 1968, no. 1, pp. 92—93. — In Russ.)
- Синявина Н.В. Городское пространство / город как объект исследования: историография вопроса // Вестник культурологии. 2021. № 3 (98). С. 94—105.
- (Sinyavina N.V. Urban space / city as an object of research: historiography of the issue, *Bulletin of Cultural Studies*, 2021, no. 3 (98), pp. 94—105. — In Russ.)
- Стась И. Urban history: между историей и социальными науками // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 250—285.
- (Stas' I. Urban history: between history and social sciences, *The Sociological Review*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 250—285. — In Russ.)
- Стась И.Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3. С. 93—104.

- (Stas' I.N. Historical urbanism in Eastern Siberia and the Far East, *The Ecumene. Regional studies*, 2019, no. 3, pp. 93—104. — In Russ.)
- Тиникова Е.Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 120—127.
- (Tinikova E.E. Approaches to the study of the national model of urbanization in modern historical science, *Bulletin of Tomsk State University. History*, 2022, no. 76, pp. 120—127. — In Russ.)
- Тиникова Е.Е. Урбанизация Тувы: динамика ключевых показателей (1944—2020 годы) // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 60—72.
- (Tinikova E.E. Urbanization of Tuva: dynamics of key indicators (1944—2020), *Historical Courier*, 2024, no. 4 (36), pp. 60—72. — In Russ.)
- Чукова И.М. Государственно-правовая охрана церковных памятников старины в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 196 с.
- (Chukova I.M. State-legal protection of church monuments of antiquity in pre-revolutionary Russia: dis. ... Candidate of Sciences (Law), Nizhnyi Novgorod, 2006, 196 p. — In Russ.)
- Шашель Г.С., Вальтеран Т.Л., Гребенкина А.А., Гребенкин Е.В. Анализ зарубежного опыта работы с руинированными объектами культурного наследия // Творчество и современность. 2020. № 1 (12). С. 151—161.
- (Shashel' G.S., Val'teran T.L., Grebenkina A.A., Grebenkin E.V. Analysis of Foreign Experience in Working with Ruined Cultural Heritage Sites, *Creativity and modernity*, 2020, no. 1 (12), pp. 151—161. — In Russ.)
- Шестова С.М. Историко-культурологический анализ нормативного регулирования охраны и использования памятников истории и культуры в России: дис. ... канд. культуролог. СПб., 2009. 160 с.
- (Shestova S.M. Historical and cultural analysis of the regulatory regulation of the protection and use of historical and cultural monuments in Russia: dis. ... Candidate of Sciences (Culturology), St. Petersburg, 2009, 160 p. — In Russ.)
- A History of the County of Warwick: the City of Coventry and Borough of Warwick, London, 1969, vol. 8, 583 p.
- Basil Collier. The Defence of the United Kingdom (History of the Second World War: United Kingdom military series), London, 1957, 688 p.
- Buchanan & partners. Road system for Bath. The architect and building news. London: Building and Contract Journals Ltd, 1965, vol. 228, № 24.
- Buchanan C. Traffic in towns, *The architect's journal*, Cambridge: Emap Limited, 1963, vol. 138, № 23.

THE SEARCH FOR WAYS TO PRESERVE URBAN HISTORICAL HERITAGE IN THE 1950`s AND 1960`s: FOREIGN PRACTICE AND SOVIET EXPERIENCE

Elena V. Bashmakova, Marina A. Guseva, Vladimir V. Komissarov

Upper Volga State University of Agrobiotechnology, Ivanovo, Russian Federation,
bash83@mail.ru, gmar@inbox.ru, cosh-kin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the use and adaptation in the USSR of foreign experience in the reconstruction of ancient cities and the preservation of urban architectural heritage. The article analyzes the British experience of reconstruction and preservation of old cities such as Coventry, Norwich, Bath. The article examines the discussions among the Soviet intelligentsia about the museification of Ulyanovsk and Suzdal in the 1960s. The authors of the article conclude that the problem of preserving urban historical heritage arose in industrialized countries at about the same time. In this regard, in the twentieth century, and especially in its second half, this problem became the subject of wide discussion at various levels. Due to the fact

that these problems were solved in the USSR and Western countries in parallel, Soviet architects and urban planners actively turned to foreign experience. In the UK and in the USSR, approximately the same set of problems were discussed. Among them is the choice between preserving individual urban monuments or preserving entire architectural ensembles and the urban environment as a whole. Another point of contention was the complete conservation of the monument or its adaptation to the existing infrastructure.

Keywords: architectural monument, museification, restoration, reconstruction, tourism, urban studies

For citation: Bashmakova E.V., Guseva M.A., Komissarov V.V. The search for ways to preserve urban historical heritage in the 1950s and 1960s: foreign practice and soviet experience, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 136—146.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Башмакова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Россия, bash83@mail.ru, SPIN: 7445-3247

Bashmakova Elena Vladimirovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State University of Agrobiotechnology, Ivanovo, Russian Federation, bash83@mail.ru

Гусева Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Россия, gmar@inbox.ru, SPIN: 6287-2348

Guseva Marina Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State University of Agrobiotechnology, Ivanovo, Russian Federation, gmar@inbox.ru

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, г. Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru, SPIN: 4674-4432

Komissarov Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State University of Agrobiotechnology, Ivanovo, Russian Federation, cosh-kin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 147—158.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 147—158.

УДК 165:159.91:167

EDN <https://elibrary.ru/lrxsgb>

DOI: 10.46726/H.2026.3.16

ГНОСЕОЛОГИЯ И КОГНИТИВИСТИКА О ПРОБЛЕМЕ СОЗНАНИЯ: ШЕСТЬ ШВОВ

Эмилия Анваровна Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань,
Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru

Аннотация. Проблема происхождения и сущности сознания — самая древняя и самая трудная для изучения в философии и других науках. Хотя ее ставили и предлагали свои решения все значительные философы и многие ученые, представители специальных наук, на сегодняшний день не существует ни общепризнанного определения сознания, ни удовлетворяющего всех или по крайней мере большинство исследователей решения этой проблемы. Строго логически, сознание может представлять: самостоятельной сущностью (идеальным видом бытия); свойством некоей иной субстанции (например, мозга); функцией, или работой (мозга); порожденной субстанцией; порождающей субстанцией; субстанцией, самостоятельной по отношению к материи; субстанцией несамостоятельной, слитой с материей. На философской модели, представляющей сознание в целом как сферу, выделяющую человека из всей прочей природы, существует минимум шесть «швов». На сегодня успешнее всего справляется с объяснением природы и сущности сознания когнитивистика — в частности, нейробиология, — развиваясь на материалистической основе и в известном смысле встав противоречием гносеологии, разделяющей объективный и субъективный миры.

Ключевые слова: сознание, познание, мозг, информация, восприятие, разум, рациональность, наука, общество

Для цитирования: Тайсина Э.А. Гносеология и когнитивистика о проблеме сознания: шесть швов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 147—158.

Введение. Что такое сознание?

Один и тот же вопрос получал в разные времена разные ответы со стороны философов, богословов и представителей частных наук, несмотря на кажущуюся очевидность, ведь сознание — *prima facie* дефинитивный признак человека. Не разбирая специально религиозные подходы или различия между решением проблемы всеми философами-материалистами в пользу вторичности сознания и большинством идеалистов в пользу его первичности, упомянем, что по-своему характеризуют сознание лингвисты, психологи-теоретики [Корниенко], пост-теоретические психологи [Аллахвердов], мистики-трансперсональные экософы

[Хант], вульгарные материалисты, дуалисты, гилозоисты, философы-позитивисты (в частности, эмпириокритики), психофизиологи, нейробиологи (нейропсихологи, нейрофизиологи и т. д.), и когнитивисты-от-философии. Ситуация усложняется в связи с цифровым цунами, остро поставившим вопрос о соотношении и взаимоотношении ЕИ и ИИ [Лекторский, Дубровский; Анохин 2022, 2024; Воронцов; Недяк и др.]. Если о машинном «сознании» речь напрямую пока не ведётся, то сам термин ИИ обозначает по меньшей мере мышление.

Год назад профессор Воронцов Константин Вячеславович, заведующий двумя кафедрами и лабораторией в Институте искусственного интеллекта МГУ, объяснял: искусственный интеллект — это не объект и не субъект, а название множества технологий, придуманное Джоном Маккарти в 1956 году. Но окончательно сказать, что есть интеллект и не-интеллект, наука *пока* не в состоянии. Мы не знаем четкого момента появления разума *и в* антропогенезе. Точно так же мы не сможем однозначно засечь момент появления разума в искусственных нейронных сетях. Вместе с тем делать выводы из массива данных способны алгоритмы приближения функций. Карл Фридрих Гаусс в начале XIX века использовал метод наименьших квадратов для вычисления эллиптических орбит планет (по астрономическим наблюдениям). Этот же метод сегодня используется для обучения искусственных нейронных сетей. Определенно, он обладает способностью к обобщению. Однако мы отказываем ему в праве называться интеллектом. Уже более двух столетий он для нас всего лишь численный метод приближения функций, то есть установления зависимостей по экспериментальным данным. Значит, и с технологической точки зрения границы понятия «искусственный интеллект» *тоже размыты* [Воронцов].

С другой стороны, ныне всерьез обсуждается вопрос о «сознании» большинства живых существ — и не только приматов или дельфинов, но и пресмыкающихся (змей и черепах, имеющих развитую память) и даже *рыб* (*Labroides dimidiatus*, узнающих себя в зеркале). [Анохин 2024; Дерикот]. А в Кембриджской декларации 2012 года заявляется: «Многочисленные факты свидетельствуют о том, что человек не уникален в обладании нейробиологическими механизмами, генерирующими сознание». Налицо динамичная трансформация в понимании феномена сознания в условиях расширения источниковой, теоретико-познавательной и экспериментальной базы данных. Сознанию теперь приходится «отстраиваться» и от машин, и от животных на новом уровне.

Философский объективный идеализм не только исчерпывающе представлен великими именами классиков — Платона и Гегеля, но и фигурирует у современных отечественных мыслителей. Например, прямым наследником диалектики Гегеля был выдающийся советский философ Э.В. Ильенков. [Ильенков 1991, 1979]. В наши дни идеализм в философии истории составляет основу рассуждений А.Г. Герасимова [Герасимов]. Ближе к гилозоизму подходят учения, рассматривающие сознание как ноосферу: сферу разума, в которой вся (околоземная) природа является местом обитания сознания. Дуализм еще в прошлом веке предстал как проблема психофизиологического параллелизма. Неоднократно предпринимался опыт проведения «третьей линии» в философии, например, в позитивизме. О контингентности современного размежевания пишет выдающийся философ, профессор Польской Академии наук Малгожата Чарноцка: “Incidentally, the concepts of materiality and spirituality are so ambiguous and blurred that one should refrain from proclaiming a dichotomy between them” (Понятия материального и духовного настолько неоднозначны и размыты, что следует воздержаться от провозглашения их дихотомии) [Charnozka 2025a: 168]. Так называемая «цифра» разительно

напоминает семантику «третьего мира» Карла Поппера — мира объективного знания, совокупности продуктов человеческой деятельности. А разрабатываемый автором в течение полувека экзистенциальный материализм граничит с субъективным идеализмом. Однако с точки зрения гносеологии главный вопрос в этой области таков: *как идеальное нечто может адекватно познавать материальное бытие, с которым у него нет общих предикатов — кроме существования?* И почему предикат «*существует*» применяется и к сознанию, и к объективной действительности, если их природа и сущность — или, так скажем, модальность бытия — различная, чтобы не сказать противоположная?

Не ставя перед собой цели создать пространный синопсис имеющейся литературы по проблеме сознания, тем более, что это практически невозможно даже для ИИ, вкратце остановимся ради вводного обзора только на следующих «знаковых» именах: философские классики Демокрит и Платон; Локк и Гегель; выдающиеся советские философы, чье акмэ пришлось на XX век — И.С. Нарский, Д.И. Дубровский, Э.В. Ильенков; современные отечественные ученые-нейрофизиологи академики П.К. Анохин и его внук К.В. Анохин, а также философы-исследователи В.А. Бажанов [Бажанов 2025, 2019] и Ю.М. Сердюков [Сердюков], чья деятельность тесно связана с когнитивистикой, как того потребовала цифровая среда и новейшие достижения нейронаук.

Ипостаси сознания. Выражаясь предельно ясно: умственная манипуляция с материей и сознанием традиционно была такова — для начала «по вертикали» вознести одно над другим, поставив вопрос о первичности той или другой субстанции и, соответственно, рассмотрев существующие исторические формы материализма и менее изменчивые логические разновидности идеализма; далее, «по горизонтали», можно полярно «развести» материю и сознание, как это делается в дуализме, и можно, напротив, объединить их двояким способом («материя сознательна» — гилозоизм; «сознание материально» — вульгарный материализм).

Что касается вопроса о познаваемости мира — подавляющее большинство философов и представителей целого комплекса наук о человеке и живой природе в целом являются гносеологическими оптимистами. Различия касаются глубины познания и обоснования самой возможности его. Результаты «получили отражение в ряде философско-методологических подходов, в проблемном поле которых эксплицированы и обоснованы современные концепции целостности человека, врожденного знания, субъективной реальности и проч.» [Там же: 7].

Строго логически, сознание может быть: 1) самостоятельной сущностью (идеальным видом бытия); 2) свойством некоей иной субстанции (например, мозга); 3) проявлением свойства: функцией, или работой (мозга); 4) порожденной субстанцией; 5) порождающей субстанцией; 6) субстанцией, самостоятельной по отношению к материи; 7) субстанцией несамостоятельной, слитой с материей.

Итак, на трехмерной философской картине, или модели, рисующей сознание в целом как то, что выделяет человека из всей прочей природы, мы видим как минимум шесть «швов». Будучи «сшитыми» вместе, разные картины сознания возвращают исследователю или стороннему наблюдателю образ сферы, совершенного тела, Вселенной в своем роде. Это, разумеется, действует абстракция аппроксимации. Надо заметить, что переход от седьмого сегмента обратно к первому также совершается достаточно непринужденно. Такое скольжение по ленте Мёбиуса позволяло и самым первым великим классикам предпринимать даже более радикальные переходы — от материализма к идеализму и обратно. Вспомним, именно об этом говорит Теофраст в своем сочинении «О чувствах»: «71. Теофраст

de sens. Демокрит же и Платон наиболее глубоко коснулись [этой темы]; дело в том, что они определяют каждое [чувственное качество] в отдельности. Различие между ними в том, что Платон не лишает чувственно воспринимаемых вещей природы. Демокрит же всё [чувственно воспринимаемое] признает состояниями ощущения... Итак, Демокрит неодинаково говорит о всех [чувственно воспринимаемых качествах], но определяет одни из них величинами [атомов], другие — формами, третьи — порядком и положением. Платон же почти всё [чувственно воспринимаемое] сводит к состояниям [субъекта] и к ощущениям. Таким образом, пожалуй, выходит, что каждый из них утверждает противоположное тому, что он сам полагает в основание [своей теории ощущений] (см. «Фрагменты Демокрита» [Материалисты Древней Греции: 80—81]).

Следовательно, существуют и свободные переходы самых значительных философов с одной «линии» на другую, казалось бы, противоположную; а переплетение, соскальзывание, объединение, точнее говоря, постоянное разделение и слияние различных философских, околофилософских, специальнонаучных и даже ненаучных направлений вроде современного неоязычества является сегодня реальностью. Это не столько эклектика (хотя и эклектика тоже), сколько попытка перейти от 2D к 3D-изображению, от плоскости к объемной модели сознания, которой доступно вращение, необходимое для всестороннего наблюдения.

Современные вызовы философским установкам и когнитивным компетенциям. Философия, как живое и развивающееся учение, продолжает диалог с самой собой, своей долгой историей — а также и с молодыми науками, и с внешним миром, что способствует её эволюции и обогащению.

Нет необходимости здесь развернуто напоминать о достижениях советских философов в развитии гносеологии диалектического материализма. В этой плеяде (Т.И. Ойзерман, В.Ф. Константинов, М.Д. Каммари, М.Б. Митин, Г.С. Батищев, Б.М. Кедров, Ф.Ф. Вьяккерев, З.М. Оруджев, И.Т. Фролов, А.А. Сорокин, П.П. Гайдено, А.М. Коршунов и многие другие; некоторые и поныне активно и успешно действуют — например, В.А. Лекторский, В.Н. Порус, Д.И. Дубровский) особенно выделяется имя замечательного мыслителя И.С. Нарского. В своих произведениях он выстраивал непреложную и подлинно философскую картину процесса познания, начиная с ощущений и до самых сложных логических операций [Нарский]. Всегда чуткий к новизне, И.С. Нарский продуктивно применял в своей гносеологии достижения только входившей в нашу науку семиотики, опережая в этой интуиции своих коллег по цеху. Кроме исследования взаимоотношений отражения и символизации в познании, И.С. Нарский изучал проблемы логики и методологии науки, уточнял решение так называемого основного вопроса философии, а также создал галерею портретов классических философов прошлых веков, будучи несравненным знатоком истории философии и владея несколькими иностранными языками, в том числе польским, что было достаточной редкостью. Ближе к теории познания И.С. Нарского подходят взгляды Д.И. Дубровского, известного раньше всего своей пионерской книгой касательно работы с психофизиологической проблемой «Психические явления и мозг» (1971). Основные идеи этого трактата были позже повторены и развиты в его монографии «Проблема идеального» (1983), а также в ходе развернувшейся в 70-х гг. на страницах советских философских журналов полемики (гегельянец Э.В. Ильенков против марксистов И.С. Нарского и Д.И. Дубровского).

В связи с известными политическими событиями в нашей стране эталонная гносеология диалектического материализма была потеснена кантианской доктриной, начиная с трудов Л.А. Микешиной. Однако если отличительным знаком

кантианства является отрыв познания сознающим себя разумом от бытия-в-себе, то у нас в аспекте развития диалектики Канта произошла усиленная проработка идеи активности субъекта во всех видах и приложениях. Сверх того, для когнитивной установки естествознания предпочтительным является философский материализм, а потому стало намечаться «склеивание», точнее, своеобразный осмос в понимании сознания: психики с мозгом, психологии с физиологией, философии с когнитивистикой, а в когнитивных науках — силлепсис нейробиологии, нейропсихологии, нейрофизиологии и т. д. Можно сказать, подействовала максима, некогда удачно сформулированная В.Н. Порусом: «различать, а не разлучать» (богсл.: «нераздельно / неслиянно»). Этому поспособствовало быстрое, революционное совершенствование методологии в смысле технологии в этих и сопредельных дисциплинах. «... Социально-культурная революция в нейронауке разворачивается в контексте «жесткого ядра» *кантианской исследовательской программы* изучения форм активности сознания и их выражения в языке, которые обусловлены нейробиологическими структурами и особенностями функционирования человеческого мозга» [Бажанов 2019: 4].

Когнитивистика развернулась необычайно широко. По выражению В.А. Бажанова, современная когнитивная наука претендует на то, чтобы стать символом текущего века, как атомная физика явилась символом середины XX века. Если самые грандиозные по масштабу Всемирные Философские Конгрессы собирают до 3 тыс. человек — например, ВФК в Пекине в 2018 г., — то когнитивисты собираются на встречи числом до 30 000. Философское осмысление мира человека, а также новые результаты, полученные в различных науках, играют сегодня в истории философии более важную роль, чем когда-либо прежде, — указывает М. Чарноцка (шеф-редактор) в редакционной статье новейшего выпуска международного журнала «Диалог и универсализм». В последнее время, как известно, многие философы сосредоточили своё внимание на трансформациях в области информационных технологий. “This constantly clashes between these two aspects of philosophizing — philosophy’s internal development and the pressures of the non-philosophical world on philosophical thinking.” (Перевод: «Это постоянно сталкивает между собой два аспекта философствования: внутреннее развитие философии с давлением вне-философского мира на философское мышление») [Czarnocka 2025b: 6]. Философская оценка современной ситуации в отношении пропорции общей теории познания и специальных дисциплин, и в особенности динамично развивающейся междисциплинарной когнитивистики, данная Малгожатой Чарноцкой, представляется совершенно правильной и является таковой на деле.

Быть «на светлой стороне силы». Классик материалистической гносеологии Джон Локк в «Опыте о человеческом разумении» предвещает позднейшую максиму диалектического материализма: мыслит не мозг, а человек при помощи мозга. Локк не отвлекает сознание и познание от того, кто сознает и мыслит. В кн. II, гл. 27, он пишет: «Поскольку сознание всегда сопутствует мышлению и именно оно определяет в каждом его *Я* и этим отличает его от всех других мыслящих существ, то именно [в сознании] и состоит *тождество личности*, т. е. тождество разумного существа» [Локк: 383, п. 9]. Однако и метафизический, и диалектический материалист согласны в том, что сознание — идеальный образ материального мира. Локк добавляет, что познание — это восприятие разумом собственных идей. Это, кстати, признают и современные нейробиологи: «Мое ... глубокое убеждение — сознание можно понять только изнутри мозга... Я готов пользоваться самым первым определением сознания, данным в конце XVII века знаменитым английским философом Джоном Локком. Он сказал: «Сознание — это восприятие того, что

происходит в разуме человека». То есть то, как разум ощущает свои собственные состояния. Если перевести это на научный язык моей гиперсетевой теории мозга, это очень близко к тому, что она говорит» [Анохин 2024].

Сознание — эфемерида огромной силы; это целая Вселенная («Вселенная нашего мозга», по выражению К.В. Анохина), в которой количество нервных связей едва ли не больше, чем протонов в Космосе. В мозге примерно 10^{11-12} нейронов. С классической точки зрения в мозге возможно 10^{15-16} их различных соединений. С квантовой же точки зрения число корреляций между различными нейронами возрастает до 10^{24-25} , причем они относятся к далеко отстоящим друг от друга областям мозга.

Онтологически, сознание — свойство материи мозга; гносеологически — это идеальная диспозиция объективно-материального. (Уже ощущения диспозиционны; иначе «кошка царапала бы свои глаза, заведя мышшь»). Понятие сознания — это изолирующая абстракция, такая же по уровню, как благо, красота или сама истина.

А собственно сознание *в сущности*, по отношению к «своему сознаваемому содержанию», *идеально*. Правда, во многих других отношениях оно «материально»: материален источник сознания — объективный мир, материально его существование в виде нервных импульсов, материально его воплощение в языке и формах культуры. В упомянутой дискуссии 70-х гг. о проблеме идеального Э.В. Ильенков (несправедливо) упрекнул И.С. Нарского в вульгарном материализме — приписывании сознанию свойств материальности [Ильенков 1979: 263]. А вот что говорит влиятельный академик К.В. Анохин, руководитель Института перспективных исследований мозга МГУ: «В выражение “физический носитель” можно уложить только что-то очень примитивное, например, представление о некоем материальном объеме: где расположена та структура, которую мы называем разумом... В этом смысле она расположена в мозге. Это часть мозга» [Анохин 2024]. Нейробиологию не смущает этот силлепсис. Она говорит: главные единицы нашего знания / опыта это особые целостные клеточные когнитивные группы (а не нейроны и их связи). Экспериментатор может видеть, как они светятся, когда мозг начинает мыслить (ими). «Более того, мы можем современными нейробиологическими методами избирательно пошевелить какую-то из этих групп и вызвать субъективное состояние, которое она кодирует. Такие коги и есть элементарные кусочки нашего «я», и в мозге они связаны друг с другом в единую систему — когнитом» [Анохин 2022].

Но с философской точки зрения получение так называемого «квалиа» (персонального феноменального опыта; термин ввел философ Кларенс Льюис еще в 1929 г.) из нейронов и химических реакций пока что необъяснимо. Френсис Крик, один из авторов открытия структуры ДНК, говорил своему со-лауреату Джеймсу Уотсону, что ученым пока еще не удалось расшифровать двойную спираль мозга. В нейронауке сегодня ставится именно эта цель.

Семь-восемь лет назад между собой конкурировали «два крупных соперника: теория глобального нейронного рабочего пространства и теория интегрированной информации» [Дерикот]. В общем виде задача сводится к обоснованию вычленения того минимума нейронных сетей, которые обеспечивают нам сознательный опыт: нейронных коррелятов сознания. Практических исследований и находок в этой сфере много.

На «входе» мозг воспринимает световые волны, активирующие фоторецепторы; звуковые волны, колеблющие барабанную перепонку, преобразуются в нейрональные сигналы во внутреннем ухе; химические молекулы связываются с обонятельными и вкусовыми рецепторами. Посредством изменения ионной проницаемости

мембран, генерацию потенциалов (в соответствии с интенсивностью стимула) и передачу сигналов по сенсорным путям в таламус и первичные корковые зоны физические стимулы превращаются в электрохимические сигналы нейронов. Далее в полисенсорных нейронах коры (префронтальная, теменно-височная, угловая извилина) происходит конвергенция сигналов, активируются ансамбли нейронов, репрезентирующих признаки объекта, и формируется их «концептуальный узел». Это устойчивый паттерн, кодирующий обобщённый образ класса объектов. Затем создаются рекуррентные семантические цепи: активация совпадающих паттернов сенсорных признаков и вербального ярлыка запускает активацию всей сети (Обзор от ИИ).

Однако и сегодня «не существует общепринятой теории, объясняющей возникновение субъективного опыта из физических процессов» [Недяк: 95]. Сознание нельзя полностью свести к нейронной активности.

Большинство философов и ученых других специальностей считают, что наше мышление и поведение зависит от того, как наш мозг развивается под влиянием нашего опыта и культуры. Однако существуют и глубокие врожденные механизмы, управляющие психосоматическими процессами в организме; они универсальны и от различий воспитания или от культурного контекста не зависят. Рассмотрим позиции философов, изучающих обе стороны развития мозга и, соответственно, сознания — работающих в последние десятилетия в формате когнитивистики.

В ключе философской антропологии советский и российский философ В.А. Бажанов, используя классический деятельностный подход, исследует, как культура и социальный контекст влияют на когнитивные процессы. Он формулирует широкий «*принцип относительности субъекта познания к его социокультурному и биологическому происхождению и ареалу деятельности и генетической предрасположенности, корректируемой особенностями истории его жизни*» [Бажанов 2019: 39]. Кратко можно представить его взгляды следующим образом (со ссылками на многих зарубежных авторов).

Нейробиологические структуры, формирующиеся в ходе онтогенеза под воздействием деятельности и культурных факторов, детерминируют социальное познание и поведенческие паттерны. Эти априорные когнитивные установки выступают фундаментальными предпосылками для нейросоциологических и когнитивно-нейронаучных исследований. В коллективистских культурных контекстах когнитивная активность преимущественно ориентирована на социальные и контекстуальные аспекты, тогда как в индивидуалистических обществах фокус смещается на конкретные объекты и явления. В жестко структурированных социумах наблюдается строгое соблюдение социальных норм, в то время как в более гибких социальных системах допустимы отклонения от нормативных стандартов. Масштабное исследование, охватившее 50 тысяч респондентов из 30 различных наций, выявило, что в жестких социальных структурах преобладает популяция носителей коротких S-аллелей (S от англ. 'short', короткий) гена-переносчика серотонина 5-HTTLPR (связанного с геном SLC6A4), что коррелирует с повышенной чувствительностью к стрессовым факторам и склонностью к кооперативному поведению. В мягких социальных системах доминируют носители длинных L-аллелей (L от англ. 'long', длинный) этого гена, проявляющие большую открытость к инновациям и изменениям [Там же: 54—55; 88—91] (Пересказ от ИИ).

Идя далее, можно сделать вывод о неизбывной разнице людей с указанными генами разной длины, которые сформировались в ходе их существования в разных культурных коллективах: максимальное присутствие S-аллелей наблюдается у представителей Юго-Восточной Азии, минимальное у жителей Великобритании, Австралии и США. (Россия занимает промежуточное положение, но все-таки ближе к коллективистским культурам).

Совершенно справедливой, однако, представляется позиция В.А. Бажанова, сформулированная им в недавней работе: «В контексте идеи биокультурного конструктивизма, <...> в границах целостной системы мозг — культура — социум постоянно происходит обмен между ее различными компонентами, который преобразует их природу, модус проявления и траектории развития, а следовательно, «автономное» существование любого из указанных компонентов вне и помимо связи с другими в рамках данной целостности фактически невозможно, или, во всяком случае, оно не будет полноценным в смысле воссоздания и исчерпания всех заложенных в него потенций. <...> Допускает ли в принципе квантовая механика такого рода подход — вопрос открытый...» [Бажанов 2025: 88—89].

Надо заметить в скобках: нобелевский лауреат Джеймс Уотсон долго возглавлял проект «Геном человека». При этом последние десятилетия его имя сопровождали громкие споры. В 2007 г. Уотсон лишился руководящей должности после высказываний о связи цвета кожи и интеллекта. Позже лаборатория Cold Spring Harbor отозвала у него почетные звания, когда в 2018 году ученый отказался отречься от своих слов.

Итак, примем, что «онтогенетически заданные, деятельностно и культурно сформированные нейроструктуры ... предопределяют специфику социальной познания и процессов социальной активности (как, впрочем, имеет место и обратный эффект), являются... предзаданными и для познания социальной реальности, и для конкретной деятельности в ткани этой реальности» [Бажанов 2019: 88].

Основной темой научного интереса советского и российского философа Ю.М. Сердюкова также являются априорные, предзаданные психосоматические состояния, или происхождение и динамика субъективной реальности (синоним сознания, по Д.И. Дубровскому; но оказалось, что «субъективная реальность» шире) в предельных фазах существования человеческого организма: до рождения и перед смертью или во время клинической смерти [Сердюков]. Философ отмечает, что относительно базисного значения психо-нейро-динамической системы, возникающей в перинатальный период, к 80-м гг. уже не осталось сомнений. Она содержит врожденные матрицы коллективного бессознательного, организующие субъективную реальность. Еще более пристальное внимание исследователей привлек NDE (near death experience) — околосмертный опыт, изучение которого нейробиологами заставило предположить чрезвычайную жизнестойкость мозга: это объясняется работой крупных сосудов, содержащих кислород, АТФ и глюкозу; «при кислородном голодании мозга... синтез АТФ происходит анаэробным путем в результате расщепления глюкозы» [Там же: 135]. В этом онирическом состоянии особого помрачения сознания в самых древних образованиях мозга преобладают тета-ритм (сильный стресс) и дельта-ритм (наркотический сон) электрической активности. Мозг живет в состоянии абсолютной сенсорной депривации, без регуляторов времени, еще 12 — 24 часа после прекращения дыхания и остановки сердца... Это состояние невыразимой в естественном языке *субъективной реальности*. Сближая его с перинатальным, философ именует подобный опыт трансцендентальным [Там же: 161]. Этот же опыт является источником религиозных представлений [Там же: 219]. И некоторые исследователи (Van Lommel, Greyson) [Там же: 135] делают из таких наблюдений «нередукционистский» вывод о непрерывности сознания после физической смерти.

Дабы не уходить ни в панпсихизм, как у австрало-английского философа Д. Чалмерса (разновидность гилозоизма), ни в редукционизм, сиречь вулгарный материализм, объясняющий высшее через низшее (например, объявить сознание не веществом, но *полем* — это тоже редукционизм), философы-когнитивисты

зачастую прибегают к нейтральному, а точнее — уклончивому понятию информации. «Ключевым термином, позволившим нивелировать дихотомию идеальное/материальное и осуществить синтез естественнонаучного и социогуманитарного знания при формировании целостного представления о человеке, стало понятие *информации*...» [Там же: 7]. Но в этом отношении автор данной статьи остается на позиции А.В. Соколова, сформулированной им еще в конце прошлого века. Информация — это снятие неких «возможных миров». Информация — это мера организации системы, по Н. Винеру. Но, говоря яснее, информация — это *абстракция*, продукт мышления, это определенная квалификация *сознания* в формате естественнонаучного подхода к познанию, и она не может функционировать вне сферы человеческого бытия (и сознания) [Соколов]. Будучи категоризированным, это общенаучное понятие стало первым претендентом из всех общенаучных понятий (система, структура, процесс, функция, организация, модель, знак, значение и т. д.) на то, чтобы считаться гносеологическим, философским. В перспективе — категорией.

Заключение. Теория познания и философия в целом, будучи динамичной и рефлексивной дисциплиной, непрерывно расширяет свои границы, переосмысливает свою идентичность, мировоззренческие и методологические основания. Этот процесс реконцептуализации затрагивает не только современные проблемные области и существующие методы философского анализа, но и её взаимоотношения с другими дисциплинарными областями и внефилософскими аспектами человеческого опыта.

Комплекс наук о сознании располагается в широком диапазоне от психогенетики и психонейроиммунологии до нейролингвистики и нейробиологических исследований медитации [Там же].

Взрывообразно развивающиеся нейронауки, новые исследования ноосферы, «сквозная технология ИИ, применяемая повсюду и везде может создавать как возможности, так и угрозы» [Воронцов]. В действительности происходящая ныне новейшая научно-технологическая революция, как и любая подобная революция, приносит огромные преимущества в смысле быстрого пополнения знаний и новых способов этого пополнения (свежих оригинальных методик, добавочных компетенций etc.), и одновременно является рискованным вызовом мировоззренческим основаниям науки и угрозой существующим когнитивным установкам в решении проблемы сознания. Выходом представляется тщательное исследование «ничейной земли» между наукой и теорией познания, по ставшему классикой выражению Морица Шлика. Этот очень заметный «шов» материалистической гносеологии следовало бы «распутить» и предложить более дружелюбное соседствование и более утонченное, деликатное соприкосновение на пересмотренных мировоззренческих основах при неукоснительном соблюдении философией своих обязанностей.

По справедливому мнению М. Чарноцкой, философская рефлексия испытывает ныне значительное влияние со стороны внефилософского мира, который, в свою очередь, постоянно трансформируется, предоставляя философии новые исследовательские вызовы и импульсы. Важно подчеркнуть, что поверхностное взаимодействие философии с нефилософскими дисциплинами может привести к утрате её собственной идентичности. Это проявляется в случаях, когда исследования, ошибочно классифицируемые как философские, не используют понятийный аппарат философии, а исходные проблемы не трансформируются в новые философские конструкты. Именно поэтому совершенно необходимо опираться на философскую традицию, которая выступает в качестве резервуара концептуальных и методологических ресурсов, а также источника вдохновения и концептуальных рамок для философских прозрений.

Более того, несмотря на многовековые дискуссии и критический анализ прошлых философских завоеваний и успехов, эти достижения остаются открытыми для новых интерпретаций и переосмыслений.

Список литературы / References

- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003. 364 с.
(Allahverdov V.M. Methodological journey across the ocean of the unconscious to the mysterious island of consciousness, St. Petersburg, 2003, 364 p. — In Russ.)
- Анохин К. В. Гонка за раскрытие тайн мозга будет сильнее космической: интервью журналу «За Науку». 26.12.2024. URL: <https://zanauku.mipt.ru/2024/12/26/konstantin-anokhin-gonka-za-raskrytie-tajn-mozga-budet-posilnee-kosmicheskoy/> (дата обращения: 30.11.2025).
(Anokhin K. V. The race to unlock the secrets of the brain will be more intense than the space race: interview for “Za Nauku” magazine, 2024. — In Russ.)
- Анохин К.В. В поисках когнитивного кода // Научно-образовательные школы Московского университета: интервью portalу «Коммерсант». 04.08.2022. URL: <https://nosh.msu.ru/brain/tpost/zrjb06cv11-v-poiskah-kognitivnogo-koda> (дата обращения: 28.11.2025).
(Anokhin K.V. In Search of the Cognitive Code, *Scientific and Educational Schools of Moscow University*, 2022. — In Russ.)
- Бажанов В.А. Мозг — Культура — Социум: Кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.
(Bazhanov V.A. Brain — Culture — Society: The Kantian Program in Cognitive Research, Moscow, 2019, 288 p. — In Russ.)
- Бажанов В.А. Возможно ли применить квантовую механику для объяснения сознания и работы мозга? // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62, № 4. С. 82—96.
(Bazhanov V.A. Is it possible to apply quantum mechanics to explain consciousness and brain functioning?, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2025, vol. 62, no. 4, pp. 82—96. — In Russ.)
- Воронцов К.В. Искусственный интеллект — это сквозная технология, она применяется повсюду и везде может создавать как возможности, так и угрозы: интервью журналу «За Науку». 25.12.2024. URL: <https://goo.su/sgNy> (дата обращения: 02.12.2025).
(Vorontsov K.V. Artificial intelligence is a cross-cutting technology; it is applied everywhere and can create both opportunities and threats everywhere: Interview for “Za Nauku” magazine, 2024. — In Russ.)
- Герасимов Г.И. Сознание как проблема истории: идеалистический подход // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 3. С. 27—33.
(Gerasimov G.I. Consciousness as a problem of history: an idealistic approach, *Noospheric Studies*, 2024, iss. 3, pp. 27—33. — In Russ.)
- Дерикот Н. «Очень трудная проблема сознания» // Нож. 09.04.2019. URL: <https://knife.media/why-so-conscious/> (дата обращения: 04.12.2025).
(Derikot N. “Very hard problem of consciousness”, *Knife*, 09.04.2019. — In Russ.)
- Ильенков Э.В. О материальности сознания и трансцендентальных кошках // Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. С. 252—271.
(Ilyenkov E.V. On the materiality of consciousness and transcendental cats, *Dialectical Contradiction*, Moscow, 1979, pp. 252—271. — In Russ.)
- Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
(Ilyenkov E.V. Philosophy and Culture, Moscow, 1991, 464 p. — In Russ.)
- Корниенко А.Ф. Сознание в психологии: теоретические аспекты. Казань: Печать-Сервис-XXI век, 2016. 293 с.
(Kornienko A.F. Consciousness in Psychology: Theoretical Aspects, Kazan, 2016, 293 p. — In Russ.)

- Лекторский В.А., Дубровский Д.И. Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. М.: Канон+, 2011. 349 с.
(Lektorsky V.A., Dubrovsky D.I. *Natural and Artificial Intelligence: Methodological and Social Problems*, Moscow, 2011, 349 p. — In Russ.)
- Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1—2: Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А. Н. Савина; ред. и авт. вступ. ст. И. С. Нарский. М.: Мысль, 1985.
(Locke J. Works: in 3 vols, vols. 1—2: an essay concerning human understanding, transl. from the English by A.N. Savin; ed. and with an introductory article by I.S. Narsky, Moscow, 1985.)
- Материалисты Древней Греции. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 238 с.
(Materialists of Ancient Greece, Moscow, 1955, 238 p. — In Russ.)
- Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969. 248 с.
(Narskiy I.S. Dialectical contradiction and logic of cognition, Moscow, 1969, 248 p. — In Russ.)
- Нарский И.С. К вопросу об отражении свойств внешних объектов в ощущениях // Проблемы логики и теории познания. М.: МГУ, 1968. С. 3—76.
(Narskiy I.S. On the question of the reflection of the properties of external objects in sensations, *Problems of Logic and Theory of Knowledge*, Moscow, 1968, pp. 3—76. — In Russ.)
- Недяк А.В. Возможен ли диалог с техносубъектом? Архитектуры искусственного интеллекта и признаки сознания // Философские науки. 2025. Т. 68, № 3. С. 93—113.
(Nedyak A. V. Is Dialogue with a Technosubject Possible? Artificial Intelligence Architectures and Signs of Consciousness, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2025, vol. 68, no. 3, pp. 93—113. — In Russ.)
- Сердюков Ю.М. Трансцендентальный опыт. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2025. 304 с.
(Serdyukov Yu. M. Transcendental experience, Moscow, 2025, 304 p. — In Russ.)
- Соколов А.В. Информация: феномен? функция? фикция? // Философские науки. 1990. № 9. С. 10—22.
(Sokolov A.V. Information: phenomenon? function? fiction?, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1990, no. 9, pp. 10—22. — In Russ.)
- Хант Г.Т. О природе сознания: с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения / пер. с англ. А. Киселева. М.: АСТ; Издательство К. Кравчука, 2004. 555 с.
(Hunt G.T. On the nature of consciousness: from cognitive, phenomenological, and transpersonal perspectives, transl. from English by A. Kiselev, Moscow, 2004, 555 p. — In Russ.)
- Czarnocka M. Reason in science and beyond, Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2025a, 185 p.
- Czarnocka M. Editorial: Philosophy Transcends Boundaries, *Dialogue and Universalism*, 2025b, no. 3, pp. 5—6.

GNOSEOLOGY AND COGNITIVISTICS ON THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS: SIX SEAMS

Emilia A. Tajsina

Kazan State University of Power Engineering,
Kazan, Russian Federation, Emily_Tajsin@inbox.ru

Abstract. The problem of the origin and essence of consciousness is the oldest and most difficult to study in philosophy and other sciences. Although it has been posed and addressed by all significant philosophers and many scientists representing the specialized sciences, to date there exists neither a generally accepted definition of consciousness nor a solution to this problem that satisfies all, or at least most, researchers. In strict logical wording, consciousness can be

represented as: an independent entity (an ideal mode of being); a property of some other substance (for example, of the brain); a function or work (of the brain); a generated substance; a generative substance; a substance independent of matter; a dependent substance, fused with matter. The philosophical model, which represents consciousness as a “sphere” that distinguishes man from the rest of nature, has at least six “seams”. Today, cognitive science, in particular neuroscience, is most successful in explaining the nature and essence of consciousness, developing on a materialistic basis and, in a certain sense, becoming a counterweight to gnoseology, which separates the objective and subjective worlds as the watcher and the watched.

Keywords: consciousness, cognition, brain, information, perception, mind, rationality, science, society

For citation: Tajsina E.A. Gnoseology and cognitistics on the problem of consciousness: six seams, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 147—158.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026; одобрена после рецензирования 11.05.2026; принята к публикации 03.07.2026.

The article was submitted 03.04.2026; approved after reviewing 11.05.2026; accepted for publication 03.07.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Тайсина Эмилия Анваровна — доктор философских наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия, Emily_Tajsin@inbox.ru, SPIN: 6974-2745

Tajsina Emilia Anvarovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation, Emily_Tajsin@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 159—165.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 159—165.

Научная статья

УДК 101.1:378.147:165

EDN <https://elibrary.ru/pshbef>

DOI: 10.46726/И.2026.3.17

САМОСОЗНАНИЕ ФИЛОСОФИИ В ДИСКУРСЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Николай Николаевич Кожевников, Вера Софроновна Данилова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

г. Якутск, Россия, nikkozh@gmail.com, vs.danilova@s-vfu.ru

Аннотация. Рассмотрены основные противоречия современного мира. Отдельно выделены ключевые проблемы в природной среде, экономической, политической и социальной сферах, а также в над-сознании, то есть в гуманитарной сфере, являющейся общей характеристикой культуры, религии, идеологии и всего связанного с ними. Исходя из подходов к решению этих проблем, рассмотрены основные эпистемологические и онтологические структуры, которые тесно взаимосвязаны между собой, развивают и дополняют друг друга. Эпистемологические структуры развивали Башляр, Фуко, Кун, Холтон, Лиотар. Подробно рассматриваются основные вопросы философии и их вклад в формирование эпистемологических структур. Методологические аспекты образовательного процесса тесно переплетены с этими структурами. Онтологические структуры связаны с научными картинами мира, моделями реальности. Представления о них развивали Ньютон, Максвелл, Дарвин, Эйнштейн, Планк, Бом, Прибрам, Степин и многие другие. Онтологические структуры человека и социальных образований (групп, институтов и т. п.) должны быть непременно связаны с контекстами, определяющими их существование и развитие: биосферой, социосферой, ноосферой, в которых могут быть выделены многочисленные промежуточные оболочки, структуры и подсистемы. Наиболее яркими примерами таких оболочек являются педосфера, пневматосфера, антропосфера, экосфера и т. д.

Ключевые слова: бытие, онтология, эпистемология, структура, природа, социум, основные вопросы философии, научные картины мира

Для цитирования: Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Самосознание философии в дискурсе высшего образования России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 159—165.

Введение. Противоречия в природной среде, экономической, социальной, политической сферах и в над-сознании. Во всех этих средах и сферах накопились серьезные противоречия, которые сотрясают современный мир. Катастрофические тенденции, порожденные деятельностью человека, давно присутствуют в природопользовании и экологии многих регионов планеты, оказывают разрушительное влияние на общепланетарные процессы в атмосфере, гидросфере, биосфере, криосфере и других геосферах. В своей эксплуатации этих оболочек человек давно перешел все допустимые пределы. Еще в 1960 — 70-х гг. Н.В. Тимофеев-Ресовский писал, что допустимо использовать не более одного процента от производимого биосферой [Яблоков, Глогов, Тимофеев-Ресовский], однако в настоящее время, несмотря на все принимаемые меры, человек использует не менее 10 % биосферных продуктов.

© Кожевников Н.Н., Данилова В.С., 2026

Расширяются, углубляются, становятся все более изощренными экономические и реальные войны. Понятие их локальности на глазах утрачивает смысл, вовлекая в свою орбиту все большее количество стран и социальных институтов. Некоторые из застарелых социальных и политических конфликтов практически не имеют решения в существующей в настоящее время системе координат для реальных процессов в вышеупомянутых сферах. Критерии Вестфальского, Версальского договоров утратили свое значение. Имеется точка зрения, что политическая стабильность на новых основаниях установится в период 2030—2050 гг. Кроме того, в это же время человечество достигнет своего популяционного равновесия. Проблема состоит в том, что развитие человечества на протяжении всей его истории было неравновесным. Так, в начале XX столетия на Земном шаре проживало 1,3 млрд человек, а в конце века — более 7 млрд. Подобное увеличение численности за сто лет практически в 5 раз привело к росту потребления воды, пищи, энергии, других фундаментальных параметров жизнедеятельности и обусловило неравновесность всех связанных с ними процессов. К 2030-м гг. численность населения должна установиться на уровне 9—10 млрд [Капица и др.]. Конечно, это положительная тенденция, но ее необходимо рассматривать в контексте целого комплекса социальных и других проблем.

Над-сознание связано с гуманитарной сферой и является общей характеристикой культуры, религии, идеологии и всего связанного с ними. Здесь также накопилось огромное число противоречий, обусловленных слабыми взаимодействиями между культурами, недостаточно организованными «стыковочными узлами», способными обеспечить их гармоничное развитие. Вследствие этого в упомянутых сферах активно развиваются фундаментализм и обусловленные им процессы.

Методология исследований. Все эти факторы необходимо учитывать при преподавании философских дисциплин в высшей школе. Общая схема методологического подхода здесь сводится к привлечению имеющихся экспертиз наиболее важных проблем, мешающих устойчивому развитию современного мира, и исследованию стратегий, направленных на их преодоление. Необходим также философский анализ контекста наиболее острых проблем и параметров, мешающих их разрешению на региональном, межрегиональном и планетарном уровнях, сравнение «дорожных карт», направленных на преодоление возникающих препятствий. Этот анализ предполагает универсальный взгляд на происходящие процессы в их непрерывном развитии. Наиболее естественным образом он должен опираться на современные модели бытия, что позволит учесть все возможные взаимодействия и процессы на всех уровнях структурной организации мира.

Помимо упомянутых выше противоречий современного мира, проблемой является также значительное сокращение часов по ряду философских дисциплин в высшей школе некоторых регионов современной России. Выход из создавшегося положения видится нам в переориентации процесса преподавания на основные философские и методологические проблемы этих наук. Сейчас чтение лекций по философии зачастую сводится к ее истории, однако, в свете вышесказанного, всестороннее изложение исторического философского материала должно отойти на второй план. Историю философии следует использовать в виде примеров, иллюстраций, дополнительных заданий, СРС, что предполагает глубокое знание этого предмета, его внутренних и внешних взаимосвязей с близкими к нему дисциплинами.

Общая направленность преподавания философии на современном этапе. Методолого-эпистемологические аспекты. Здесь следует опираться на эпистемологические структуры — устойчивые, исторически сложившиеся системы

организации знания, инфраструктуру мышления, сложившуюся в определенную эпоху и характерную для определенной культуры.

Важнейшие концепции эпистемологических структур разработали Гастон Башляр («эпистемологическое препятствие», «эпистемологический разрыв» [Башляр]); Мишель Фуко («эпистема» как синоним «эпистемологической структуры» [Фуко]); Томас Кун («парадигма», применимая в первую очередь к науке [Кун]); Жан-Франсуа Лиотар (переход от «больших нарративов» (метаповествований) к «постмодернистскому состоянию», где знание существует как фрагментированная информация [Лиотар]). Современное знание становится плюралистичным, контекстуальным, инструментальным. Информационные технологии (компьютерная модель, исходные данные, сеть) меняют форму хранения, производства и легитимации знания. Проблема заключается в том, что большинство из этих структур является невидимыми, воспринимаются как естественные, самоочевидные. Задача эпистемологии — сделать эти структуры наглядными, показать, как они формируют то, что обычно считается само собой разумеющейся истиной.

Значительные преимущества при исследовании основных проблем философии и всего корпуса социально-гуманитарных наук дают «Основные вопросы философии», рассматриваемые в качестве исходных пунктов их анализа. Их рассмотрение можно начинать с широко распространенного в отечественной литературе «вопроса Ф. Энгельса», который в течение долгого времени представлялся как единственный основной вопрос. Он имеет два аспекта — онтологический и гносеологический. Первый посвящен выяснению отношения сознания (духа) и материи друг к другу. Исследования последних десятилетий показывают, что проблема здесь гораздо глубже: материя и сознание могут взаимодействовать друг с другом. Еще в 1944 г. М. Планк начал развивать гипотезу о матрице Вселенной. Продолжением этих идей явились работы по «голографической Вселенной» Д. Бома и К. Прибрама [Талбот], представляющие Вселенную в виде гигантской голограммы, где самая крошечная ее часть содержит информацию об общей картине бытия и где сознание и материя оказываются в непосредственной связи друг с другом. Кроме того, здесь следует отметить определенные корреляции с процессами познания, которые тесно переплетены с процессами уровня жизни, протекающими в человеческом теле. Это продемонстрировано в исследованиях М. Мерло-Понти, В.А. Подороги [Феноменология и ее роль...: 65—66]. Гносеологический аспект вопроса Энгельса — о познаваемости и непознаваемости мира — лежит глубже и не связан с концепциями материализма и идеализма. Он ставился еще в ранней античности и с тех пор был всесторонне исследован в рамках различных направлений и концепций (агностицизм, скептицизм, оптимизм).

Другими основными вопросами философии являются: «1. Принципиальное разграничение субъективного и объективного (субъекта и объекта), выяснение отношения между ними, познание того, что в действительности субъективно, а что объективно. 2. Вопрос философского реализма, выступающий как против материализма, так и против идеализма. 3. Что такое человек? — Вопрос, поставленный Кантом» [Ойзерман: 38—40]. Кроме того, можно выделить еще несколько основных вопросов: о могуществе науки (Ф. Бэкон); о сущности человеческого счастья (К. Гельвеций); о социальном неравенстве (Ж.-Ж. Руссо); проблему понимания мира, включая понимание нас самих (К. Поппер). Следует упомянуть знаменитые вопросы Канта: 1) что я могу знать? 2) что я должен делать? 3) на что я могу надеяться? Каждый из перечисленных выше вопросов представляет собой основание для исследования вышеупомянутых проблем.

Методология науки и философии также имеет много направлений, которые, включая их трансформацию, имеют ключевое значение в гуманитарных дисциплинах. Здесь необходимо обратить внимание прежде всего на четыре основные тенденции в ее развитии: 1) методология как самостоятельная наука, 2) ее синтез с философией, 3) методология деятельности, 4) частные методологии, которые есть в каждой отдельной науке. А также на эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни познания. Определяющее значение имеет типология методологии для естественных, социальных, гуманитарных наук, ее основные принципы, прежде всего: проверяемости — верифицируемости, опровергаемости — фальсифицируемости, простоты, инвариантности, дополнительности, соответствия, согласованности-системности. С точки зрения трех этапов развития науки и философии: классического, неклассического, постнеклассического методология выглядит следующим образом. «В первом случае процесс познания определяется только объектом, во втором к объекту добавляются средства и операции деятельности, в третьем случае — объект, средства и операции деятельности в процессе познания объединяются с субъектом. В последнем случае становятся явными цели и ценности научной деятельности, которые всегда ее определяли, но в первых двух случаях оставались за пределами процесса познания» [Степин: 633—634]. Современные методология и философия науки во многом определяются материалом исследований и процессом его познания.

Практическое использование этих структур может быть представлено следующим образом. В любом объеме знания существует ядро, инфраструктура, обеспечивающая его существование, и прочая информация, которая несущественна для целей настоящего исследования, а часто и вообще представляет собой информационный шум. В процессе усвоения нового знания следует формировать структуру этого ядра и обеспечивать его устойчивость на многие годы вперед.

Общая направленность преподавания философии на современном этапе. Онтологические аспекты. Здесь следует выделить прежде всего проблему бытия, которая после онтологического поворота XX столетия стала особенно актуальной. При этом следует обратить особое внимание на философские концепции В.С. Соловьева, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Н. Гартмана, М. Хайдеггера. Именно усилиями Бердяева, Франка и Лосского был осуществлен онтологический поворот, вернувший понятию «бытие» первенствующее место в философии. Он произошел раньше, чем в странах западного мира, предвзяла работы Н. Гартмана, М. Хайдеггера и других известных специалистов по онтологии XX столетия.

В этих исследованиях на первый план выходит типология бытия и ее пределы, структура бытия (каркасы, матрицы), бытие человека и социального. А также онтология, эпистемология и методология бытия. Исследование бытия следует рассматривать по нескольким направлениям. В философии науки проблема сводится к рассмотрению картин мира, то есть целостного рассмотрения совокупности фундаментальных концепций для определенного этапа развития науки. Применительно к человеку — это исследование полноты, взаимодействия «ума и сердца». Исследование социальных и гуманитарных концепций и проектов должно предполагать обязательную обратную связь в виде перманентной экспертизы, направленной на корректировку общего направления их реализации. В дальнейшем развитии человечества следует учесть негативный опыт социальных экспериментов прошлого столетия.

Во всех этих направлениях ключевую роль играют «онтологические структуры», описывающие организацию и способ существования бытия. Они дают

представление об устройстве самой реальности и способствуют созданию структур для решения практических задач. В картинах мира такими структурами являются основные понятия, «тематические ядра», «дисциплинарные онтологии», их функции и взаимодействия. Дж. Холтон понимает под «тематическим ядром» «когнитивную структуру, объединяющую совокупность тематических категорий и допущений, которые носят характер бессознательно принятых, непроверяемых, квази-аксиоматических базисных положений, утвердившихся в практике мышления в качестве его руководящих и опорных средств» [Холтон: 41]. В.С. Степин считает, что «“дисциплинарные онтологии” являются специфической формой систематизации научного знания, задающей видение предметного мира науки соответственно определенному этапу ее функционирования и развития» [Степин 2003: 192]. Дисциплинарные онтологии обладают гораздо большим разнообразием и глубиной по сравнению с общими картинами мира. «Обобщенный системно-структурный образ предмета исследования вводится в специальной научной картине мира посредством представлений: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой; 2) о типологии изучаемых объектов; 3) об общих особенностях их взаимодействия; 4) о пространственно-временной структуре реальности» [Степин 2001: 32].

Огромное значение для прояснения онтологических структур имеют модели реальности. Сам этот термин употребляется в различных значениях, наиболее разработанными из которых являются предметные области соответствующих наук (физическая, химическая реальности и т. д.). «Необходимость формирования понятия физической реальности возникла тогда, когда физическая наука стала все больше удаляться от исследования непосредственно наблюдаемых вещей и процессов, используя все усложняющиеся экспериментальные средства и все более сложные математические абстракции и формализмы. Итак, в методологии современного физического познания используются три понятия реальности: «объективная реальность» (природа, физический мир), «эмпирическая (наблюдаемая или экспериментальная) реальность» и «теоретическая реальность» (мир конструкторов, теорий и моделей), которые глубоко связаны между собой» [Дышлевова: 428].

Онтологические структуры человека и социальных образований (групп, институтов и т. п.) должны быть непременно связаны с контекстами, определяющими их существование и развитие: биосферой, социосферой, ноосферой, в которых могут быть выделены многочисленные промежуточные оболочки, структуры и подсистемы. Наиболее яркими примерами таких оболочек являются педосфера, пневматосфера, антропосфера, экосфера и т. д. Таким образом, вышеупомянутые онтологические и эпистемологические структуры тесно переплетены друг с другом, обладают сложной иерархией и многочисленными оболочками-контекстами. Они в значительной степени аналогичны каркасам бытия.

Заключение. Основным предназначением преподавания философии и других гуманитарных дисциплин является выявление актуальных современных проблем, возникающих перед человечеством. Это обеспечивает смыкание преподавания с учебно-методологической и научной работой. Последняя организована как раз по проблемам, и результаты научных исследований непосредственно взаимодействуют с учебными процессами. Просто эти проблемы необходимо правильно заострить на наиболее важном для сохранения всех земных оболочек.

Студенческая пытливость, особенно на семинарских и практических занятиях, создает обратную связь в научной работе, а преподавание способствует оттачиванию научной методологии. Все это доказано эффективным взаимодействием

упомянутых процессов во многих тысячах высших учебных заведений мира. В настоящее время это направление также актуализируется противоречиями современного мира и ситуацией в образовании России.

Список литературы / References

- Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. 376 с.
(Bachelard G. The new rationalism, Moscow, 1987, 376 p. — In Russ.)
- Дышлевой П.И. Реальность физическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 428—429.
(Dyshlevo P.I. Physical reality, *New philosophical encyclopedia*, Moscow, 2001, vol. 3, pp. 428—429. — In Russ.)
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего: Образование. Демография. Проблемы прогноза. Кн. 2. 4-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2020. 384 с.
(Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetics and predictions of the future: Education. Demography. Problems of forecasting, book 2, 4th ed., Moscow, 2020, 384 p. — In Russ.)
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
(Kuhn T. The structure of scientific revolutions, Moscow, 1975, 288 p. — In Russ.)
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 1998. 160 с.
(Lyotard J.-F. The postmodern condition, Moscow, 1998, 160 p. — In Russ.)
- Ойзерман Т.И. Основные вопросы философии // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 37—48.
(Oizerman T.I. Main questions of philosophy, *Questions of philosophy*, 2005, no. 11, pp. 37—48. — In Russ.)
- Степин В.С. Научная картина мира // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 32—34.
(Stepin V.S. Scientific picture of the world, *New philosophical encyclopedia*, Moscow, 2001, vol. 3, pp. 32—34. — In Russ.)
- Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
(Stepin V.S. Theoretical knowledge, Moscow, 2003, 744 p. — In Russ.)
- Талбот М. Голографическая Вселенная: Новая теория реальности. М.: София, 2009. 416 с.
(Talbot M. The holographic universe: A new theory of reality, Moscow, 2009, 416 p. — In Russ.)
- Феноменология и ее роль в современной философии (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 43—84.
(Phenomenology and its role in modern philosophy (Round table materials), *Questions of philosophy*, 1988, no. 12, pp. 43—84. — In Russ.)
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд; Талисман, 1994. 408 с.
(Foucault M. The order of things: An archaeology of the human sciences, St. Petersburg, 1994, 408 p. — In Russ.)
- Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. 384 с.
(Holton J. Thematic analysis of science, Moscow, 1981, 384 p. — In Russ.)
- Яблоков А.В., Глотов Н.В., Тимофеев-Ресовский Н.В. Очерк учения о популяции. М.: Наука, 1973. 277 с.
(Yablokov A.V., Glotov N.V., Timofeev-Ressovsky N.V. Essay on the doctrine of population, Moscow, 1973, 277 p. — In Russ.)

SELF-AWARENESS OF PHILOSOPHY IN THE DISCOURSE OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Nikolay N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
Yakutsk, Russian Federation, nikkozkh@gmail.com, vs.danilova@s-vfu.ru

Abstract. This article examines the fundamental contradictions of the modern world. Key issues in the natural environment, economic, political, and social spheres are highlighted, as well as in the superconscious, that is, in the humanities, which is the common characteristic of culture, religion, ideology, and everything related to them. Based on approaches to solving these problems, the article examines the main epistemological and ontological structures that are closely interconnected, developing, and complementing each other. Epistemological structures were developed by Bachelard, Foucault, Kuhn, Holton, and Lyotard. Key philosophical issues and their contribution to the formation of epistemological structures are examined in detail. The methodological aspects of the educational process are closely intertwined with these structures. Ontological aspects are associated with scientific worldviews and models of reality. Concepts about them were developed by Newton, Maxwell, Darwin, Einstein, Planck, Bohm, Pribram, Stepin, and many others. The ontological structures of humans and social entities (groups, institutions, etc.) must necessarily be connected to the contexts that determine their existence and development: the biosphere, sociosphere, and noosphere, within which numerous intermediate layers, structures, and subsystems can be identified. The most striking examples of such layers are the pedosphere, pneumatosphere, anthroposphere, ecosphere, etc.

Keywords: being, ontology, epistemology, structure, nature, society, fundamental questions of philosophy, scientific worldviews

For citation: Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. Self-awareness of philosophy in the discourse of higher education in Russia, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 159—165.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 23.06.2026; принята к публикации 03.07.2026.

The article was submitted 15.05.2026; approved after reviewing 23.06.2026; accepted for publication 03.07.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Кожеевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного Федерального университета, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru, SPIN: 7650-1297

Kozhevnikov Nikolay Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nnkozhev@mail.ru

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Восточного Федерального университета, г. Якутск, Россия, vs.danilova@s-vfu.ru, SPIN: 9303-7094

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, vs.danilova@s-vfu.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 166—173.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 166—173.

УДК 17.022.1:141.132(430)

EDN <https://elibrary.ru/pwwqwf>

DOI: 10.46726/H.2026.3.18

АРИФМЕТИКА И АЛГЕБРА МОРАЛИ (О ЗОЛОТОМ ПРАВИЛЕ НРАВСТВЕННОСТИ И КАТЕГОРИЧЕСКОМ ИМПЕРАТИВЕ КАНТА)

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина,

г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. Золотое правило нравственности и категорический императив И. Канта рассматриваются в их соотношении, как вехи исторического прогресса в области морального сознания в целом и этической теории в частности. Принцип талиона рассматривается как форма первобытного сознания, а принцип взаимности — как начальная форма нравственности. Приводятся противоречивые оценки золотого правила нравственности, сделанные рядом современных философов. В результате их анализа доказывается, что золотое правило нравственности являет собой исторически и логически первый уровень морального сознания, выступает в качестве «арифметики» моральной практики и этической теории. Анализируются этические позиции Н.Ф. Федорова и А. Швейцера в их соотношении с содержанием категорического императива. Обосновывается вывод о том, что категорический императив и сегодня остается оптимальной формой выражения сущности морали как формы и средства гармонизации интересов всех членов любого сообщества.

Ключевые слова: золотое правило нравственности, категорический императив, моральное сознание, этическая теория, супраморализм Н.Ф. Федорова, этика благоговения перед жизнью, альтруизм и эгоизм

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Арифметика и алгебра морали (о золотом правиле нравственности и категорическом императиве Канта) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 166—173.

Золотое правило нравственности и категорический императив, сформулированный И. Кантом, трактуются в этической философии как крупнейшие вехи становления морального сознания. Эти этические принципы рассматривают по-разному: иногда как изолированные друг от друга, иногда — как выражающие сходное содержание или, напротив, как едва ли не противоположные морально значимые установки. Попытаемся показать, что золотое правило нравственности являет собой исторически и логически первый, начальный уровень морального сознания, выступает в качестве «арифметики» моральной практики и этической теории. Категорический императив же представляет собой высший, до настоящего времени не превзойденный уровень морального сознания, получивший в двух дополняющих друг друга формулировках Канта свое полное выражение. Таким образом, эти этические принципы можно рассматривать как исторические вехи развития морального сознания человечества.

Как известно, первобытное сознание не содержит нравственных принципов как таковых. Оно включает в себя системы всякого рода безусловных запретов

(табу), которые обычно имеют сакральное, а не рациональное обоснование. Эти запреты в одинаковой мере касаются и тех ситуаций, которые мы сегодня рассматриваем как морально значимые, и тех, что имеют морально нейтральное содержание. Это мы можем видеть на примере Ветхого Завета, правил жизни различных первобытных культур.

До того, как появилось золотое правило, все противоречия, содержащие «конфликты интересов», разрешались на основе принципа талиона — «око за око, зуб за зуб». Нельзя не видеть, что «золотое правило» явилось на этом историческом фоне огромным шагом на пути морального прогресса человечества. Вместо чувства мести или примитивного, «прямолинейного» понимания справедливости это правило призывает руководствоваться сочувствием, состраданием, снисходительностью к слабостям людей, основанными на саморефлексии. В простых ситуациях, касающихся базовых интересов и потребностей людей, оно действует безотказно. Никто не хочет, чтобы его убивали, грабили, мучили, унижали. С другой стороны, всякий желает для себя снисхождения со стороны других, если совершает нечто недолжное с точки зрения морали. Золотое правило требует, чтобы даже совершивший проступок, преступление имел право на некоторое снисхождение.

Реальные нравы не только древнего, но и современного общества показывают, что даже в этих простых для моральной оценки случаях соблюдать золотое правило могут далеко не все и не всегда. Сложность здесь коренится как в эмоциональной, так и в рациональной мотивации. Эмоции гнева, зависти, мести нередко заставляют субъекта морально-значимого действия забывать, что перед ним такой же, как он, представитель человеческого рода. Но не менее часто данное правило игнорируется вполне сознательно, на том основании, что объект морально-значимого отношения не рассматривается как равный субъекту или даже исключается из сферы действия морали. Для подобного типа сознания представители другой расы, другой религии, враждебного класса и т. п. — «не люди».

Один из крупнейших отечественных специалистов в этической теории А.А. Гусейнов неоднократно обращался к теме золотого правила нравственности. В одной из своих статей философ подробно анализирует Принцип взаимности, который впоследствии и получил название золотого правила, и был сформулирован Конфуцием еще за 500 лет до появления Евангелия. Гусейнов отмечает, что золотое правило присутствует во всех великих культурах древности и, «по всей вероятности, в каждой культуре оно возникало каждый раз заново» [Гусейнов: 112]. Исследователь подчеркивает, что отношение, лежащее в основе «золотого правила», «... направлено не на других в их своеобразии, а на самого себя. Говоря точнее, отношение к другим реализуется через отношение к самому себе. Оно нацеливает на то, чтобы рассматривать других не в отличии, а в их единстве с самим действующим индивидом, и потому самому быть наилучшим, блокируя желания сердца, которые не соответствуют ритуалу» [Там же: 116—117].

Современный американский философ Джеффри Уолтз в своей известной работе, также посвященной этой теме, всесторонне рассматривает золотое правило — его генезис, исторические формы, религиозные и светские интерпретации, практическое значение для современной этической жизни. В заключение своего исследования он, как и А.А. Гусейнов, приходит к выводу, что данное правило «выражает человеческое родство, самую фундаментальную истину, лежащую в основе морали» [Уолтз: 324].

И. Кант отрицал «золотое правило» в качестве морального закона на том основании, что для достижения морально должного результата им можно руководствоваться далеко не во всех морально значимых ситуациях. Так, по его словам,

некоторые охотно согласились бы, чтобы другие не делали им добра, лишь бы не надо было другим оказывать благодарений, преступник стал бы приводить доводы против своих карающих судей и т. д. К этим аргументам «против» золотого правила можно добавить немало других. Например, игнорируя тот факт, что благо для одного не всегда является благом для другого, родители могут нанести вред своим детям, заставляя их проживать «не свою» жизнь. Взяточник охотно и сам предлагал бы взятки, и общество в целом несло бы урон от тотальной коррупции...

Г.Н. Гумницкий, разработавший на материалистической основе наиболее целостную и последовательную этическую систему, весьма критически оценивает «золотое правило». Философ трактует сущность морали как баланс интересов индивида и общества. Он подчеркивает, что в морали как форме общественного и индивидуального сознания выражается и осуществляется социальная природа человека. Но «золотое правило», по его мнению, нарушает баланс интересов, ибо «оно имеет субъективистскую, индивидуалистическую подоплеку и сущность» [Гумницкий: 84]. Согласимся с утверждением советского философа, что роль данного принципа «является неоднозначной, противоречивой». Гумницкий подчеркивает «сомнительность его оценки как «Золотого правила» и признания исходным и главным принципом морали, на что претендуют его адепты» [Там же].

Мы же считаем это правило *исходным*, но далеко не *главным* этическим принципом. Исходным — ибо исторически первым, начальным шагом человечества в его нравственном развитии. Исходным это правило можно считать еще и потому, что оно применимо в наиболее простых и общезначимых этических ситуациях. Золотое правило обращено к еще не вполне зрелому, «детскому» моральному сознанию. Не случайно к нему апеллируют, когда взывают к совести воспитуемого ребенка. Если его поступок обнаружил жестокость, жадность, небрежность по отношению к другому, говорят: «Представь себя на его месте!» С таким же призывом обычно обращаются и ко взрослому, уровень морального сознания которого невысок.

Категорический императив Канта, напротив, обращен к личности нравственно зрелой, способной мыслить гибко, ответственно, диалектически, творчески. Только обе формулировки этого императива, предложенные великим мыслителем, следует рассматривать как универсальное правило и основу всей морально значимой практики. Первая из этих формулировок отвечает моральному отношению субъекта к обществу в целом, вторая — моральному отношению к конкретному, единичному человеку, включая самого субъекта отношения. «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [Кант: 260], и «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [Там же: 270].

В этих формулировках важно каждое слово, они выверены автором скрупулезно, являют собой результат глубоких размышлений. Следует подчеркнуть: Кант не требует, чтобы мы вообще не относились к другому человеку как к средству. Он понимает, что это невозможно. Вступая в отношение с другим, человек руководствуется и утилитарными, прагматическими соображениями, лежащими вне этической плоскости. С помощью другого, посредством другого человека мы стремимся достигнуть некой цели — чаще эгоистической, «для себя», но иногда и альтруистической, «для других». Более того, даже в случаях, когда через другого человека мы удовлетворяем не материальную, а духовную (эстетическую, познавательную) потребность — и тогда он выступает для нас как средство. Все эти

виды отношений неустранимы из нашей социальной жизни, нашего существования в мире людей. Моральное же отношение требует помнить, что любой представитель человеческого рода *не только* средство, но и самоценность, или *цель*. В каждом конкретном случае мы сами заново, творчески обязаны решить, как найти баланс между утилитарным и моральным; личным и общественным; эгоистическим и альтруистическим аспектами поступка. Категорический императив был сформулирован кенигсбергским мыслителем два с половиной столетия назад. Напрашивается вопрос: были ли сделаны какие-то принципиально новые шаги в теории морали за последующий период? Остановимся на тех идеях XIX—XXI веков, которые можно рассматривать как продолжение и развитие этических размышлений Канта. Они немногочисленны. По-видимому, к названной категории есть основания причислить лишь две.

Первая из них содержится в учении основоположника русского космизма Николая Федоровича Федорова. Его философия общего дела — едва ли не самый грандиозный и дерзновенный продукт человеческой мысли — содержит, в частности, принципиально новые этические установки. Федоров распространил моральное отношение не только на всех живущих людей и будущие поколения, но и на всех умерших. Не случайно сам мыслитель нашел для своей идеи «воскрешения отцов» новый термин — *супраморализм*. Этика Канта в свете грандиозной идеи — проекта достижения бессмертия и освоения Вселенной представляется Федорову неполной и даже лицемерной. В своих статьях и подготовительных материалах мыслитель часто вступает в полемику с автором категорического императива. Об этом свидетельствуют уже сами названия — «Иго Канта», «Моральная казуистика Канта» [Федоров: 4]. Но, по сути дела, Федоров «вменяет в вину» немецкому философу только одно — то, что он не распространяет требований морали на ушедшие поколения. Между тем нетрудно заметить, что ни одно из требований категорического императива не противоречит федоровской концепции. Если допустить, что идеи «Московского Сократа» когда-либо смогут осуществиться, то обе формулы категорического императива станут в полной мере приложимы к задачам всеобщего воскрешения и последующего морального и творческого преображения человечества.

Какой же этический принцип, по Федорову, должен стать основой будущего *бессмертного* нравственного существования людей? Формула его этики такова: **«Жить нужно не для себя и не для других, а со всеми и для всех»**. Известный исследователь философии Федорова С.Г. Семенова так разъясняет его отношение к фундаментальному этическому противоречию эгоизма и альтруизма: «Для Федорова же это категории одного типа нравственного сознания, тесно связанные между собой, как лицо и изнанка: альтруизм буквально порождает, пестует эгоизм в объекте приложения своего благодеяния — самоотречение одних предполагает вечный эгоизм других. К тому же отдача себя целиком другим может стать преступлением перед собой, “отречением от себя”, утратой собственной личности... Не эгоизм и не альтруизм, относящиеся, по Федорову, к людям, взятым в отдельности (обе позиции взаимно погашаются в таком плодотворном синтезе, из которого родится “мы” и “все”), а жизнь, работа и творчество “со всеми и для всех” в едином, кровно родном для всех деле» [Семенова: 15].

Нетрудно заметить, что провозглашенная Федоровым максима представляет собой лишь иную формулировку второй части категорического императива. По всей видимости, она родилась в полемике с бытовавшими во второй половине XIX века этическими доктринами. С одной стороны, это теория разумного эгоизма, с другой стороны — идеи самоотречения, альтруистического служения

народу, весьма популярные в среде русских революционеров. Федоров призывает не впадать в крайности эгоизма и альтруизма, искать баланс, равновесие между интересами индивидуальной личности и общества. Никто ни для кого не должен быть только средством. Этот кантовский постулат Федоров распространяет и на уходящие поколения. Этика жертвенного служения счастью будущих поколений рассматривается мыслителем как порочная, аморальная по своей сути. В этом Федоров не одинок. С ним, например, солидарен его младший современник С.Л. Франк. В его работе «Смысл жизни» содержится пассаж, выражающий все негодование мыслителя по поводу идеи жертвенного служения счастью будущих поколений. Он пишет: «Некогда в будущем — все равно, отдаленном или близком, — все люди будут счастливы, добры и разумны; ну, а весь неисчислимый ряд людских поколений, уже сошедших в могилу, и мы сами, живущие теперь, до наступления этого состояния, — для чего все они жили или живут? Для подготовки этого грядущего блаженства? Пусть так. Но ведь они сами уже не будут его участниками, их жизнь прошла или проходит без непосредственного соучастия в нем — чем же она оправдана или осмыслена? Неужели можно признать осмысленной роль навоза, служащего для удобрения и тем содействующего будущему урожаю?» [Франк]. Отличие Федорова заключается лишь в предлагаемом способе разрешения этой моральной коллизии — устранении, уничтожении самой смерти.

В философской мысли следующего, XX века важным новым словом в этике следует считать концепцию Альберта Швейцера. Авторитет его личности для всей европейской культуры был весьма высок уже при его жизни, а с годами он только возрастает. Швейцер не просто автор новой этической идеи *благоговения перед жизнью*. Его собственная биография являет собой образец активной нравственной позиции, безукоризненного нравственного поведения, осуществления морального долга.

В двух последних главах его главного труда «Культура и этика» раскрывается суть этики благоговения перед жизнью. Швейцер подчеркивает: «Однако этическое — это нечто большее, чем неэгоистическое! Этическое есть не что иное, как благоговение моей воли к жизни перед другой волей к жизни. Там, где я каким-либо образом жертвую жизнью или наношу ей вред, мои поступки выходят за рамки этики, и я становлюсь виновным, будь то эгоистически виновным ради сохранения своей жизни или своего благополучия, будь то неэгоистически — ради сохранения жизни и успеха некоторого большинства людей» [Швейцер: 322]. Таким образом, мыслитель распространяет моральное отношение на все формы жизни. Швейцер говорит о необходимости творческого решения каждой этически значимой проблемы. Следует подчеркнуть, что и категорический императив содержит то же требование. Ведь он предписывает субъекту морально значимого поступка каждый раз самостоятельно решать, в чем благо другого человека и в чем будет состоять благо всеобщее. Именно способность к активному моральному творчеству является для мыслителя и гуманиста критерием этической — а значит, важнейшей, решающей — оценки каждой конкретной личности. Швейцер пишет: «Идеал культурного человека есть не что иное, как идеал человека, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность... Идеал подлинной человечности состоит для него в том, чтобы оставаться этическим в глубоком миро- и жизнеутверждении благоговения перед жизнью» [Швейцер: 331].

Современный культуролог, филолог и философ Михаил Эпштейн*, критикуя золотое правило, предлагает заменить его «алмазным». Он справедливо подчеркивает, что «золотым правилом сумели вооружиться и человеконенавистнические

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

системы, проповедники которых, духовно разрушая себя, преуспели и в разрушении других, следуя тому же закону морального равенства». Эпштейн — и с этим мы всецело согласны — считает мораль, опирающуюся на «золотое правило», лишь своеобразным этическим минимумом. Он пишет: «Но это лишь первая эпоха нравственного самосознания, длившаяся тысячелетия. Все настоятельнее возникает новая потребность: при определении нравственного закона исходить из *абсолютной единичности, незаменимости* каждого нравственного субъекта. Высшую ценность представляет не только мое подобие другим, наша общая человечность, но и мое отличие от других и их отличие от меня» [Эпштейн: 50]. И далее: «Возможна ли этика, которая учитывала бы именно разность людей, вступающих в нравственное отношение, их несводимость друг к другу?» [Там же].

Но такая этика давно существует. Это «Критика практического разума» Иммануила Канта. К сожалению, это именно этика, то есть *наука о морали*, нравственности. Сама мораль, существующая в форме этических представлений и реальных нравов, не только во времена Канта, но и сегодня, в XXI веке, от теории весьма далека. Но одной из важнейших задач этики как науки всегда была и остается задача формирования нравственных ориентиров. Поэтому этику и называют практической философией.

Итак, какой же принцип, императив, универсальное правило предлагает Эпштейн для решения поставленной им задачи — создать этику, учитывающую каждую конкретную индивидуальность? Сформулированное им «алмазное правило» гласит: «Делай то, чего на твоём месте могли бы желать другие, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя». Первая часть этого призыва полностью соответствует первой формулировке категорического императива. Что касается второй части («чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя»), то она требует внимательного анализа. Очевидно, автор призывает нас исполнять свой моральный долг через реализацию своего призвания, *самореализацию*. В целом подобный подход представляется продуктивным. В эпоху внимательного отношения к индивидуальности человека, когда все чаще говорят о необходимости индивидуального образования, индивидуальной медицины и т. п., закономерно и упоминание индивидуальных моральных требований, индивидуальной моральной оценки. Как правило, на практике так и происходит. Оценку моральному поступку дают не только с учетом его результата и мотива, но и с учетом индивидуальных особенностей субъекта поступка. Однако возводить этот принцип в ранг универсального этического закона едва ли допустимо. Самореализация возможна для индивида и весьма желательна для общества как форма морального творчества [Ерофеева: 185—224]. При этом для людей самых различных склонностей, способностей, особенностей характера существует возможность проявить себя в ситуации морального выбора. Но призвание можно понимать и субъективно. Часто случается, что на момент совершения поступка индивид еще сам не определил, в чем заключается его подлинная самореализация. Кроме того, предложенный принцип оставляет «лазейку» для всякого рода самооправданий.

Как видим, категорический императив и сегодня остается оптимальной формой выражения сущности морали как формы и средства гармонизации интересов всех членов сообщества. Не случайно В.С. Соловьев, который далеко не во всех вопросах этики был солидарен с кенигсбергским мыслителем, считал, что провозглашение категорического императива дало «этике основание, равное по достоверности аксиомам чистой математики» [Соловьев: 474]. Философам последующих веков удавалось лишь расширить сферу применения этого универсального правила (Федоров, Швейцер), но не само его содержание. Содержание это

имеет высокий уровень абстрактности, что является необходимым для проявления субъектом морального поступка собственного творчества в каждой конкретной ситуации. Подобно тому, как буквенные обозначения в алгебре и их соотношения в алгебраических формулах выражают любые числа и их соотношения, две формулы категорического императива применимы к любым морально значимым ситуациям. Судя по всему, категорический императив представляет собой исчерпывающую формулу этической теории и останется таковой, пока существует человеческое общество.

Список литературы / References

- Гумницкий Г.Н. О так называемом Золотом правиле морали // Вестник Российского философского общества. 2014. № 1. С. 82—84.
(Gumnitsky G.N. On the so-called Golden rule of morality, *Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2014, no. 1, pp. 82—84. — In Russ.)
- Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности по Конфуцию // Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 111—118.
(Guseinov A.A. The golden rule of morality according to Confucius, *Vedomosti of Applied Ethics*, 2018, no. 52, pp. 111—118. — In Russ.)
- Ерофеева К.Л. Человек в информационном обществе: сущность и существование. Иваново: Изд-во ИГЭУ, 2007. 408 с.
(Erofeeva K.L. Man in the information society: essence and existence, Ivanovo, 2007, 408 p. — In Russ.)
- Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 219—310.
(Kant I. The foundations of the metaphysics of morals, *Kant I. Complete works: in 6 vols*, vol. 4, part 2, Moscow, 1965, pp. 219—310. — In Russ.)
- Семенова С.Г. Философ будущего века // Семенова С.Г. Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. М.: ПХГА, 2004. Кн. 1. 1112 с.
(Semenova S.G. The philosopher of the future century, *Semenova S.G, N.F. Fedorov: pro et contra*: in 2 vols, vol. 1, Moscow, 2004, book 4, 1112 p. — In Russ.)
- Соловьев В.С. Кант // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 441—479.
(Solovyov V.S. Kant, *Solovyov V.S. Works: in 2 vols*, Moscow, 1988, vol. 2, pp. 441—479. — In Russ.)
- Уолтз Дж. Золотое правило. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 346 с.
(Waltz J. The golden rule, Moscow, 2016, 346 p. — In Russ.)
- Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова: в 2 т. М.: печатня А. Снегиревой, 1913. Т. 2. 473 с.
(Fedorov N.F. The philosophy of the common cause. Articles, thoughts, and letters by Nikolai Fedorovich Fedorov: in 2 vols., Moscow, 1913, vol. 2, 473 p. — In Russ.)
- Франк С.Л. Смысл жизни. М.: АСТ, 2004. 157 с.
(Frank S.L. The meaning of life, Moscow, 2004, 157 p. — In Russ.)
- Швейцер А. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
(Schweitzer A. Culture and ethics, Moscow, 1973, 343 p. — In Russ.)
- Эпштейн М.Н. * От золотого правила — к алмазному: об этике дара и различия // Человек. 2009. № 1. С. 49—54.
(Epstein M.N. From the golden rule to the diamond rule: on the ethics of gift and difference, *The man*, 2009, no. 1, pp. 49—54. — In Russ.)

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

ARITHMETIC AND ALGEBRA OF MORALITY (ON THE GOLDEN RULE OF MORALITY AND KANT'S CATEGORICAL IMPERATIVE)

Kseniya L. Yerofeeva

Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation,
xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The golden rule of morality and Kant's categorical imperative are examined in their relationship as milestones of historical progress in the field of moral consciousness in general and ethical theory in particular. The principle of retaliation is considered as a form of primitive consciousness, while the principle of reciprocity is considered as an initial form of morality. Contradictory assessments of the golden rule of morality made by a number of contemporary philosophers are presented. As a result of their analysis, it is proved that the golden rule of morality is historically and logically the first level of moral consciousness, acting as the “arithmetic” of moral practice and ethical theory. The ethical positions of N.F. Fedorov and A. Schweitzer are analyzed in relation to the content of the categorical imperative. The conclusion is substantiated that the categorical imperative remains the optimal form of expressing the essence of morality as a form and means of harmonizing the interests of all members of any community.

Keywords: the golden rule of morality, the categorical imperative, moral consciousness, ethical theory, N.F. Fedorov's supramoralism, the ethics of reverence for life, altruism, and egoism

For citation: Yerofeeva K.L. Arithmetic and algebra of morality (on the golden rule of morality and Kant's categorical imperative), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss 3, pp. 166—173.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 03.07.2026.

The article was submitted 01.04.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 03.07.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru, SPIN: 4471-8635

Yerofeeva Kseniya Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 174—182.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 174—182.

УДК 130.32:123.1:141.319.8

EDN <https://elibrary.ru/pyhxme>

DOI: 10.46726/H.2026.3.19

СОЗНАНИЕ БЕЗ САМОСТИ, СТРАДАНИЕ БЕЗ СВОБОДЫ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Леонид Джоржович Петряков, Виталий Николаевич Зосимчук

Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru, zosimchuk1960@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается применение теории неличного сознания Дерка Парфита к современному состоянию массового сознания и его рецепции в русской культуре и философии. Такое сознание реализует себя в созерцательном, безвольном образе жизни. Авторы ставят проблему реакции безличного сознания на внешнюю необходимость, побуждающую его становиться субъектом деятельности. Целью статьи является исследование противоречия: свободы как неотъемлемого свойства человека и внешней необходимости, определяющей направленность и характер всей его деятельности. Результатом этого противоречия выступает страдание — состояние тревоги и неуверенности, которое человек стремится преодолеть. Основным методом исследования является диалектика свободы и необходимости, дополнительными методами выступают историко-философский, компаративистский, сравнительно-культурный. Авторы приходят к выводам, согласно которым сознание предполагает определённый вид свободы: свободу-волю при наличии самости или свободу-пустоту при её отсутствии. Внешняя необходимость, отчуждающая свободу человека, приводит к разрушительным проявлениям. В результате исследования сформулирован ряд тезисов о необходимости учитывать особенности общества, в котором значительную часть составляют люди — носители неличного сознания.

Ключевые слова: Д. Парфит, сознание, субъект, свобода-пустота, свобода-воля, страдание, буддизм, русская философия, западное мышление

Для цитирования: Петряков Л.Д., Зосимчук В.Н. Сознание без самости, страдание без свободы (постановка проблемы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 174—182.

Введение. Мы привыкли мыслить и утверждать, что мир и человек — постоянны и очевидны, их отношения выступают основой всех философий в мире, хотя можно представить мир, в котором человека нет, он отсутствует или настолько растворён в этом мире, что малозаметен. Это может быть результатом архаичного, мифологического сознания, сиблинговых отношений, множественной личности, подмены электронным двойником ИИ личного «Я», массового проявления безличного «мы».

Отсутствие самости. Дерек Парфит [Нехаев] утверждал, что наше «Я» — это не единый неделимый объект, а скорее сеть взаимосвязанных мыслей, воспоминаний и черт характера. Важна не сама личность, а психологическая связь между ее состояниями. Своими идеями он перекликался с буддийской философией — доктриной анатмана и взглядами Дэвида Юма [Юм], согласно которому сознание есть «пучок восприятий», чувства возникают раньше разума, а личность

лишена постоянного «я». Она есть непрерывный поток постоянно сменяющих друг друга мимолетных мыслей, эмоций и ощущений.

Если понимать субъект как стержневое «Я» (эго), то сознание без него возможно — это подтверждается как восточными практиками, так и нейробиологией [Гаспарян]. Если же субъект — носитель опыта, то сознание неотделимо от него. С точки зрения нейробиологии, наш мозг не имеет единого центра управления. «Я» — это скорее иллюзия, которую мозг конструирует для выживания. После операций по рассечению мозолистого тела у человека могут возникать два независимых потока восприятия. При этом левое полушарие активно придумывает рациональные объяснения действиям правого полушария, создавая видимость единого субъекта. При некоторых расстройствах или глубоких медитативных практиках ощущение «Я» исчезает полностью, происходит деперсонализация. Человек продолжает воспринимать мир, видеть, слышать и реагировать, но позиция наблюдателя отсутствует. В буддизме и адвайта-веданте сознание рассматривается как базовое свойство реальности. Субъект «Я» — это иллюзия. Когда иллюзия растворяется, остается чистое, безобъектное сознание, что невозможно в европейской классической философии.

Если перефразировать мысль И. Фихте [Фихте], «Я», не озабоченное внешним, находится в пустоте отношения с «не-Я», как объектом. То есть, глядя в зеркало, человек видит мир вокруг, но не себя в мире. Отсутствие озабоченности «не-Я» освобождает «Я», лишая отношения к чему-то, что и является им самим. Это «Я» является сознаваемым телом. Исходя из буддистского принципа пустоты, его внутренние и внешние восприятия не различаются, внутреннее рассматривается как внешнее для «я», а внешнее как его внутренняя свобода. Мысленный эксперимент Д. Парфита [Секацкая], показывающий разделение единого сознания на двух людей в действительности имело место в массовом обществе, где многие (хотя и не все), мыслили как один человек, имея как общее трагическое прошлое страны, что показал В. Ерофеев [Соколова: 2020], так и общее будущее — коммунизм, реально выраженное в предсказуемости жизни. Это называлось «коллективным сознанием». Для него были характерны не только общие слова и мысли, но и одинаковые чувства и ощущения, испытываемые разными людьми и за счёт этого «понимающими» друг друга с полуслова.

Кажущаяся абсурдность сценария «диффузной» личности («Я = Левша + Правша») — личности, которая рассеяна по двум и более разным объектам, — заключается в том, что мы допускаем возможность для одной и той же личности быть систематически не знакомой со своими же собственными ощущениями. Нейрофизиологии известны случаи расщепленного мозга (split-brain cases) [Ковязина], когда человек в результате рассечения мозолистого тела актуально формировал две абсолютно самостоятельные зоны ментального опыта. Например, если такого человека, когда он левым глазом видит лежащее на столе яблоко, спросить, что именно лежит перед ним на столе, он ответит, что там ничего нет, тем не менее, он без всякого труда возьмет это яблоко в руки, если его об этом попросить.

Свобода как пустота. Сознание в отсутствие активного субъекта безвольно, то есть лишено свободы воли, поскольку способность осознавать себя и мир не обязательно делает наши действия автономными. Вы осознаете свой выбор, но сам выбор произошел в нервной системе до того, как вы о нем подумали. В этом случае сознание есть, но свободы воли нет. Сознание нужно для того, чтобы ориентироваться в среде и адаптироваться, но каждый шаг человека предопределен обстоятельствами. Свобода воли, напротив, означает возможность действовать в соответствии со своими внутренними мотивами и ценностями, без

внешнего принуждения, то есть вопреки адаптации и обстоятельствам. Тождество свободы пустоте предполагает простой обмен: отнесение внешнего восприятия внутрь сознания, а внутреннего — вовне. Тождество, обеспеченное этим обменом, приводит к единству сознания с миром как целым, включающим это сознание как свою часть. Человек растворяется в мире, и его ощущения являются частью внешних впечатлений, вписывают его в контекст мира.

Результатом освобождения от воли становится формальное «я», тождество которого самому себе обеспечено только психическим процессом восприятия, а не культурной или социальной обусловленностью. Сознание автоматически совершаемых действий, наблюдателя, наблюдающего деятельность тела в отсутствие деятеля «я», рассматривающего сон как явь и явь как сон. Удивление — единственная эмоция, проявляемая наблюдающим сознанием. Оно и является его содержанием. Такое сознание автоматически и не тождественно самому себе во всякий момент нового наблюдения, поскольку психический процесс есть постоянное изменение, поддерживающее этим различие своё постоянство. В процессе деятельности тела ничто не соответствует сознанию, как и сознание не соответствует чему-либо. Сознание «скользит по поверхности» действительности, где происходит действие, не проникая в сам этот процесс.

Такой концепцией сознания преодолеваются противоречия солипсизма, самообъяснения гегелевского Духа и отождествления нетождественного через идентификацию с Другим. Сознание, рассмотренное как воспринимающее отражение внешнего мира, определяет этот мир как единство и различие сознания-наблюдения и телесного восприятия-действия. Примерами его носителей могут служить чиновник Мерсо, главный герой «Постороннего» А. Камю и Илья Обломов — герой одноимённого романа И.А. Гончарова.

Страдание как внешняя необходимость.

Далеко не каждый человек может жить подобно названным героям. Жизнь, требующая от него усилий, труда, воздействует на его сознание как внешняя необходимость. Такое сознание, лишённое как свободы-воли, так и свободы-пустоты, сталкиваясь с внешней необходимостью, воспринимает её как страдание. Страдание в русской культуре передаёт сам процесс бытия, не являясь ценностью или смыслом последнего. Находясь в центре «механизма» жизни, страдание способно соединять самые далёкие её аспекты: волю и веру, свободу и любовь, ненасилие и насилие. Тем самым раскрывая «тайну» русской души, зависимость между состояниями, чувствами и поступками. Страдание как философская категория — это фундаментальное понятие, описывающее претерпевание боли, горя или тревоги, противоположное активной деятельности [Чанышев]. В философии страдание часто рассматривается как переживание абсурдности бытия или неотъемлемая часть человеческого опыта.

Иное понимание страдания и его места в жизни человека характерно как для буддийских культур как Востока, так и христианских культур Запада. А. Шопенгауэр [Шопенгауэр] понимает жизнь как маятник, колеблющийся между желанием и скукой. И то, и другое ведёт к страданию человека. Мир же есть мировая воля и представление о ней в сознании человека. «Победа над страданием есть победа над желанием», — говорит буддизм. Аскетизм, нирвана и пустота (шуньята) ведут к свободе от намерения, озабоченности внешней реальностью. Буддизм утверждает, что убеждение в объективном существовании своего «Я» — это главное заблуждение, порождающее привязанности, страдания и сансару (цикл перерождений). Свобода-пустота не есть нигилизм, а понимание того, что вещи существуют условно, без неизменной внутренней сущности. Осознание сознанием

отсутствия постоянного «Я» помогает преодолеть эгоизм, страх и страдания, освобождая ум для достижения нирваны.

Западное мышление есть утверждение бытия, сущности вещи. Гегелевский раб, осознавший себя рабом, становится господином, а господин — рабом своего раба, этим достигается их тождество. Желания, возникающие в сознании, есть воля к жизни, ведущая в «бездну» [Бакусев], то есть в ту же свободу-пустоту по свободной и доброй воле [Кант]. Преобразуя эту пустоту свободы своей волей в нечто новое. Стрдание тогда есть цена достижения ценностей, заявленных как цели этой жизни. Конечные, практические цели достигаются ценой ограниченного страдания. Мету страданий, мету свободы и необходимости определяют эмпирически [Фихте: 95]. При этом соответствие желаний и возможностей есть идентичность, соответствие «Я» самому себе. Что ведёт к свободе от озабоченности внутренней жизнью.

Но А. Шопенгауэр [Шопенгауэр] хочет победить не страдание, а волю, направив её к состраданию другим, то есть к страданию ещё большему! Эмпатия, возникающая из страданий, рассматривается им как глубокий источник смысла. Ф. Ницше, продолжая эту мысль, рассматривал страдание как средство достижения величия души, способствующее развитию личности человека до «сверхчеловека», творца, изменяющего как себя, так и мир вокруг. Ницше [Ницше] считал, что только «школа великого страдания» способна создать что-либо выдающееся. Боль воспитывает выносливость, мужество и изобретательность. Жизнь неотделима от боли, и попытка избежать её — это отрицание самой жизни, признак декаданса. Важно не само страдание, а способность найти в нём смысл и использовать его как вызов, а не как наказание. Ницше видел единство удовольствия и боли, полагая, что величайшие наслаждения доступны тем, кто больше всего страдал. Стрдание возникает как от бессилия познать мир, так и от осознания силы знания, разделяя субъект и объект, и тем самым разрывая связь безличного сознания с внешним миром, побуждая воспринимать его объективность.

В истории русской мысли Л.Н. Толстой, обосновывая идею ненасилия, отрицал абсолютную свободу личности, считая, что человек сознательно действует для себя, но служит бессознательным орудием для выполнения общих исторических или божественных законов [Меняева]. Свобода воли, по Толстому, заключается не в управлении внешними событиями, а в нравственном выборе: подчиниться животным инстинктам (или эгоистичным страстям) или выбрать духовное развитие, любовь и служение людям. То есть тоже самоограничение: ненасилие вовне есть насилие против собственного эгоизма и, безличной и злой Абсолютной воли! Приводит ли тогда страдание к свободе-пустоте или свободе-воле? Или остаётся орудием несвободы?

(Не) преодолимость страдания-бытия.

«Метафизическое страдание как тоска или страх утраты даёт новое понимание субъекта, который содержит в своих духовных недрах абсолютную тоску или страдание по неизведанному. Этот субъект постоянно трансцендирует за свои пределы, представляя собой открытую систему значений и смыслов» [Парусимова: 21]. Это оптимистическое понимание страдания, открывающее субъекта во вне, к объектам, где он и находит смыслы своего бытия-страдания. В виде стремления предотвратить неизбежную или вероятную утрату, изменить окружающий мир, убедить других в некой усвоенной им истине страдания.

Русское мышление, в его классических образцах, есть мышление безграничное, это желание бесконечного, то есть пустого (в буддийском смысле) бытия. Нелюбовь ко всякой срединности, разгул безмерности — это черты не только

русской исторической стихии, но и русского философского сознания «с его недооценкой принципов формы, меры и дифференциации» [Степун: 30]. Реализует бесконечное бытие внешняя воля, ведущая к бесконечному страданию, соответствующему и наполняющему эту пустоту. Прекращение страдания, борьбы с судьбой есть освобождение, облегчение, но оно же есть смерть как физическая, так и душевная и духовная. Страдание, рассмотренное как сущность жизни, ведет начало от «страды» хозяйства. Страда — посевная или уборочная — тяжёлая, неизбежная работа, поскольку отсутствие страды ведёт к голоду — худшему из зол. Слова «страда» и «страдание» восходят к общему праславянскому корню, который означал «усилие, напряженный труд и боль». Изначально оба понятия связывались с тяжелым физическим трудом и преодолением себя. «Страдание» восходит к тому же корню *stradati* (терпеть нужду, мучиться). В своей сути страдание означает «претерпевание», «усиленное напряжение воли и духа» при преодолении тягот. К этому же этимологическому гнезду относится слово «страсть» (церковнослав., буквально — претерпевание, мучение или сильное напряжение чувств) и «стараться» [Фасмер]. В этом корне — двуединое тождество стараний и «страстей Христовых», «Страстей по Андрею» Андрея Тарковского и других страданий-страстей.

При этом сострадание другому без активных действий приводит к росту числа страдающих, увеличению как моих, так и его страданий, то есть к жертвам. Жертвенность, проявленная в культуре, удовлетворяет душевный и ментальный голод, наполняет «пустоту» пространства, даёт «пищу» для размышлений и написания глубоких книг. Субъект и объект, возникшие благодаря страданию, есть палач и жертва. Осознание жертвой своей жертвенности не делает её палачом или господином, а внушает гордость за свою жертвенность. К примеру, на одной из улиц Ярославля, где располагаются мечеть, кирха, синагога и церковь, образуя ряд способов веры, также расположен ряд памятных камней: жертвам депортации, войны, мятежа, образуя жертвенный ряд. Жертвенность — характерная часть русской культуры, память о жертвах формирует коллективную идентичность — национальную или религиозную, но жертвенность как таковая, идентичность личного «я» стирает полностью. Как писал Р. Жирар, «Когда общество сталкивается с кризисом, оно переносит хаос на одну фигуру, а после её принесения в жертву снимает напряжение, наделяя её статусом божества или святого» [Жирар].

Артур Шопенгауэр рассматривал палача и жертву не как двух отдельных противников, а как единое целое — две стороны слепой, иррациональной «мировой воли». По его мысли, в космическом масштабе мучитель и мучимый тождественны, поскольку всякое страдание едино. Когда один человек причиняет боль другому, мировая воля (сущность всего сущего) наказывает и терзает саму себя. И палач, и жертва в равной степени являются слепыми орудиями и заложниками этой воли. Понимание того, что «палач» и «жертва» едины, рождает истинное сострадание. Это осознание снимает завесу иллюзий, останавливает круговорот насилия [Шопенгауэр]. Осознание палачом своего палачества может привести его к безумию и роли жертвы (фильм «Чекист»), но для их единства необходимо «восстание жертвы» в морали (по Ницше), что разрушит основной принцип их бытия — вынужденное подчинение чужой и злой воле.

Пустота как изначальная свобода по Фихте, предшествующая любому бытию, вещи или закону. Это чистый потенциал, из которого рождается осознание, дух и само творение. Для Фихте свобода — это не данность, а постоянное преодоление не-бытия, где пустота выступает как чистое «Я», свободное от природной необходимости [Фихте]. Исходным пунктом его философии выступает

чистое действие сознания, свободное от любого диктата внешней среды или объектов. Пустота Я заполняется бесконечным процессом самосовершенствования и морального действия. Бердяев, заимствуя концепцию Якоба Бёме, трактует первичную свободу как бездонную, темную «бездну» или «пустоту», которая не имеет основы в Боге и не детерминирована им [Бердяев]. Именно эта изначальная пустота позволяет человеку совершать подлинный творческий акт. Человек творит не из уже существующего мира, а прорываясь в абсолютную свободу небытия, придавая ему форму и смысл.

Будучи побеждённая внешним, бесконечным страданием-бытием, свобода прорывается в бытие как воля к ничто, к разрушению, в том числе к разрушению себя, «стиранию» собственной личности, индивидуального сознания и растворению себя во всеобщем страдании-бытии [Соколова]. Даже в малом разрушительная свобода проявляется в преднамеренном несогласии с порядком вещей: бессмысленном нарушении правил, обмане, «озорстве», что является повседневностью такого социального института, как армия. Сознание собственной вины не приводит к ответственному покаянию, а только к увеличению страданий, как душевных, так и физических, соответствующих безмерности бытия. Точнее, само покаяние становится новым страданием и парадоксальным «самоочищением» страдающего от ответственности и вины.

Страдание, замещающее собой свободу, объясняет и другое свойство нашей культуры — синкретизм, нерасчленённость себя и другого, «Я» и «не-Я», ведущее не к всеединству, а к бесформенности и даже к «формоборчеству», человека массы. Об этой опасности массового сознания писали К. Юнг, Э. Фромм. В «Бегстве от свободы» Фромм видит причину отказа от социальной активности из-за чувства неуверенности, тревоги и отчужденности, в результате чего человек теряет свою индивидуальность, становясь частью социального механизма и принимая решения под давлением общества [Фромм].

Гармония конечного и бесконечного, человека и общества, государства — неосуществлённый идеал русской культуры. Бесконечность, как и всеединство, — философские термины эпохи Возрождения, использованные Николаем Кузанским. Его абсолютный минимум тождественен абсолютному максимуму, а последний является развёртыванием первого, и наоборот: минимум есть свёртывание максимума в «микрокосм». Но для этого действия нужна не только вера в его возможность, но и воля, которая не может быть волей к ничто. Безличностное сознание, свёрнутое в микрокосм, поглощено бесконечным страданием и поэтому не может «развернуться» от своего причинного бытия к миру и Богу.

Заключение. Рассмотрев проблему отсутствия самости, мы приходим к тому, что личность — сугубо социальное, культурное образование. Подвергая её ревизии и критике, мы ставим ряд новых проблем:

— проблема ответственности «не-личности»: почему мы наказываем тело, а не побудивший его к действию психический процесс? Если человек как психическая связь изменен, то наказание будущего «я» за проступки прошлого «я» бессмысленно. Такое наказание есть запугивание других людей, а не справедливое воздаяние.

— если психические процессы индуцируются на массовом уровне «мы», то ответственность за их развитие также должна лежать в области причин их возникновения, а не следствий — отдельных поступков индивидов;

— страдание позитивное — творчество, преодолевающее «сопротивление материала» есть норма и его стоит приветствовать и поощрять.

Список литературы / References

- Бакусев В.М. Лестница в бездну: Ницше и европейская психическая матрица. М.: Культурная революция, 2012. 295 с.
(Bakusev V.M. Stairway to the abyss: nietzsche and the european psychic matrix, Moscow, 2012, 295 p. — In Russ.)
- Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки, 1931. 320 с.
(Berdyayev N.A. The destiny of man, Paris, 1931, 320 p. — In Russ.)
- Гаспарян Д.Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 1. С. 80—96.
(Gasparian D.E. Phenomenology without a transcendental subject: Neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective, *Philosophy Journal*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 80—96. — In Russ.)
- Гусейнова Н.Н.К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 241—245.
(Huseynova N.N.K. Images of a “small” person and an “extra” person in the literature of the 19th century, *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 3 (32), pp. 241—245. — In Russ.)
- Жируп Р. Насилие и священное. 2-е изд., испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.
(Girard R. Violence and the sacred, 2nd ed., Moscow, 2010, 448 p. — In Russ.)
- Кант И. Критика практического разума. М.: Юрайт, 2021. 177 с.
(Kant I. Critique of practical reason, Moscow, 2021, 177 p. — In Russ.)
- Ковязина М.С. Синдром «расщепленного» мозга и факторы межполушарного взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 3. С. 17—24.
(Kovyzina M.S. Split brain syndrome and factors of interhemispheric interaction, *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2014, no. 3, pp. 17—24. — In Russ.)
- Меняева М.П. Идея ненасилия в контексте философии культуры (Л.Н. Толстой, М. Ганди и Э. Фромм) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 1 (17). С. 23—29.
(Menyaeva M.P. The idea of nonviolence in the context of cultural philosophy (L.N. Tolstoy, M. Gandhi and E. Fromm), *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2009, no. 1 (17), pp. 23—29. — In Russ.)
- Нехаев А.В. Дерек Парфит: забота ни о ком, как о себе самом // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2018. № 4. С. 49—59.
(Nekhaev A.V. Derek Parfit: Caring for no one but oneself, *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*, 2018, no. 4, pp. 49—59. — In Russ.)
- Ницше Ф. Сборник произведений: По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо. М.: Харвест, 2007. 880 с.
(Nietzsche F. Collection of works: Beyond good and evil; The Wagner case; Antichrist; Ecce Homo, Moscow, 2007, 880 p. — In Russ.)
- Парусимова Я.В. Страдание как философская категория: дис. ... канд. филос. наук: Оренбург, 2003. 131 с.
(Parusimova Ya.V. Suffering as a philosophical category: diss. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Orenburg, 2003, 131 p. — In Russ.)
- Секацкая М.А. Пересадка мозга и тождество личности: альтернативная интерпретация одного мысленного эксперимента // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 42, № 4. С. 67—76.
(Sekatskaya M.A. Brain transplantation and identity: An alternative interpretation of a thought experiment, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 67—76. — In Russ.)

- Соколова М. Венедикт Ерофеев: до боли близкий // Colta.ru. 2020. 4 авг. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/25060-marina-sokolova-moskva-petushki-novye-klyuchi> (дата обращения: 14.11.2025).
(Sokolova M. Venedikt Yerofeyev: Painfully close, *Colta.ru*, 2020, Aug. 4. — In Russ.)
- Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М.: Захаров, 2023. 752 с.
(Stepun F.A. The former and the unfulfilled, Moscow, 2023, 752 p. — In Russ.)
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.
(Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language, Moscow, 1964, vol. 1, 562 p. — In Russ.)
- Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1: Основа общего наукоучения. С. 65—337.
(Fichte I.G. Works in two volumes, St. Petersburg, 1993, vol. 1: The foundations of general philosophy of science, pp. 65—337. — In Russ.)
- Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1994. 233 с.
(Fromm E. Escape from freedom, Moscow, 1994, 233 p. — In Russ.)
- Чанышев А.А. Страдание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 642—643.
(Chanyshev A.A. Suffering, *New Philosophical Encyclopedia*, Moscow, 2010, vol. 3, pp. 642—643. — In Russ.)
- Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1: Мир как воля и представление. С. III—IV.
(Schopenhauer A. Collected works: in 5 vols., Moscow, 1992, vol. 1: The world as will and representation, pp. III—IV. — In Russ.)
- Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. Минск: Попурри, 1998. 720 с.
(Hume D. A treatise on human nature, Minsk, 1998, 720 p. — In Russ.)

CONSCIOUSNESS WITHOUT SELF, SUFFERING WITHOUT FREEDOM (PROBLEM STATEMENT)

Leonid D. Petryakov, Vitaly N. Zosimchuk

Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation,
tkstudia@yandex.ru, zosimchuk1960@mail.ru

Abstract. The article examines the application of Derek Parfit's theory of impersonal consciousness to the current state of mass consciousness and its reception in Russian culture and philosophy. This consciousness manifests itself in a contemplative and weak-willed lifestyle. The authors pose the problem of the impersonal consciousness's reaction to external necessity, which motivates it to become a subject of activity. The purpose of the article is to explore the contradiction between freedom as an inherent human characteristic and external necessity, which determines the direction and nature of all human activity. This contradiction results in suffering, a state of anxiety and uncertainty that humans strive to overcome. The main research method is the dialectics of freedom and necessity, while additional methods include historical-philosophical, comparative, and cross-cultural analysis. The authors conclude that consciousness implies a specific type of freedom: freedom-will in the presence of selfhood, or freedom-emptiness in its absence. External necessity, which alienates human freedom, leads to destructive outcomes. The study concludes with a series of theses emphasizing the need to consider the characteristics of a society where a significant portion of individuals possess impersonal consciousness.

Keywords: D. Parfit, consciousness, subject, freedom-emptiness, freedom-will, suffering, Buddhism, Russian philosophy, western thinking

For citation: Petryakov L.D., Zosimchuk V.N. Consciousness without self, suffering without freedom (statement of the problem), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, no. 3, pp. 174—182.

Статья поступила в редакцию 07.07.2026; одобрена после рецензирования 07.08.2026; принята к публикации 13.08.2026.

The article was submitted 07.07.2026; approved after reviewing 07.08.2026; accepted for publication 13.08.2026.

Информация об авторах / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор, Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru, SPIN: 8892-2179

Petryakov Leonid Dzhordzhovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation, tkstudia@yandex.ru

Зосимчук Виталий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Ярославское высшее военное училище ПВО им. маршала Советского Союза Л.А. Говорова, г. Ярославль, Россия, Zosimchuk1960@mail.ru, SPIN: 1902-6186

Zosimchuk Vitaliy Nikolaevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov, Yaroslavl, Russian Federation, Zosimchuk1960@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 183—189.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 183—189.

Научная статья

УДК 141.319.8:172.3

EDN <https://elibrary.ru/oxedii>

DOI: 10.46726/H.2026.3.20

НОМО TOLERANS ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НООСФЕРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Мерине Акоповна Меликян, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

merimelikian@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В статье рассматривается концепт *homo tolerans* (человек толерантный) как эвристически значимая антропологическая парадигма, выпавшая из фокуса современной философской антропологии. Авторы анализируют категориальный дискурс толерантности, фиксируя вариативность ее понимания — от отождествления с терпимостью до сближения с инклюзивностью и пассивностью. Прослеживается динамика концепта: от *homo tolerans* к *homo patiens*, *homo ignorans* и *homo resistens*. Особое внимание уделяется рискам и угрозам, связанным с радикализацией толерантности. Философский анализ *homo tolerans* осуществляется в рамках системного подхода. Фиксируются его концепты — терпение как основополагающая экзистенциальная характеристика, ненасилие и самоограничение. Выделяются сущностные черты мышления *homo tolerans*: когнитивная открытость, консервативная нормативность, диалогичность и принятие неопределенности. В заключении *homo tolerans* рассматривается как амбивалентный социокультурный вид, определяющий лик современной цивилизации, который может выступать как гарантом безопасности, так и источником рисков при выходе за рамки эволюционных ограничений.

Ключевые слова: *homo tolerans*, толерантность, терпимость, ноосферная антропология, антропологические модели, радикальная толерантность, ненасилие, самоограничение, диалогичность, неопределенность, антропосоциогенез

Для цитирования: Меликян М.А., Смирнов Д.Г. *Homo tolerans* через призму ноосферной антропологии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 183—189.

Введение. XXI век продолжил «лукавую» линию своего предшественника, смысл которой сводится к «категориальному расчленению» *homo sapiens* [Кравченко]. Так появились такие антропологические парадигмы, востребованные в современной гуманитаристике, как *homo complexus* (человек сложностный) [Wiguna, Atmaja etc.], *homo plurilinguis* (человек многоязычный) [Kolde, Lucci etc.], *homo heuristicus* (человек эвристический) [Tinghög, Barrafreem etc.], *homo ignorans* (человек игнорирующий) [Hertwig, Engel], *homo algorithmicus* (человек алгоритмический) [Marcos Borges Paes, Souza Borges], *Homo sapientissimus* (человек разумнейший) [Миронов], *homo cosmicus* [Беляев, Лященко, Максимов] и другие¹. Антропология пошла по диссипативному пути вопреки наставлению Макса Шеллера, грезившего «единой теорией человека», идею которого хорошо адаптировал

¹ Этот перечень может быть значительно расширен. Авторы включили в него только те теоретические конструкции, которые значимы в контексте используемого ноосферного подхода, не упомянув при этом ключевые антропологические парадигмы *homo technospherus* (человека техносферного) и *homo poospherus* (человека ноосферного).

к современности Эдгар Морен, утверждающий, что «человек — это сущность, которую невозможно понять через раздельное рассмотрение в рамках противоречивых категорий; его следует воспринимать как целостность, объединяющую различные взаимосвязанные измерения» [Wiguna, Atmaja etc.: 1443].

В центре внимания настоящего исследования — выпавший из фокуса пристального внимания современной антропологии², но, с нашей точки зрения, весьма значимый концепт *homo tolerans* (человек толерантный), который представляется эвристичным для, с одной стороны, описания, а с другой стороны, объяснения с философской точки зрения современного этапа антропосоциогенеза. Цель статьи — определить потенциал *homo tolerans* как объяснительного концепта в отношении социокультурной динамики.

Homo tolerans: категориальный дискурс. В отношении номинации *homo tolerans*³ в исследовательской литературе существует несколько точек зрения. Некоторые авторы склонны отождествлять значения «толерантность» и «терпимость»: «для обозначения терпимости к различиям сегодня используется термин «толерантность» (от латинского *tolerantia* — терпимость)» [Белов, Данилов, Ротман: 742], что ведет к отождествлению «человека толерантного» и «человека терпимого». Часть исследователей «превращает» толерантного человека сразу в человека инклюзивного [Simons, Kudrnáč etc.]⁴. Это задает (с учетом лингвистической подоплеки) иной дискурс, где «человек толерантный» оказывается «человеком причастным».

Наряду с *homo tolerans* в исследованиях встречается термин *homo patiens* (человек терпеливый, пассивный) [Шавель; Blincoc]. При этом спектр значений, скрывающихся за этой номинацией, весьма пространен — от «терпения», «самоограничения» и «ненасилия» до «делегирования» и «недеяния» (индивидуальной и социальной пассивности).

В силу вариативности понимания толерантности определение содержания самого понятия *homo tolerans* сопряжено с некоторыми трудностями. Первая сложность заключается в том, что анализируемое понятие «интердискурсивно»: его трактовка слабо связана с областью знания, в которой применяется. Второй момент связан с интуитивной понятностью содержания, что не требует его обязательной артикуляции: в силу этого достаточно трудно реконструировать «авторские дефиниции». Третье препятствие связано с тем, что сам термин *homo tolerans* используется в текстах, скорее, как метафора.

Новая философская энциклопедия трактует толерантность как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостоинной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное». При этом подчеркивается, что изначально он означал «пассивное терпение, добровольное перенесение страданий, ассоциировался с такими понятиями, как «боль», «зло» и т. п.»⁵. Обратим здесь внимание на

² Концепт *homo tolerans* следует отнести к числу не востребуемых в современной антропологии. Артикулированно (в названии исследований) он практически отсутствует в исследовательской литературе.

³ В качестве «антонимов» категории *homo tolerans* интересен анализ феномена *homo xenophobicus* (человек «ксенофобствующий»), связываемого (в рамках психологического дискурса) с «особой чувствительностью к выходу за пределы “среднего” и привычного» [Каган: 44], и феномена *homo resistens* (человек сопротивляющийся) [Мо].

⁴ Обстоятельный анализ категории «инклюзивный человек», совпадающий с нашим пониманием, предложен Е.Л. Яковлевой, которая убедительно показывает, что инклюзивность (как включенность) с необходимостью предполагает «приобщенность / заинтересованность / причастность» [Яковлева: 12].

⁵ Валитова Р.Р. Толерантность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphbras.ru/elib/3028.html> (дата обращения: 04.04.2026).

деструктивный (в своей основе) посыл к личности — принуждение себя к действию (или бездействию) против воли. Энциклопедия «Глобалистика» предлагает понимать толерантность иначе — как моральную максиму, «по необходимости ведущую к поиску возможностей разрешения конфликтов и противоречий через признание права другого (других) на отличные ... взгляды, верования, формы поведения»⁶. Но и здесь, как мы видим, присутствует дискурс необходимости.

Даже две разобранные выше трактовки показывают, что понимание толерантности во многом динамично и колеблется (как в ситуации с маятником) между двумя крайними положениями: условно обозначим их как принудительное и добровольное. В течение долгого времени, начиная с эпохи Новой истории, толерантность рассматривалась как неотъемлемая черта конструктивного индивидуального и общественного поведения. Но развернувшаяся в XX веке радикализация толерантности как процесс доведения идеи терпимости до крайних, абсолютных форм, требующих приятия любых взглядов и форм поведения, привел к тому, что «моральная максима» незаметно трансформировалась в культурную (но можно сказать и цивилизационную) политику⁷.

Получается, что толерантность, в определенном смысле, оказывается, по сути, «альтруистическим» императивом индивидуального и социального поведения, требования которого сводятся к игнорированию собственных витальных интересов в угоду интересам Другого. Если подобное понимание в рамках поведения больших и малых социальных групп сохраняет конструктивный и интегративный потенциал, то в дискурсе «фехтования кодов» (У. Эко), «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), «большой шахматной доски» (З. Бжезинский), «ноомахий» (А. Дугин), «передела уже поделенной семиосферы» оно порождает рискогенный «конфликтный этос» [Смирнов].

Риски и угрозы homo tolerans. Homo tolerans как социокультурный вид становится субъектом глобальной цивилизационной динамики. В ключе философской антропологии, рассматривающей бинарную оппозицию активного и пассивного действия, толерантность представляет собой «антропологию пассивности» (что, собственно и скрывается за термином homo patiens), которая вызывает «обоснованное отвращение к образу homo patiens» [Blincoe: 337]. Подобное отвращение может принимать различные формы — от пренебрежения и равнодушия до открытого действия. Так, можно зафиксировать определенную динамику — от homo tolerans к homo patiens (как человеку терпящему) и homo patiens (как человеку пассивному), а, далее, к homo ignorans (человеку игнорирующему) и homo resistens (человеку сопротивляющемуся).

Традиционно в исследовательской литературе (преимущественно западноевропейского толка) homo tolerans понимается однобоко — как необходимая антропологическая модель, «ответственная» за устойчивую мультикультурность. Вместе с тем очевидно, что все больший вес набирает и контрадикторная точка зрения. Homo tolerans в дискурсе своей разворачивающейся радикализации становится «вирусным» фактором, разрушающим культурный код (и в целом семиосферу) той или иной цивилизации. Здесь следует подчеркнуть, современная парадигма толерантности как социальный конструкт вырастает из постнеклассического понимания свободы, в котором эвристически ценная «свобода для» превращается в обедненную «свободу от». (Если «первичная свобода» сохраняет этологические рамки,

⁶ Иванченко Г.В. Толерантность // Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. С. 1017.

⁷ Заметим здесь, что есть принципиальная разница между толерантностью как концептом символической политики и «толерастией» как феноменом действительности, связанным с выраженной неодобрительной оценкой радикальной толерантности большими и малыми социальными группами. (Здесь возникает почва для появления так называемого homo tolerast.)

а «вторичная свобода» их просто «отменяет».) Стирание границ, поспание рамок создает эффект вседозволенности, который пленяет индивидуальное и массовое сознание⁸ и дает волю *homo malus* [Piechaczek]⁹. При этом следует помнить, что «позиция толерантности возможна, когда истина неизвестна, норма не установлена, закон не писан» [Самохвалова: 33].

Философия и антропология (как социальная, так и политическая) размыли концепт толерантности. Его осмысление «скатилось», говоря в терминологии системного подхода, на уровень отношений (структуры). «Толерантность может располагаться в довольно широком диапазоне от простого, наивного и бесхитростного равнодушия до тщательно и сознательно организованного и выстроенного лицемерия, преследующего те или иные конъюнктурные цели. Амбивалентность толерантности, позволяющая «добру и злу внимать равнодушно», может становиться способом размывания норм и ценностей, нередко во имя успеха, понимаемого на разных уровнях причинности, проявления и значения, но в любом случае в целях прагматических» [Самохвалова: 30]. В отсутствии выраженного и принимаемого концепта как системообразующего свойства социальная система (локальная, региональная или глобальная) становится менее устойчивой¹⁰.

Концепт(ы) *homo tolerans*. Попробуем осуществить философский анализ феномена *homo tolerans* на концептуальном уровне системы. Думается, что наиболее адекватным переводом термина *tolerans* на русский язык будет «терпение»¹¹, что дает нам сочетание «человек терпящий». (При этом авторы полностью согласны с тем, что «замена терпения на толерантность методически не оправдана, ибо это не тождественные, а пересекающиеся термины, и, следовательно, значительная ... часть семантики «терпения» в этом случае остается необъясненной» [Шавель: 114].)

Терпение для *homo tolerans* носит выраженный экзистенциальный характер. Это предполагает, что «человек должен научиться терпеть себя самого» [Шеллер: 75]. Этот императив базируется на двух *hi-hum* «технологиях» — ненасилии и самоограничении [Шавель: 117—118]. Согласимся с автором, что термин «ненасилие» подходит здесь лучше, чем термин «смирение», поскольку последнее предполагает непротивление. Вместе с тем нам кажется, что вторая позиция была бы более сильной, если бы использовался термин «аскеза», подчеркивающий альтруистический тип самоограничения.

Очевидно, что мышление, строящееся на рассмотренных максимах, имеет свои особенности. Обозначим их в деонтологическом ключе, в рамках императивистского подхода. Установки современного *homo tolerans* дистанцируются от коллективистского мышления, равно как и от крайних позиций. Толерантное мышление, по сути своей, мышление «индивидуалистское», но в рамках определенного цивилизационного фрейма. Оно нуждается в обосновании, аргументации и доказательности. И в этом ключе оно исторично: нуждается в фактах, на основании которых строятся индуктивные выводы. (Можно предположить, что оно менее дедуктивно, ибо склонно проверять общие положения и тезисы, «с опаской» прибегает к аналогии.) Часто «под видом защиты толерантности идет процесс отказа от нормы

⁸ Здесь используем именно этот термин, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие от общественного сознания.

⁹ Могут использоваться и иные номинации — *homo horribilis* или *homo pessimus*.

¹⁰ Авторы сознательно избегают конкретики, связанной с внутри- и внешнеполитическими реалиями, полагая, что читатель с легкостью обнаружит их самостоятельно в глобальной истории последнего десятилетия.

¹¹ Вариант «терпимость» мы отбрасываем в силу его отрицательной коннотации («дома терпимости»). Это историческое смысловое обременение как раз показывает истинную природу толерантности.

как таковой» [Самохвалова: 35], поэтому homo tolerans нормативен в консервативном (а не в либеральном) ключе. Мышление homo tolerans не нуждается по враге, тогда как, например, homo xenophobicus «предпочитает ... врага неуловимого, вечного» [Каган: 44]. Оно творческое и исследовательское, подчиняется принципам построения научного этоса, поэтому оно чувствительно к противоречиям, привержено процедурам верификации и фальсификации. Homo tolerans избегает редукции и манипуляции, его мышление конкретно (он мыслит не вообще, а в частности). Он диалогичен, причем в субъект-субъектной форме, тогда как его визави коммуницирует в субъект-объектном формате.

Так, мышление homo tolerans обладает следующими сущностными чертами: оно когнитивно открыто, нормативно (консервативно) и диалогично. Важной его характеристикой следует считать принятие неопределенности [Федоров].

Заключение. Динамика homo tolerans (метафорически выражаясь) оказывается преодолением парадигмы сверхчеловека Ф. Ницше и принятием концепции богочеловека Вл. Соловьева. Они обе связаны с концептом совершенства, но если первая — горизонтальная — конституируется через подражание, то вторая — вертикальная — формируется как взросление (восхождение).

Homo tolerans — это социокультурный вид, который определяет лик современной цивилизации. При этом он (как и сама толерантность) амбивалентен. Следует напомнить, что «позиция толерантности возможна, когда истина неизвестна, норма не установлена, закон не писан» [Самохвалова: 33]. Этот момент и задает рамки этологии homo tolerans, выход за которые (как показывает историческая действительность) чреват социальными катаклизмами, а иногда и революциями. «Толерантность — это просто терпимость к не-норме, пока и если она не стала агрессивной, угрожающей чувству нормы большинства» [Там же: 35].

Предложенный в статье конструкт актуального homo tolerans — скорее эскиз, нежели заверченный «портрет». Вместе с тем он отрисовывает некоторые его сущностные черты, значимые для понимания толерантности как определяющего фактора современности, который как может выступить гарантом безопасности, так и «пробить брешь в традиционной культуре, сместив все акценты и смешав ориентиры» [Там же].

Список литературы / References

- Беляев И.А., Лященко М.Н., Максимов А.М. Одиночество как феномен бытия Homo sapiens / Homo cosmicus // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2023. Т. 5, № 3. С. 47—60.
- (Belyaev I.A., Lyashchenko M.N., Maksimov A.M. Loneliness as a phenomenon of the being of Homo sapiens / Homo cosmicus, *Samara State Technical University Bulletin. Series: Philosophy*, 2023, vol. 5, no. 3, pp. 47—60. — In Russ.)
- Белов А.А., Данилов А.Н., Ротман Д.Г. Человек-толерантный в ценностной системе координат «эссенциализм — экзистенциализм» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 740—753.
- (Belov A.A., Danilov A.N., Rotman D.G. Homo tolerant in the value system “essentialism — existentialism”, *RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 740—753. — In Russ.)
- Каган В.Е. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 40—45.
- (Kagan V.E. Homo Xenophobicus: the psychology of “us and them”, *National Psychological Journal*, 2011, no. 2 (6), pp. 40—45. — In Russ.)
- Кравченко А.И. От Homo Neanderthalensis к Homo Existentialis // Социология. 2021. № 1. С. 11—21.
- (Kravchenko A.I. From Homo Neanderthalensis to Homo Existentialis, *Sociology*, 2021, no. 1, pp. 11—21. — In Russ.)

- Миронов В.В. От человека разумного к Homo sapientissimus // Человек.RU. 2020. № 15. С. 208—216.
(Mironov V.V. From Homo sapiens to Homo sapientissimus, *Chelovek.RU*, 2020, no. 15, pp. 208—216. — In Russ.)
- Мо С. Образ «homo resistens» в русской, китайской и западной литературных традициях // Филологический аспект. 2026. № 2 (130). С. 119—132.
(Mo S. The image of homo resistens in Russian, Chinese, and Western literary traditions, *Philological Aspect*, 2026, no. 2 (130), pp. 119—132. — In Russ.)
- Самохвалова В.И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26—45.
(Samokhvalova V.I. Identity, norm, and the limits of tolerance, *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2008, no. 4, pp. 26—45. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Конфликтный этос культуры: семиотический дискурс // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3 (53). С. 73—79.
(Smirnov D.G. Conflict ethos of culture: a semiotic discourse, *Scientific Inquiry: Personality, Education, Culture*, 2024, no. 3 (53), pp. 73—79. — In Russ.)
- Федоров А.А. Homo Infinitus: человек, неопределенность и психологические конструкты // Человек в условиях неопределенности / под ред. О.Н. Первушиной и др. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. С. 36—42.
(Fedorov A.A. Homo Infinitus: man, uncertainty, and psychological constructs, *Man in Conditions of Uncertainty*, ed. by O.N. Pervushina, Novosibirsk, 2006, pp. 36—42. — In Russ.)
- Шавель С.А. Феномен homo patiens — человек терпеливый: социологический анализ // Социология. 2012. № 2. С. 108—122.
(Shavel S.A. The phenomenon of homo patiens — the patient person: a sociological analysis, *Sociology*, 2012, no. 2, pp. 108—122. — In Russ.)
- Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 31—95.
(Scheler M. Man's place in the cosmos, *The Problem of Man in Western Philosophy*, Moscow, 1988, pp. 31—95. — In Russ.)
- Яковлева Е.Л. Опыт философского осмысления инклюзивного человека // Карельский научный журнал. 2015. № 4 (13). С. 12—15.
(Yakovleva E.L. An attempt at a philosophical understanding of the inclusive man, *Karelian Scientific Journal*, 2015, no. 4 (13), pp. 12—15. — In Russ.)
- Blincoe A. Homo Sapiens vs. Homo Patiens or: How one might learn to stop worrying and love AI, *American Catholic philosophical quarterly*, 2025, vol. 99, iss. 2, pp. 337—352.
- Hertwig R., Engel C. Homo Ignorans: Deliberately Choosing Not to Know, *Perspectives on Psychological Science*, 2016, vol. 11, no. 3, pp. 359—372.
- Kolde A.M., Lucci C., Margonis-Pasinetti R. Homo digitalis + Homo plurilinguis = Homo sapiens?, *Babylonia Journal of Language Education*, 2022, vol. 2, pp. 46—51.
- Marcos Borges Paes T., Souza Borges W. From Homo faber to Homo algorithmicus, *Revista Gênero e Interdisciplinaridade*, 2026, vol. 7, no. 1, pp. 587—605.
- Simons J.D., Kudrnáč A., Kepic M., Smetáčková I., Hall T.M. Beyond tolerance toward inclusion: Response to homo- and trans-negative language, *Sexuality, Gender & Diversity in Social Services*, 2025, vol. 37, no. 1, pp. 94—115.
- Tinghög G., Barrafreem K., Västfjäll D. The good, bad and ugly of information (un)processing; Homo Economicus, Homo Heuristicus and Homo Ignorans, *Journal of Economic Psychology*, 2023, vol. 94, p. 102574.
- Vikijo S. Creation Under Siege: The Rise of Homo Deus Over Homo sapiens, *ACTS Theological Journal*, 2025, vol. 65, no. 0, pp. 191—237.
- Wiguna I.B.A.A., Atmaja A.W.T., Tika I.N., Suastra I.W. Homo Complexus: Edgar Morin's Holistic Reconceptualization of Human Nature in La Méthode, *International Journal of Education*, 2025, vol. 4, no. 2, pp. 1441—1455.
- Piechaczek S. Homo malus. Zło jako zasada świata w myśli Emila Ciorana, *Przegląd Humanistyczny*, 2016, no. 60 (2), pp. 57—69.

HOMO TOLERANS THROUGH THE PRISM OF NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY

Merine A. Melikyan, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
merimelikian@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article examines the concept of homo tolerans as a heuristically significant anthropological paradigm that has fallen out of the focus of contemporary philosophical anthropology. The authors analyze the categorical discourse surrounding tolerance, noting the variations in its interpretation — ranging from its equation with mere forbearance to its association with inclusivity and passivity. The evolution of the concept is traced: from homo tolerans to homo patiens, homo ignorans, and homo resistens. Particular attention is paid to the risks and threats associated with the radicalization of tolerance. The philosophical analysis of homo tolerans is conducted within the framework of a systems approach. Its constituent concepts — patience as a fundamental existential characteristic, non-violence, and self-restraint — are identified. The essential traits of the homo tolerans mindset are highlighted: cognitive openness, conservative normativity, a dialogic nature, and the acceptance of uncertainty. In conclusion, homo tolerans is viewed as an ambivalent sociocultural type that defines the face of modern civilization; it can serve as both a guarantor of security and a source of risk when it transcends ethological constraints.

Keywords: homo tolerans, tolerance, forbearance, noospheric anthropology, anthropological models, radical tolerance, non-violence, self-restraint, dialogical nature, uncertainty, anthroposociogenesis

For citation: Melikyan M.A., Smirnov D.G. Homo tolerans through the prism of noospheric anthropology, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 183—189.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 06.04.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Меликян Мерине Акоповна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, merimelikian@mail.ru, SPIN: 4848-7140

Melikyan Merine Akopovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, merimelikian@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, SPIN: 4973-7227

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 190—196.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 190—196.

Научная статья

УДК 140.8:130.3:165.12

EDN <https://elibrary.ru/npeqjx>

DOI: 10.46726/И.2026.3.21

ФИЛОСОФИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАМКИ

Василий Сергеевич Лебедев, Дмитрий Григорьевич Смирнов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

vasleb11@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Аннотация. В статье рассматривается методологический поворот в исследовании экстремального сознания. Определяются методологические координаты анализа экстремального сознания, предлагается система подходов и парадигм, обеспечивающих комплексность анализа. Экстремальность понимается как выход из зоны определенности в зону произвольности под действием принципов эмерджентности и телеологичности. Анализируются системно-синергетический и инвайронментальный подходы, выявляется исследовательский потенциал информационной парадигмы и теории интегрированной информации. Показано, что экстремальная ситуация кардинально меняет пространство-время и глубину сознания. В качестве вывода предлагается авторское определение экстремального сознания через призму рассмотренных подходов, парадигм и теорий.

Ключевые слова: экстремальное бытие, экстремальное сознание, система, синергия, информация, энергия, инвайронментализм, экология сознания, супервентность, пространство-время сознания

Для цитирования: Лебедев В.С., Смирнов Д.Г. Философия экстремального сознания: исследовательские рамки // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 190—196.

Введение. Экстремальное бытие определяет экстремальность сознания или экстремальность сознания генерирует экстремальное бытие. Эти два тезиса — отзвуки основного вопроса философии — в своей комплементарности весьма точно описывают миропостроение первой четверти XXI века¹. Настоящая статья продолжает философскую разработку проблемы экстремального сознания, переводя ее из исторической плоскости [Лебедев, Смирнов] в методологическую.

Цель исследования — определить исследовательские рамки рассмотрения экстремального сознания в пространстве социальной (и политической) философии. Сверхзадачей работы, выходящей за рамки данной статьи, является черновой вариант объяснительной модели организованности экстремального сознания.

Глубинным регулятивом отбора подходов и парадигм в нашем случае оказывается ноосферный дискурс [Смирнов 2010, 2015], который строится на императиве, что синтетическое знание оказывается системообразующим свойством

¹ Поясним здесь, что философия здесь понимается как раз как теория внешнего и внутреннего миропостроения. Авторы полагают, что это наиболее адекватный философский дискурс для анализа экстремального сознания. Думается, что экстремальность как сознаниевый (термин когнитивный, на наш взгляд, сужает исследовательское пространство) феномен рождается не в последнюю очередь из-за «асинхронности» моделей внешнего и внутреннего.

социальной системы. Методологическая «выборка» включает в себя системно-синергетический подход, инвайронментальный подход, информационную парадигму и теорию интегрированной информации.

Системно-синергетический подход. В качестве методологической базы предлагается синтез системного и синергетического подходов, который в рамках ивановской региональной традиции получил название системно-синергетического². Подобное соединение обладает высокой эвристичностью в силу того, что позволяет преодолеть «социо-гуманитарный принцип неопределенности»³: «наблюдатель» совмещает знание состояния релевантной системы и аттракторы ее развития. Иными словами, он получает понимание взаимозависимости концепта и структуры системы и ее динамики развития.

Язык тернарного описания позволяет представить общество на уровнях системообразующего свойства, отношений и реализующих их вещей. При этом именно системообразующее свойство определяет спектр отношений (то есть структуру) и, соответственно, совокупность элементов. Синергетическая составляющая подхода позволяет зафиксировать «воздействия» на концепт аттракторов, приводящих к флуктуациям (отклонениям) на уровнях структуры и субстрата.

Экстремальное сознание — это системный феномен, который может пониматься как результат сложной организованности сознания, предполагающий непрогнозируемую реакцию, то есть представляет собой «систему третьего типа», которая находится в состоянии спонтанной самоорганизации. Экстремальное в этом случае определяется как выход из зоны определенности в зону произвольности в силу действия принципов эмерджентности и телеологичности. Экстремальное сознание как система движется к определенному облаку значений, которое в терминах синергетики допустимо назвать квазиаттрактором. В точке полифуркации (бифуркации) состояние системы, в нашем случае сознания, подразумевает как минимум один летальный для системы исход.

Ноосферный дискурс исследования предполагает, что сознание мыслится как система, которая информационна по концепту (системообразующему свойству), энергийна по структуре (на уровне отношений) [Дмитревская]. В этом ключе главный вопрос в отношении экстремального сознания заключается в том, что же на самом деле определяет его динамику — концепт или структура (хотя сюда можно добавить и субстрат). Гипотеза здесь может быть следующей: доминирование структуры над концептом (энергийной составляющей над информационной) задает флуктуацию экстремального сознания в спектре ближе к летальному исходу, тогда как доминирование концепта над структурой (информационной составляющей над энергийной) «гарантирует» ее безопасность.

² Использование системно-синергетического подхода в последнее время обнаруживает себя преимущественно в исследованиях по педагогике, экономике, менеджменте, филологии, экологии, секьюритологии, кратологии, семиологии, философии образования. В рамках философии сознания теоретико-методологическим ориентиром для нашей работы выступают труды ивановской научной школы философии языка и сознания и философии сознания и ноосферы [Цветков; Жульков; Смирнов 2015; Калинин; Меликян, Смирнов].

³ В классическом варианте принцип неопределенности Гейзенберга формулируется следующим образом: «Невозможно одновременно с точностью определить координаты и скорость квантовой частицы». В лоне гуманитаристики он принимает иную форму: «Невозможно одновременно с точностью определить параметры системы и траекторию ее развития».

Инвайронментальный подход рядоположен системно-синергетическому и дополняет его «средовой» составляющей. В нашем понимании инвайронментальный подход преодолевает классические экологические рамки, конституируя сферу экологии сознания [Яницкий]. «Классикой» применения инвайронментального подхода к проблематике сознания и разума (с обозначением катастрофических периодов в динамике его становления) могут считаться труды академика Н.Н. Моисеева [Моисеев]: его современный рационализм вполне может быть обозначен как инвайронментальный.

В философском плане инвайронментализм исходит из тейяровской идеи «центростремительной среды» [Тейяр де Шарден], которая «обступает нас, проникает в нас, созидает и хранит», это не только место, но и действие, а точнее «присутствие действия», это центр притяжения и синергии, благодаря которому происходит становление человеческого бытия [Бородин: 122]. Центр «стремления» этой среды — человек, точнее его сознание, которое во многом само привносит экстремальность вовне. Получается «замкнутый круг»: среда (в нашем случае среда бытия индивидуального и общественного разума) подстраивает под себя сознание, а последнее, в свою очередь, структурирует соответствующим образом эту среду.

Современное сознание (в том числе и индивидуальное) через призму инвайронментализма бытийствует в целом ряде экстремальных сред — климатической, продовольственной, террористической, управленческой, демографической, экономической, урбанистической, информационной [Смирнов 2017]. Их воздействие строится по принципу мультиплицирующего эффекта. Соответственно возникает «ситуация разрыва и даже взрыва сознания: флуктуации переполняют глобальное бытие, сознаниевая хаотизация устремилась к максимуму...» [Там же: 73]. Действительность убедительно демонстрирует, что «бег по кругу» осуществляется в единственном направлении — от экстремального бытия к экстремальному сознанию. При этом сознанию редко когда удастся изменить траекторию. (Исключение составляет, наверное, временами проявляющийся алармистский дискурс XX века.)

Здесь следует подчеркнуть, что направление «бега» от вещей к отношениям и свойствам не обретает характер системности; системность кроется как раз в обратной последовательности — от свойств и отношений к субстрату (элементам). Заметим, что архитектором концептов (свойств) и отношений был и остается человек (его сознание), который в рамках ноосферного дискурса способен изменять «валентность» информации: видеть оптимальность в экстремальности.

В этом смысле инвайронментализм четко проводит водораздел между парадигмами в понимании сознания: или замкнутый в себе механизм, который существует «в качестве субстанции», или организм, который сущностно связан с окружением; формируется им и им же меняется.

Сознание в постнеклассике. Постнеклассическая парадигма философии сознания переосмысливает подход к последнему в рамках информационной парадигмы, согласно которой сознание интенционально, направлено на источник сигнала, и, «благодаря своему идеальному плану, проектирует маршрут движения в неизвестное и обретает новый опыт» [Скорюков: 53]. В целом речь идет о поиске смысла (точнее, системы смыслов), который движет сознание вперед, приоткрывая неизвестное в будущем. Смысл понимается как нечто преднаходимое, как аттрактор в терминологии синергетической парадигмы. В ноосферном ключе таких актуальных аттракторов, по сути, всего лишь два — техносферный и ноосферный: в первом доминанта за материальной сферой, во втором приоритет отдается знанковой компоненте.

Именно здесь информационная парадигма востребует потенциал системно-синергетического подхода. Одно из ключевых понятий синергетики — «параметр

порядка» — объясняет регулирующие процессы в сложной системе через информацию о состоянии системы более высокого порядка: как некий закон, испытывающий влияние со стороны подчиняющихся частей системы, но определяющий порядок для каждого из них [Вишневская: 37]. Вопрос только в том, какая же система окажется на порядок выше и, соответственно, будет оптимизировать процессы в «ведомой» системе. Думается, что сейчас ведущей системой является техносфера — во всем многообразии ее предметного бытия и овеществленных свойств и отношений. Логика подсказывает, что именно эта цифровая ставка создает предпосылки для сохранения экстремальности в сознании, ибо внешне-цифровое оказывается сложновоспринимаемым внутренне-аналоговым. (Прослеживается здесь и «отголосок» инвайронтентальной парадигмальности, порождая представление о сверхсистемности.)

Современное сознание человека, очевидно, «возможно только в артифицированной среде и функционирует как знаково-символический код» [Скорюков: 56]. Это означает, что информация, способы ее кодирования и передачи являются основным организующим моментом — управляющим параметром — как в обществе как системе, так и применительно к индивидуальному сознанию. Сознание не только «питается» знаками и символами, но и генерирует их для структурирования социальной среды в направлении оптимума. Так, экстремальность оказывается в прямой зависимости от актуальной семиосферы как пространства знаков и символов.

В этом контексте эвристичным оказывается представление о супервентности как отношения зависимости одного набора свойств от другого набора свойств — в нашем случае свойств сознания и свойств среды. Супервентность имеет и системное измерение: так, можно вести речь о «супервентности фактов», «супервентности свойств» [Петров: 787]. Получается, что изменения в одном наборе (системе) элементов, отношений и свойств неизбежно влекут изменения в другом (в другой системе), но прямые причинно-следственные связи не фиксируются. Можно предположить, что здесь важную роль играет так называемый семиотический детерминизм, задающий взаимопереход знаков в факты, и наоборот.

Комплементарной оказывается и теория интегрированной информации, которую в 2004 году предложил итальянский нейробиолог Джулио Тонони. Согласно его концепции, субъективный опыт является данностью и имеет под собой подходящий по качествам субстрат [Яшин, Дубынин: 32]. Иными словами, «в физических системах сознанию взаимно-однозначно соответствует интегрированная информация» [Там же]. В свою очередь, «субъективные переживания возникают в такой системе, где информация интегрируется» [Там же: 33]. Эта концепция весьма эвристична для осмысления общественного сознания / коллективного разума, ведь социум как раз представляет собой такую «интегративную» систему. Автор вводит величину «Ф» для измерения степени интеграции информации: чем она выше, тем выше уровень организации системы, и тем она сложнее. А сложность системы, в свою очередь, есть показатель ее стабильности, вариативности и гибкости. Показатель величины «Ф», вероятно, поможет получить валидный критерий для классификации систем на оптимальные и экстремальные.

Сознание и экстремальная ситуация. Экстремальность (чаще всего) ситуативна. Наверное, поэтому в психологии используют термин «экстремальные ситуации», понимая под таковыми «ситуации, которые выходят за пределы обычного, нормального человеческого опыта...» [Филимонов, Бережная: 423]. Вместе с тем заметим, что в качестве фрустрирующего фактора может выступать не только событие, но и информация о нем. (В конечном счете, сознание, вероятно,

«превращает» всякое событие в информацию.) И именно информация о событии «продлевает его жизнь» в сознании⁴.

Экстремальная ситуация кардинально меняет пространство-время сознания (и мышления). Это можно описать через условный «принцип обратного соответствия»: время «ускоряется», а пространство «сужается». Эмоциональный шок характеризуется «обострением восприятия и увеличением скорости мыслительных процессов» [Там же: 425]. Пространство же «Я» во время трудного и опасного действия сжимается до «чисто внутреннего единства, перестаю видеть и слышать что-либо внешнее, свожу себя и свой мир к чистому самоощущению» [Бондаренко: 75]⁵. Есть здесь и третье измерение — своеобразная (можно сказать, когнитивная) глубина, которая характеризуется резким «снижением критической оценки ситуации» [Филимонов, Бережная: 425]. Вероятно, что ускорение восприятия происходит за счет максимального упрощения картины мира — ее элементов, свойств и отношений: в моменте актуальными для сознания становятся максимы. С подобным упрощением может быть связано и понижение критической оценки: на нее оказывают влияние отбрасываемые в этот момент внешние данные.

Эвристичным оказывается здесь и представление о квалиа как о «переживании конкретного ощущения». Сознание, сталкиваясь с информационным сигналом, «оценивает» его интенсивность и содержание. Эти оценки неосознанно подменяют друг друга, и потому нередко сама интенсивность становится информацией.

Заключение. В рамках обозначенных выше методологических подходов и парадигмальных установок экстремальное сознание может быть определено как *пограничное, относительно продолжительное состояние сознания, характеризующееся вынужденным переструктурированием, часто связанным с упрощением актуальной картины мира (или ее конкретной части / подсистемы), по причине внезапной смены системообразующего свойства (информации) среды*. Подобное состояние возникает в условиях ускорения когнитивных операций и уменьшения масштабности перцепции. Следует отметить, что первостепенное значение здесь имеет не столько сила внешнего воздействия, сколько его продолжительность, связанная с когнитивной трансформацией конкретного события в раздражающую информацию.

Список литературы / References

- Бондаренко А.В. К вопросу о синергетической парадигме в философской психологии // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 37. С. 70—76.
(Bondarenko A.V. On the synergetic paradigm in philosophical psychology, *Topical Issues of Modern Science*, 2014, no. 37, pp. 70—76. — In Russ.)
- Бородин Е.А. «Живое право» глобального разума: инвайронментальный подход // Научное мнение. 2015. № 10-2. С. 121—127.
(Borodin E.A. The “living law” of global reason: an environmental approach, *Scientific Opinion*, 2015, no. 10-2, pp. 121—127. — In Russ.)
- Вишневская Ю.А. Теоретические основы синергетики Германа Хакена // Просвещение и познание. 2022. № 7 (14). С. 33—43.

⁴ Актуальности этому тезису добавляет тот факт, что в обществе, где информация стала самоценностью, она даже может не иметь под собой действительных оснований, то есть быть фейковой. Вместе с тем ее воздействие на сознание такой информации принципиально не отличается от влияния реального события.

⁵ Здесь автор цитирует М.М. Бахтина, который «разбирает» первое правило спорта — «смотри прямо перед собою, не на себя».

- (Vishnevskaya Yu.A. Theoretical foundations of Hermann Haken's synergetics, *Enlightenment and Cognition*, 2022, no. 7 (14), pp. 33—43. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 2. С. 38—52.
- (Dmitrevskaya I.V. Noosphere as a systemically organized universal, *Noospheric Studies*, 2023, vol. 2, pp. 38—52. — In Russ.)
- Жульков М.В. Некоторые системно-синергетические и энергоинформационные аспекты становления разума и ноосферы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7-1 (13). С. 41—46.
- (Zhulkov M.V. Some system-synergetic and energy-information aspects of the emergence of reason and the noosphere, *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 7—1 (13), pp. 41—46. — In Russ.)
- Калинин П.Е. Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознательной и языковой реальности. Иваново: ИвГУ, 2015. 264 с.
- (Kalinin P.E. *The Ontology of Holistic Consciousness: Spatio-Temporal Organization of Global Consciousness and Linguistic Reality*, Ivanovo, 2015, 264 p. — In Russ.)
- Лебедев В.С., Смирнов Д.Г. Экстремальное сознание: краткая история идеи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 1. С. 165—171.
- (Lebedev V.S., Smirnov D.G. Extreme consciousness: a brief history of the idea, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, no. 1, pp. 165—171. — In Russ.)
- Меликян М.А., Смирнов Д.Г. Философия человеческого качества: искушение hi-tech и hi-hume искупление // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 174—182.
- (Melikyan M.A., Smirnov D.G. The philosophy of human quality: the temptation of hi-tech and hi-hume redemption, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 2, pp. 174—182. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Современный рационализм. М., 1995. 376 с.
- (Moiseev N.N. *Modern Rationalism*, Moscow, 1995, 376 p. — In Russ.)
- Петров В.Б. О супервентности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28, № 3. С. 785—795.
- (Petrov V.B. On supervenience, *RUDN Journal of Philosophy*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 785—795. — In Russ.)
- Скорюков О.Н. Методологическая проблема исследования сознания // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 52—57.
- (Skoryukov O.N. The methodological problem of studying consciousness, *Society and Power*, 2015, no. 6 (56), pp. 52—57. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 74—91.
- (Smirnov G.S. Noosphere in the age of global catastrophes, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2010, no. 2 (10), pp. 74—91. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: ИвГУ, 2015. 504 с.
- (Smirnov G.S. *The Formation of the Noosphere: Philosophical and Methodological Problems of the Evolution of Consciousness*, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Экстремальная экология глобального сознания: глобальное и локальное во фрустрированном российском сознании // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 63—74.
- (Smirnov G.S. Extreme ecology of global consciousness: global and local in frustrated Russian consciousness, *Noospheric Studies*, 2017, no. 2 (18), pp. 63—74. — In Russ.)
- Тейяр де Шарден П. Божественная среда. М.: Ренессанс; СП «Иво-сид», 1992. 311 с.
- (Teilhard de Chardin P. *The Divine Milieu*, Moscow, 1992, 311 p. — In Russ.)

- Филимонов Е.Р., Бережная Н.А. Изучение психологии людей в чрезвычайных ситуациях // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2013. № 1 (4). С. 422—426.
(Filimonov E.R., Berezhnaya N.A. Studying human psychology in emergency situations, *Fire Safety: Problems and Prospects*, 2013, no. 1 (4), pp. 422—426. — In Russ.)
- Яницкий О.Н. Инвайронментализм — идеология будущего? // Наука в России. 1994. № 2. С. 82—88.
(Yanitsky O.N. Environmentalism: an ideology of the future?, *Science in Russia*, 1994, no. 2, pp. 82—88. — In Russ.)
- Яшин А.С., Дубынин И.А. Теория сознания Дж. Тонони: анализ и критика // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2021. № 4. С. 31—40.
(Yashin A.S., Dubynin I.A. G. Tononi's theory of consciousness: analysis and critique, *Moscow University Bulletin. Series 7: Philosophy*, 2021, no. 4, pp. 31—40. — In Russ.)

PHILOSOPHY OF EXTREME CONSCIOUSNESS: RESEARCH FRAMEWORK

Vasily S. Lebedev, Dmitry G. Smirnov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
vasleb11@mail.ru, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

Abstract. The article examines the methodological shift in the study of extreme consciousness. It defines the methodological coordinates for analyzing extreme consciousness and proposes a system of approaches and paradigms to ensure a comprehensive analysis. “Extremality” is understood as a transition from a zone of certainty to a zone of volition, driven by the principles of emergence and teleology. The study analyzes system-synergetic and environmental approaches and explores the research potential of the information paradigm and integrated information theory. It demonstrates that an extreme situation radically alters the space-time and depth of consciousness. In conclusion, the author proposes a definition of extreme consciousness based on the approaches, paradigms, and theories discussed.

Keywords: extreme existence, extreme consciousness, system, synergy, information, energy, environmentalism, ecology of consciousness, supervenience, space-time of consciousness

For citation: Lebedev V.S., Smirnov D.G. Philosophy of extreme consciousness: research framework, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 190—196.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026; принята к публикации 28.08.2026.

The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 30.06.2026; accepted for publication 28.08.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Лебедев Василий Сергеевич — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vasleb11@mail.ru, SPIN: 9754-1671

Lebedev Vasily Sergeevich — postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vasleb11@mail.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, smirnovdg@ivanovo.ac.ru, SPIN: 4973-7227

Smirnov Dmitry Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, smirnovdg@ivanovo.ac.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)). Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 80 %.

Использование ИИ для написания текста статьи (включая аннотацию, введение, обзор литературы, результаты и заключение) категорически запрещено.

Статьи направляются в редакцию только в электронном виде по адресу: vestnik.ivgu@mail.ru (ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

- 1) текст статьи с аннотацией, ключевыми словами на русском и английском языке и сведениями об авторе;
- 2) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля — верхнее 2,7 см, левое и правое 4 см, нижнее 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы — не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи — не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 4. С. XX—XX.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 4. P. XX—XX.

Научная статья

УДК

EDN

DOI

НАЗВАНИЕ

(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя, отчество, фамилия (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Аннотация. На русском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10. Должна содержать: постановку проблемы, обозначение новизны подходов, концепции, результатов и др., исследовательские выводы.

Ключевые слова: на русском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Благодарности (при необходимости): работа выполнена при поддержке... (Times New Roman, кегль 10).

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 4. С. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

НАЗВАНИЕ на английском языке
(Times New Roman, полужирный шрифт, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Имя О. Фамилия на английском языке (Times New Roman, полужирный шрифт, курсив, кегль 12, выравнивание по левому краю)

Аффилиация на английском языке (название университета, организации и т. д.), город, страна, e-mail (Times New Roman, кегль 10).

Abstract. На английском языке (150—200 слов), Times New Roman, кегль 10.

Keywords: на английском языке (5—6 слов и/или словосочетаний), Times New Roman, кегль 10.

Acknowledgments (при необходимости): the work was supported by... (Times New Roman, кегль 10).

For citation: Familiya I.O. Article title, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 4, pp. XX—XX. (Times New Roman, кегль 10).

Основной текст статьи (Times New Roman, кегль 11).

Список литературы / References

Шрифт Times New Roman 10.

Формируется по алфавитному принципу, без нумерации.

Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

В References

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: In Russ.

Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, к. 304.

Более подробная информация — на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
2026. Вып. 3

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреянова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андреяновой*

Дата размещения на сайте 28.09.2026 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,8. 3,53 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**
Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год